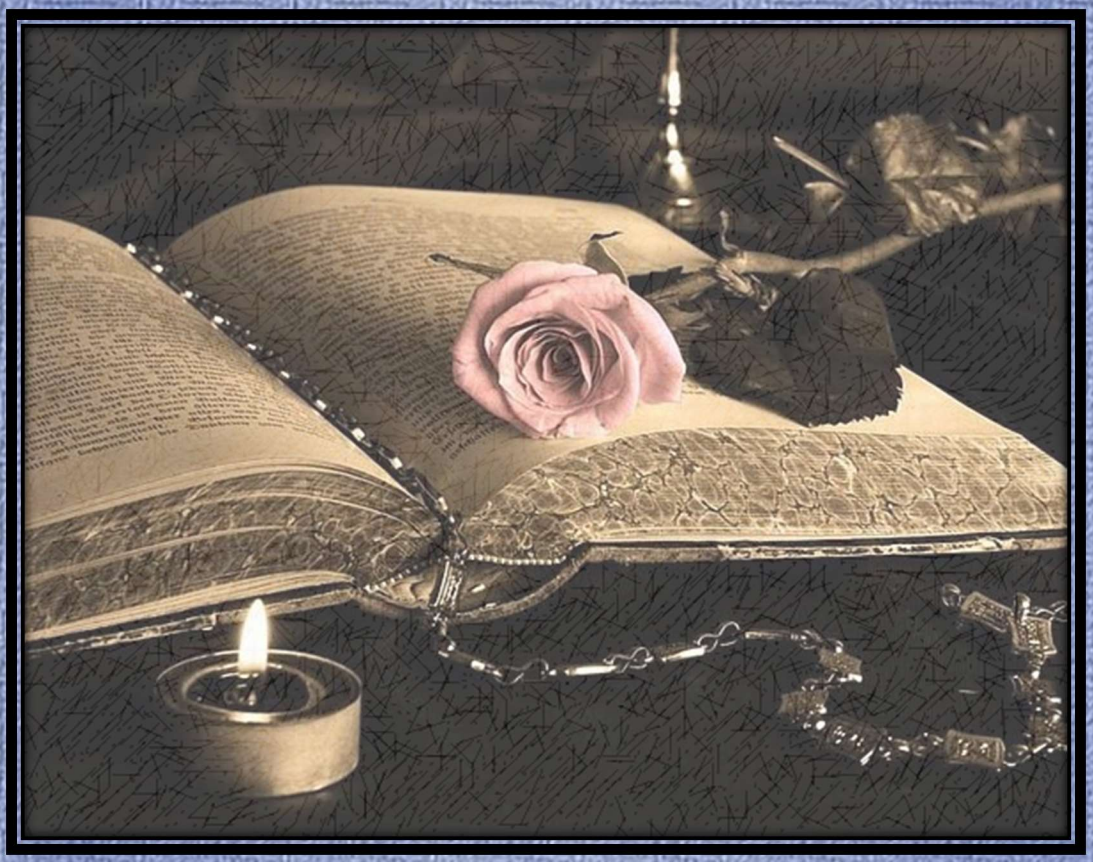
РОБЕРТ ФРОСТ

СТИХОТВОРЕНИЯ

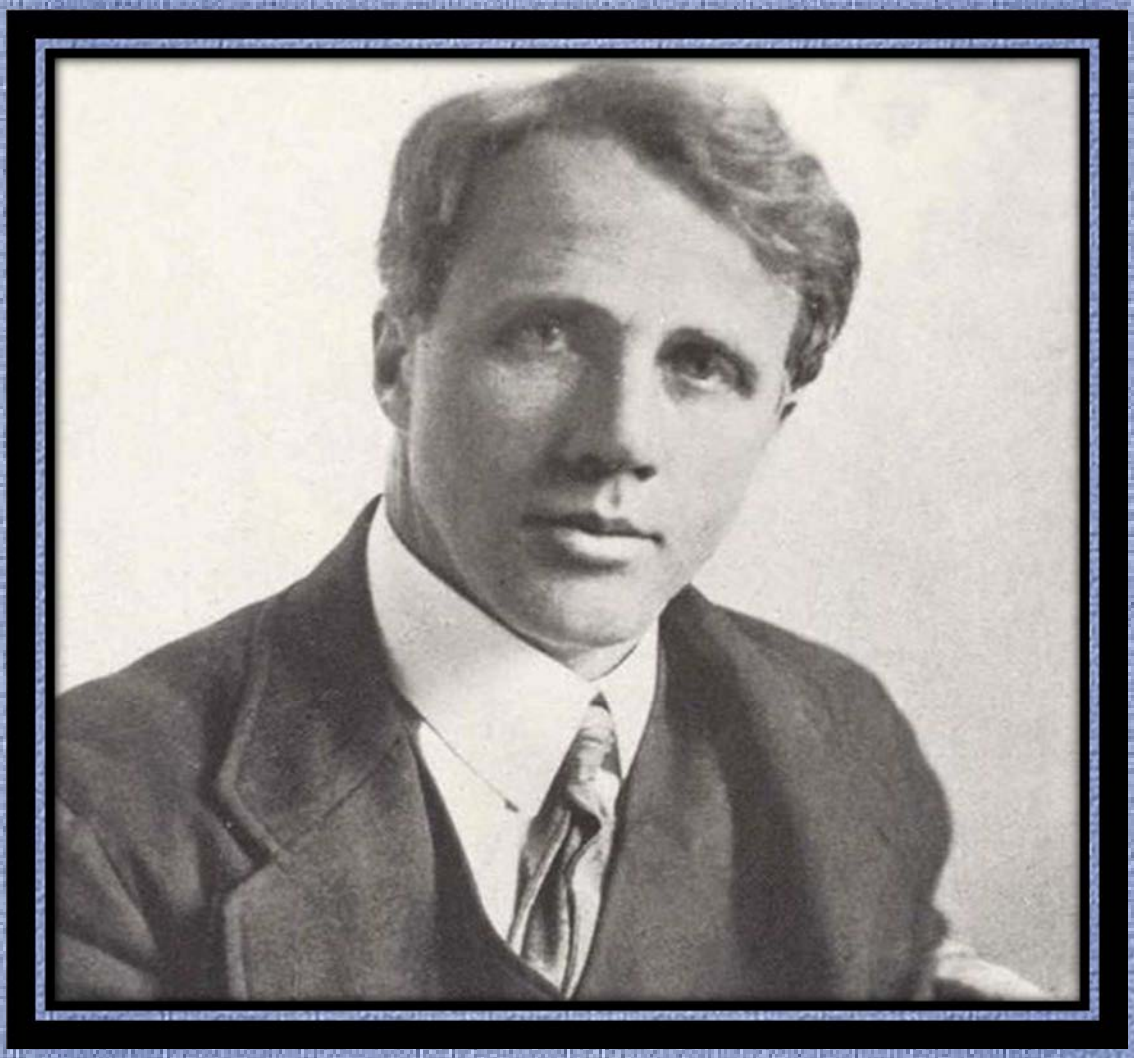
Роберт Фрост. СТИХОТВОРЕНИЯ

Данное издание не имеет ограничений по возрасту и полу.



Сборник стихотворений Роберта Фроста, биография поэта – 2015 год – 282 стр.

Роберт Фрост



1874 - 1963

Fire and Ice

Some say the world will end in fire;
Some say in ice.
From what I've tasted of desire
I hold with those who favor fire.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of hate
To say that for destruction ice
Is also great
And would suffice. <<*>>

*-варианты перевода этого произведения Вы можете оценить в самом начале раздела «Стихотворения» этого издания.

Роберт Фрост. Биография

Роберт Фрост (1874-1963) считается в США поэтом № 1 для всего XX века (как для XIX столетия - Уолт Уитмен), и этот бесспорный факт иностранного читателя несколько озадачивает. Тем более, что американская поэзия заканчивающегося столетия богата звездами первой и второй величины: Эзра Паунд, Томас Стирнс Элиот, Харт Крейн, Э. Э. Каммингс, Уистен Хью Оден, Эдгар Ли Мастере, прославленная плеяда так называемой "южной школы", и многие, многие другие. И при всем этом изобилии и великолепии единственным общенациональным поэтом слывет именно Фрост. Его же, кстати, считал своим любимым поэтом (правда, называя при случае и другие имена) Иосиф Бродский. Но, пожалуй, еще более впечатляет та дань, которую отдал Фросту на редкость ревнивый к чужой славе, особенно поэтической, В. В. Набоков. Поэма из написанного по-английски романа "Бледное пламя" явно восходит к Фросту и пронизана стремлением перещеголять знаменитого американца, обыграть его, так сказать, "в гостях"... Правда, этот замысел Набокова нельзя признать удавшимся (а по большому счету - и понятым современниками), да и не был сам В. В. Набоков ни в английских стихах, ни в русских по-настоящему крупным поэтом, но к посредственностям не ревнуют, а Набоков к Фросту, вне всякого сомнения, ревновал. Меж тем величие стихов Фроста открывается читателю далеко не сразу: поэт, на первый взгляд, простоват, а при более углубленном прочтении оказывается, наоборот, чересчур сложным, чтобы не сказать темным.

В СССР стихи Фроста издавали несколько раз, советская власть обеспечила ему режим наибольшего благоприятствования, он проходил по разряду "сочувствующих", но это же отталкивало от него нашего читателя, привыкшего в поэзии (в переводной поэзии в том числе и, может быть, в первую очередь) искать (по слову Осипа Мандельштама) "ворованный воздух" свободы. Фрост дышал этим воздухом - но не на наш, советско-антисоветский, лад. Слова, сказанные почти девяностолетним поэтом в ходе его визита в СССР в 1962 году, оказались воистину определяющими - властям они льстили, а потенциальный читательский интерес убивали на корню:

"Ваша эмблема - серп и молот, моя - коса и топор. Мои любимые занятия: косить, рубить дрова и писать пером. Я знаю вас лучше, чем госдепартамент: я изучал Россию по русской поэзии и приехал проверить все, что она мне сказала. Поэзия - это мечта, создающая великое будущее. Поэзия - это заря, озарение. Поэтам полезно ездить друг к другу с поэтической миссией, но хорошо, когда это помогает политике. Встречи поэтов полезнее, чем встречи дипломатов, ибо сближают родственные души".

Поэта, разразившегося подобными благоглупостями (пусть и в восьмидесятивосьмилетнем возрасте), читать определенно не хотелось! Своих таких хватало... Так, по крайней мере, казалось тем, кто зачитывался едва начавшими переводиться у нас Лоркой и Рильке, Элиотом и Элюаром, на худой конец, Нерудой и Хикметом. Понадобились десятилетия, чтобы преодолеть естественное отторжение и взглянуть на поэта без априорного предубеждения и прочитать его как великого лирика, философа и натурфилософа, каким он на самом деле и был. Но когда это наконец произошло (в середине восьмидесятых, на заре перестройки), массовый интерес к поэзии уже угасал и авторитетное двуязычное издание, вышедшее труднопредставимым по нынешним временам тиражом в 35 тысяч экземпляров, прошло практически незамеченным, как и многие другие прекрасные книги, несвоевременно появившиеся в тот же период. Но что означает несвоевременно (или "не ко времени")? Слишком поздно или слишком рано? Вот вопрос, на который должна ответить предлагаемая вашему вниманию книга.

☆ ☆ ☆

Жизнь Фроста скупа на события, неторопливa, монотонна, однообразна. Нерадивый школьник и студент (закончивший только колледж - на университет не хватило денег), затем сельский учитель, сочетающий преподавание с трудом на ферме, затем поэт, затем знаменитый поэт, продолжающий фермерствовать в Новой Англии. Первый сборник Фрост, впрочем, издал только к сорока годам – и его название ("Прощание с юностью", а в иных переводах и "Воля мальчика") воспринималось заведомо иронически. Правда, ирония пронизывала все творчество Фроста - и задним числом она кажется даже избыточной: Фрост пишет, допустим, замечательное лирико-философское стихотворение "Неизбранная дорога" (см. в книге) - и тут же объявляет, будто это юмористические стихи, в которых он подтрунивает над своим нерешительным другом. Уже в 20-е годы Фрост воспринимался как живой классик и продолжал фермерствовать до самой смерти. Есть знаменитая фотография Бориса Пастернака с лопатой на садовом участке в писательском поселке Переделкино, в Америке знаменита другая семидесятилетний Фрост с каким-то нехитрым садовым инструментом.

Личная жизнь Фроста также была скудна, хотя по-своему драматична. Немногие важные и почти всегда трагические события (трудное ухаживание за будущей женой, попытка самоубийства после ее первого отказа, смерть первенца) обыгрываются в стихах многократно. И в то же самое время поражает полное отсутствие любовной лирики в традиционном понимании слова - хотя бы в юности. Вероятно, драматична была и поздняя любовь Фроста к своей многолетней помощнице и секретарше (разумеется, после кончины супруги после тридцати лет брака; Фрост был человеком строгих правил): отвергнув ухаживания поэта, а вернее, отказавшись ради брака, предложенного им, разойтись с мужем, она дружила с поэтом и работала на него до самой его смерти. Фрост не участвовал в мировых войнах, не был ни пьяницей, ни наркоманом, он жил в

одиночестве, которое воспринимал как безлюдье и которым, по-видимому, ничуть не тяготился. Любопытный психологический штрих - Фрост никогда не писал стихов по свежим следам как непосредственный эмоциональный отклик на то или иное событие, но лишь после долгой - иногда многолетней - паузы, дав чувству (или чувствам) дистиллироваться и отстояться.

Первую книгу Фрост издал в Англии, прославился в Америке; на протяжении десятилетий его стихи и его самого воспринимали по обе стороны океана совершенно по-разному. Для англичан он был поздним, может быть, последним романтиком, для американцев - реалистом, хранящим верность "правде жизни", - от конкретных примет пейзажа до узнаваемых персонажей. Для обоих подходов имелись определенные основания, хотя оба теперь кажутся упрощенными. Фроста следовало бы признать поэтом-экзистенциалистом (или поэтом-стоиком, что, впрочем, означает примерно то же самое), нашедшим смутно-атеистический (или пантеистический) ключ к преодолению ужаса бытия. Вместе с тем творчеству Фроста присущ дуализм - не только философский, но и формальный. И на этом вот формальном дуализме стоит остановиться в попытке увязать его с дуализмом философским.

На протяжении всей творческой жизни Фрост писал как рифмованные, так и белые стихи. Рифмованные были, как правило, невелики по размерам и традиционны по форме, белые - насчитывали порой по много сотен строк. Забегая вперед, отметим, что славой своей Фрост обязан пяти-шести рифмованным стихотворениям, попадающим во все антологии англоязычной поэзии, и всем без исключения белым.

Белые стихи Фроста написаны в форме драматического монолога (или иногда диалога), восходящей к английскому поэту XIX века Роберту Браунингу, учившемуся, в свою очередь, у Шекспира. Порой перед нами монолог автора (лирического героя), порой - персонажа, порой - диалог или последовательные монологи нескольких персонажей. Тот же Бродский освоил фростовскую технику в ряде стихотворений, первым в ряду которых следует назвать

"Посвящается Ялте". Образ рассказчика, обстоятельства места, времени и образа действия, наконец, рассказываемая или обсуждаемая в стихотворении история проступают не сразу; часто читатель вообще не понимает поначалу, о чем идет речь, а порой - как в знаменитом "Страхе" или в не вошедшем в наш сборник "Черном коттедже" - так и остается если не в неведении, то в полузнании, остается в сомнении. Читатель колеблется, как принц Гамлет, и питая подозрения, и не решаясь проникнуться ими до конца. Но те же сомнения, то же полузнание или, если угодно, полупознание - базовая предпосылка философии экзистенциализма, к которой Фрост пришел стихийно и уж в любом случае не читая ни французских экзистенциалистов, ни немецких. Впрочем, до сомнения в ресурсах языка, как средства познания (сомнений, предвосхищенных Федором Тютчевым и актуализованных прежде всего "франкфуртской школой"), Фрост не доходит: изреченная мысль не становится для него ложью, но попадает в двусмысленное положение неполной правды. А чтобы дойти до правды... нет, не дойдешь, но никто не мешает тебе искать разгадку, разрабатывать гипотезу, интуитивно нащупывать нечто важное... Сегодня мы можем назвать поэзию Фроста интерактивной - более того, можем признать интерактивность одним из главных ее достоинств.

Ну и, конечно, магия стиха. Теряется ли она в переводе? Фроста у нас печатали много, а переводили мало, переводили не все, кому следовало бы переводить его, переводили и те, кому переводить Фроста не следовало бы. В настоящем издании многие ключевые стихи Фроста представлены в двух переводах - и читатель сам в силах проследить угол расхождения, в силах на стыке двух переводов выстроить виртуальный третий. А самое знаменитое стихотворение Фроста - "В лесу снежным вечером" - здесь и вовсе выделено в особый раздел "Антология одного стихотворения". Вчитываясь в переводы этого стихотворения, особое внимание надо уделять двум последним строкам, вернее, одной и той же, но повторенной дважды.

"Пройти долгие мили, прежде чем я усну,
Пройти долгие мили, прежде чем я усну"

(Подстрочный перевод)

В первый раз эта бесхитростная строка имеет конкретный смысл, во второй - метафорический, в совокупности конкретный и метафорический смыслы слагаются в метафизический. Точно так же (хотя, может быть, и не столь наглядно) дело обстоит и со всей поэзией Роберта Фроста.

Виктор Топоров

СТИХОТВОРЕНИЯ

АНТОЛОГИЯ ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ОГОНЬ И ЛЁД
(Fire and Ice)

1

Одни твердят, что сгинет мир в огне,
Другие - что во льду;
И миру - часто думается мне –
Погибнуть надо именно в огне.
Но если землю смерть двукратно ждёт,
То без труда я ненависть найду
И так скажу: пусть всё разрушит лёд;
Он, с пламенем в ряду,
Отлично подойдёт.

Перевод Сергея Шоргина

2

Одни говорят мир умрет в огне,
Другие твердят, про лед.
Я долго жил и кажется мне
Огонь скорей подойдет.
Ну если бы кто-нибудь мне сказал
Что дважды нас гибель ждет
Я не удивился бы, я узнал,
Что ненависть толще чем лед.
И равнодушие холодней

Вечных покровов льда.
И если для смерти не хватит огней,
Лед сгодится тогда.

Перевод Давида Эйдельмана

3

Как мир погибнет, от огня?
Иль ото льда погибель ждёт?
Сомнений нету у меня
Огонь опаснее, чем лёд.
Но если мировой пожар
Земной наш не погубит шар,
То даст достаточно нам льда
Холодная вражда.

Перевод Вл. Васильева

4

Кто говорит, мир от огня погибнет,
кто от льда.
А что касается меня,
я за огонь стою всегда.
Но если дважды гибель ждёт
наш мир земной,-ну что ж,
Тогда для разрушенья лёд хорош,
и тоже подойдёт.

Перевод М. Зенкевича

5

Твердят, мол, сгинет мир в огне,
или во льду.

По опыту, пожалуй, мне приятней
погибать в огне.
Но, если дважды на роду написано
нам погибать,
Я силу и во зле найду - уничтожать
дано и льду.

Перевод С. Степанова

6

Одни считают, мир погибнет от огня,
Другие говорят, что лёд,
На нас судьба в конце времён пошлёт.
Сгорать от страсти мне привычно,
И я - среди поклонников огня.
Но если мир погибель дважды ждёт,
Добавлю, что и ненависти лёд,
Отлично подойдёт.

Перевод Л. Ситника

7

Есть мнение, что мир найдёт
Конец в огне,
Другие - предлагают лёд.
Я помню страсти вкус, и вот -
Смерть от огня по нраву мне.
Но знал я в жизни и вражду,
И понимаю, что в войне,
Конец во льду хорош вполне.

Перевод Л. Оборина

8

Кто говорит, что мир сгорит,
Кто говорит - остынет,
От страсти я сгорал и сам,
Огню я первенство отдам,
Но если мир не сразу сгинет,
Я с ненавистью ледяной
Знаком: вот выход запасной,
И я вас уверяю, лед - не подведёт.

Перевод М. Бородицкой

9

Замёрзнет мир или сгорит -
Два мнения у мудрецов.
не знаю, что мне больше льстит.
Я бы избрал в конце концов,
Скорее, огненный финал.
Но если льдом захочет Бог
Закончить - кто бы возражал?
Огонь хорош,
И лёд неплох.

Перевод Г. Кружкова

10

Одни считают: гибель мирозданья
Случится ото льда, другие - от огня.
Изведав страстный пыл желанья,
Я с теми, кто за пыл огня.
Но если миру дважды исчезать,
Мне ненависти хватит, чтоб сказать,

Что для уничтоженья лёд хорош,
И тоже подойдёт.

Перевод Б. Зверева

11

Мир, говорят, сгорит в огне
Иль станет льдом.
Вкус страсти я познал вполне-
Пожалуй, мир сгорит в огне.
Но если дважды гибель ждет,
То ненависть познав сполна,
Я знаю, как смертелен лед-
Боюсь, зима
Нас всех убьет...

Перевод Никиты Гордеева

12

Есть мнение, что мир сгорит,
А есть – что вмёрзнет в лёд,
Желаний опыт говорит,
Что пламя в споре победит.
А коль не всё сожжёт,
Так ведь и ненависть сильна,
И в свой черёд
Мир сможет заковать она
Надёжно в лёд.

Перевод А. Грибанова

13

Одни твердят – мир сгубит пламя,
Другие – лёд.
Пригубив страсть, согласен с вами,
Кто верит – мир разрушит пламя.
Хотя, случись другой исход,
Уж коль вражда знакома мне,
Скажу, для разрушенья лёд
Хорош вполне
И подойдёт.

Перевод «Жучок 2»

14

«Погубит этот мир огонь!»
«Да нет же, лёд!»
Со страстью пламенной знаком,
Я – среди тех, кто за огонь.
Но коль мир гибель дважды ждёт,
То, знавший ненависть и ложь,
Скажу: «Для разрушенья лёд
Весьма пригож,
Вполне сойдёт».

Перевод Г. Яропольского

15

Мир, спорят, сгинет от огня
Или во льду?
Поскольку страсти жгут меня,
Скажу, что сгинет от огня;
Но, если дважды пропаду,

То, ненавистью изведён,
Воздам я должное и льду,
Горазд и он навлечь беду.

Перевод А. Шараповой

16

Кто говорит, что мир угробит пламя,
Кто говорит – что лёд.
Но, если выбирать – обеими руками
Я б стал голосовать за пламя.
А если можно свести счёт
С ним дважды – злобы
Моей вполне хватает, чтобы
Сказать, что лёд
Для этой цели тоже подойдёт.

Перевод А. Пустогарова

17

Иной хоронит мир в огне,
Иной во льду.
Я жизни пыл вкусил вполне
И умереть хочу в огне.
Но если дважды в мир приду,
И если вновь погибнет он,
Припомню я тогда вражду,
Решив, что в гибели во льду
Есть свой резон.

Перевод Г. Циплакова

18

Погибнет этот мир в огне
Иль в ледяной броне?
Я больше верю в страсть, огонь.
А, впрочем, если б дважды он
Исчезнуть мог, вполне
Холодной ненависти ком
Сказать позволит мне,
Что мир погибнет подо льдом
Не хуже, чем в огне.

Перевод Андрея Гончарука

19

Одни твердят, что мир сгорит в огне,
Другие говорят – обледенеет.
Я испытал накал страстей, и мне
Поверить легче тем, кто видит мир в огне.
Но если этот мир сумеет
Погибнуть дважды, знаю – ненависти лёд
Для разрушенья тоже подойдёт
И преуспеет.

Перевод Анны Родичевой-Росс

В ЛЕСУ СНЕЖНЫМ ВЕЧЕРОМ

STOPPING BY WOODS ON A SNOWY EVENING

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;

He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark and deep,
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

ОСТАНОВКА ЗИМНИМ

ВЕЧЕРОМ У ЛЕСА

Я понял, чьи это леса кругом:
У их хозяина - в деревне дом,
И не увидит он, что я гляжу,
Как заметает их снежком...

Лошадке странно: зачем среди тьмы
В пути остановились мы
Между замерзшим озером и лесом,
В самый темный вечер зимы.

Она, бубенчиками звеня,

Встряхнулась, словно спросив меня,
Зачем мы тут и что нам надо,
Где только снег - и ни огня.

Лес чуден, темен - глянь в глубину.
Но прежде я все долги верну...
И много миль, пока я усну,
Так много миль, пока я усну...

Перевод Василия Бетаки

В СНЕЖНЫЙ ВЕЧЕР

ДОРОГОЮ МИМО ЛЕСА

Чей это лес, не знаю я:
Вокруг ни дыма, ни жилья.
На лес, на темный небосвод
Смотрю, дыханье затая.
Моя лошадка не поймет,
Чего ее хозяин ждет
Среди озер в краю глухом,
Где только снег, где только лед.

Она тряхнула бубенцом:
Быть может, путь нам незнаком?
В ответ притихший ветерок
Пошевелился за кустом.
Хоть лес красив, дремуч, высок,
Но ждут меня сегодня в срок,
А до ночлега путь далек,
А до ночлега путь далек.

Перевод Вл. Васильева

СНЕЖНЫЙ ВЕЧЕР В ЛЕСУ

Я опознал, чей это бор,
Но вряд ли он покинет двор,
Чтобы следить, как я в лесу
Его снегами тешу взор.

Моя лошадка смущена:
Зачем осажена она
От озера невдалеке,
Где лес один да тьма одна?

На сбруе бубенец звенит:
"Окончен путь или забыт?"
В ответ вздыхает ветерок
Да снег летит, да снег летит.

Как лес манящ, глубок, хорош!
Но сам себя не проведешь:
Пройдешь весь путь - тогда уснешь.
Пройдешь весь путь - тогда уснешь.

Перевод Н. Голя

ГЛЯДЯ НА ЛЕС СНЕЖНЫМ ВЕЧЕРОМ

Мне кажется, я знаю чей
Огромный лес, но из своей
Глуши он вряд ли различает
Меня и след моих саней.

Мою лошадку удивляет,
Что нас к жилью не приближает
Наш путь: меж лесом и прудом

Замерзшим мрак нас настигает.

Она тряхнула бубенцом,
Мол, все ли так, туда ль идем.
И вновь беззвучна тишина.
Лишь ветер ходит подо льдом.

Лес дивен: мрак и глубина.
Но обещаниям верна
Душа. И много миль до сна.
И много миль еще до сна.

Перевод Т. Гутиной

ОСТАНОВИВШИСЬ НА ОПУШКЕ В СНЕЖНЫХ СУМЕРКАХ

Чей это лес - я угадал
Тотчас, лишь только увидал
Над озером заросший склон,
Где снег на ветви оседал.

Мой конь, задержкой удивлен,
Как будто стряхивая сон,
Глядит - ни дыма, ни огня,
Тьма и метель со всех сторон.

В дорогу он зовет меня.
Торопит, бубенцом звеня.
В ответ - лишь ветра шепоток
Да мягких хлопьев толкотня.

Лес чуден, темен и глубок.

Но должен я вернуться в срок.
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.

Перевод Г. Кружкова

ОСТАНОВКА НА ОПУШКЕ ЛЕСА

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Я вроде знаю, чьи владенья
Сей лес. Но дом его в селенье,
Он не увидит, как, немой,
Стою и медлю я в сомненье.

И конь в недоуменье мой:
Зачем стоим, объяты тьмой?
Зачем хозяин непутевый
Домой не правит по прямой?

Трясет бубенчик, бьет подковой,
Немедля двинуться готовый.
Не нарушая тишину,
На землю валит снег пуховый.

Красив и темен, в глубину
Лес манит, но я не сверну -
И много миль, пока усну,
И много миль, пока усну.

Перевод С. Степанова

ОСТАНОВИВШИСЬ В ЛЕСУ СНЕЖНЫМ ВЕЧЕРОМ

Я угадал, чей это лес,
Да ведь лесник живет не здесь,
Он вряд ли выйдет на меня,
Пока метель метет с небес.

Мой коник, видно, в толк не взял,
Что означает наш привал,
Когда кругом ни огонька,
Лишь мерзлый пруд и стылый шквал.

Бубенчиками он трясет,
Не время, дескать ли, вперед.
Единственный ответный звук
Морозный ветер издает.

Лес темен, ладен и глубок,
Но мне распутывать клубок,
И дом, где ждут, еще далек,
И дом, где ждут, еще далек.

Перевод В. Топорова

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ У ЛЕСА

Чей это лес и эти дали?
Хозяин этих мест едва ли
Поймет, к чему мы здесь, у кромки
Заснеженного поля, стали.

И непонятно лошаденке,

Зачем мы здесь в ночной поземке
Стоим, где пасмурные ели
Глядятся в белые потемки.

Звеня уздечкой еле-еле,
Мол, что такое, в самом деле,
Она все ждет, пока ездок
Прислушивается к метели.

Прекрасен лес, дремуч, глубок,
Но должен я вернуться в срок,
И путь до дома еще далек,
И путь до дома еще далек.

Перевод О. Чухонцева

ИЗ СБОРНИКА "ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ"

ПАСТБИЩЕ

Пойду на луг прочистить наш родник.
Я разгребу над ним опавший лист,
Любуясь тем, как он прозрачен, чист.
Я там не задержусь. - Пойдем со мной.

Пойду на луг теленка принести.
Не может он на ножках устоять,
Когда его вылизывает мать.
Я там не задержусь. - Пойдем со мной.

Перевод И. Кашкина

ВО ГЛУБЬ СЕБЯ

Я одного желанья не таю:
Дерев под ветром дружную семью
Увидеть не дубравою ночной -
Оправою, вобравшей мир земной.

Я был бы добровольно заключен
В пространном протяженье вне времен,
Где только вглубь уводят тропы все -
И ни одна не тянется к шоссе.

Но не всегда, уйдя, уйдешь навек.
А может быть, найдется человек,
Которому меня недостает,
И вглубь - узнать, мне дорог ли, - войдет.

Итог моих скитаний внешне мал:
Лишь тверже стал я верить в то, что знал.

Перевод В. Топорова

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Моя Печаль все шепчет мне
О днях осеннего ненастья,
Что краше не бывает дней -
Деревья голые в окне,
Луг, порыжевший в одночасье...

Все шепчет мне, что осень - рай.
Все хочет повести с собою:
Как тихо после птичьих стай!
Как славно стынет сонный край,
Одетый звонкой сединою.

Нагие сучья на ветру,
Туманы, вязкая землица -
И снова шепчет: все к добру,
И если я глаза протру,
То не смогу не согласиться.

Как объяснить, что не вчера
Я полюбил ноябрь тоскливый.
И стоит ли... Моя сестра,
Печаль... Ненастная пора
Со слов твоих - вдвойне красивей.

Перевод В. Топорова

ЛЮБОВЬ И ЗАГАДКА

Послышался вечером стук у ворот -
Жила здесь младая чета. -
Явился чужак, и в очах его мрак,
А в сердце тоска и тщета.
Глазами просил, не губами просил -
Оставить его ночевать.
И тьма позади, и тьма впереди,
И света нигде не видать.

И вышел из дому жених молодой:
"А что нам сулят небеса?
Недобрую ночь или добрую ночь?" -
И замерли их голоса.
Осенние листья крутились вокруг,
Осенние стыли кусты.
И ветер, и тьма... Не осень - зима!
"А, странник, что думаешь ты?"

Невеста сидела в покоях одна,
Горел перед нею очаг.
И алая мгла на щеки легла,
И счастье сияло в очах.
Жених поглядел в непроглядную даль,
Но мыслями был с молодой,
Чье б сердце замкнул он в ларец золотой,
Серебряной запер иглой.

Он помнил, что ближнего надо любить
И малых сих не обижать,
И гость входит в дом, словно Бог входит в дом,
И проклят посмевший прогнать.
А вот не сама ли Судьба привела

К счастливой чете чужака
И Зло вместе с ним стучится к двоим, -
Загадкою было пока.

Перевод В. Топорова

ПОЗДНЯЯ ПРОГУЛКА

Был скошен луг, где я бродил,
И ровные снопы
С пробором, смоченным росой,
Стояли вдоль тропы.

За лугом простирался сад -
И пенье на ветвях, -
И больше боли было в нем,
Чем высказать в словах.

Безлистый ясень у стены. -
Его последний лист,
Как бы подслушав мысль мою,
Скользнул безвольно вниз.

И вот вернулся я домой,
А дом - чуть-чуть другой.
Последний голубой цветок -
Он твой, как прежде, твой.

Перевод В. Топорова

ЗВЕЗДЫ

Над снегом нашим в небесах
Несметны сонмы звезд,
Когда метель наносит нам

Сугробы в полный рост.
И кажется, что нас ведут
В снегах земным путем
К покою белому, куда
Вслепую мы бредем.
Однако звезды не струят
Нам ни любовь, ни зло,
Как мраморной Минервы взор
Незрячий - сплошь бело.

Перевод С. Степанова

В БУРЮ

Ночью вьюга стучится в дверь,
Белизной застилая
Сумрак сводчатого окна,
Задыхаясь от лая,
Распалясь, точно зверь:
"Выходи, выходи!"
Я привычного зова почти не слышу,
Ночь за окнами слишком темна,
Сколько нас?
Двое взрослых, спящий ребенок,
И огонь в очаге почти угас,
И ты зябнешь спросонок,
Хлопья снега кружат на ветру,
И сарай засыпан по крышу,
А в груди
От немолчного дикого гуда
Притаился страх, что к утру
Нам не выйти отсюда.

Перевод Р. Дубровкина

ВЕТЕР И ЦВЕТОК НА ОКНЕ

Влюбленные, вот вам рассказ
О том, что такое любовь.
Она была розой в окне,
Он - ветром ночных холодов.

Заметил ее он, когда
Январское солнце взошло,
И в клетке проснулся щегол,
И разындевело стекло,

Заметил ее он в окне,
Не ведая, что предпринять, -
Заметил - и прочь полетел,
Чтоб ночью вернуться опять.

Но лишь зимним ветром он был. -
Зимою же все естество
Скрывается в спячку, в снега... -
Не знал о любви ничего.

И все-таки он тосковал,
И рамы оконные тряс,
Чтоб роза не вздумала спать
Сейчас, когда здесь он как раз.

И может, она бы сдалась
И с ним ускользнула во мрак
Оттуда, где тишь и покой,
Где зеркало, стол и очаг,

Но нечего было сказать
Ей зимнему ветру в ответ -

И в тысяче миль от нее
Он встретил назавтра рассвет.

Перевод В. Топорова

ОТТЕПЕЛЬ

Южный ветер, вей над нами!
Балуй вешними дождями!
Лед на реках растопи!
Птичью песнь поторопи!
Землю от снегов очисти!
И туда, где ночь все мглистей, -
Постучись в мое окно,
Чтоб оттаяло оно.
Чтобы стекла потеплели,
Чтобы рама в тихой келье
Как распятие была.
Скинь тетради со стола,
Все страницы перепутай,
Чтоб из зимнего закута
Вдаль дорога пролегла.

Перевод В. Топорова

ВЕШНЯЯ МОЛИТВА

О, дождь нам радость в нынешнем цвету.
Избави нас проникнуть за черту
Неумолимой жатвы. Сопричисли
К благим весенним дням благие мысли.

О, дождь нам радость в яблоневом дне

И призрачную пору при луне
В саду. Нас надели пчелиным даром -
Вкушать из чаш, наполненных нектаром.

И ниспошли нам певческий глагол -
В цветущем небе над юдолью пчел,
Во всем многоголосии. Пусть птицы
Порхают и поют, как им примнится.

Ибо сие - и лишь сие - Ты нам
Преподал и нарек любовью сам.
Любовь владычит во вселенской шири,
Но явлена лишь людям в здешнем мире.

Перевод В. Топорова

БОЛОТО

Дом, где я в юности бывал,
Был как болото при луне.
Там до рассвета мне сиял
Лица девичьего овал
Огнём блуждающим в окне.

Чего там только не росло!
И каждый цвет там был живым,
И сквозь оконное стекло
Мерцанье в комнаты текло.
И было не войти двоим,

А лишь по одному, во тьме.
Но приходили что ни ночь,
Болтая в общей кутерьме
О том, что вечно на уме,

И том, что вынести невмочь.

И звезды делались бледны,
В такую даль спеша уплыть,
Где птицы и цветы равны,
Где спят - пока не рождены, -
Где их никак не различить.

Вот почему я знаю сам,
Что значат песнь и аромат,
И это знанье передам.
О нет, не зря бывал я там,
Внимал я там всему подряд.

Перевод В. Топорова

СТРАДАНИЕ ВО СНЕ

В лесах скитался я, и песнь мою
Подхватывал и прятал листопад,
И ты пришла (так сны мои гласят)
И встала там, у леса на краю,
Но не пришла туда, где я стою,
Хоть не решалась повернуть назад.
"Пойти за ним куда глаза глядят?
Пусть сам заметит милую свою".

И здесь же, рядом, тень в кругу теней,
Среди деревьев, в темном их ряду,
Застыл я, зная: молча мне больней,
Но не окликну, не скажу, что жду.
Одно страданье здесь, в лесу, со мной,
А ты - порука тишины лесной.

Перевод В. Топорова

В ЗАБВЕНИИ

Настолько им сделалось не до нас, -
Ибо мы спутали их орбиты, -
Что мы сидели вдвоем подчас,
Не поднимая смятенных глаз,
Делая вид, что никем не забыты.

Перевод В. Топорова

С УДОБНОЙ ТОЧКИ

Уставший от деревьев и лесов,
Уйду к стадам в предгорье луговое,
Где свежий запах можжевельной хвои
Витает в дымке утренних часов.
Смотрю с крутого склона на дома,
Невидимый, лежу в траве пахучей,
А взгляд скользит по молчаливой круче
Кладбищенского дальнего холма.
В конце концов наскучат мне живые
И мертвые, - я отвернусь, и зной
Обдаст меня удушливой волной,
Дыханьем жгу соцветья полевые,
Приглядываюсь тихо к муравью
Изапахиземныеузнаю.

Перевод Р. Дубровкина

ПО ВОДУ

Когда у дома высох пруд,
Пошли мы по воду с ведром,
Пошли, прослышав о ручье,

Пошли искать его кругом.

Как на прогулку, мы пошли
(Невинная, однако, ложь),
За нашим лугом был наш лес,
Был вечер зябок, но хорош.

Полюбоваться на луну
Нас призывал осенний лес
(Ни ветра не было, ни птиц
Среди безлиственных древес).

Но, очутившись там, в лесу,
Мы вдруг, как гномы в час ночной,
Решили в прятки поиграть
С нерасторопною луной.

Она, понятно, нас нашла
В тени полуночных ветвей.
Но раньше, в нашей тишине,
Мы вдруг услышали ручей.

Он был совсем недалеко,
Он не таил свое добро,
И брызги были - жемчуга,
И воды были - серебро.

Перевод В. Топорова

ОТКРОВЕНИЕ

Мы спрятались за блеском строк,
В стихах нашли себе приют, -
Но сколько страхов и тревог,
Пока нас люди не найдут!

Сперва мы новое творим
И непривычное совсем,
Потом - все проще говорим,
Лишь было бы понятно всем.

Как в прятках нашей детворы,
Как в тайнах нашего Творца, -
Чтобы не выйти из игры,
Нельзя таиться без конца!

Перевод В. Топорова

ЦВЕТОЧНЫЙ ОСТРОВОК

Я на покос пришел в начале дня
За тем, кто тут работал до меня.

Он луг скосил по утренней росе,
Поблескивавшей на его косе.

Я взглядом поискал его, да зря -
Нигде не видно было косаря.

Ушел косарь, а мне, как и ему,
Работать предстояло одному.

"У каждого всегда своя забота,
Пусть даже вместе делается что-то!"

Лишь я подумал это, из-под ног
Стремительно метнулся мотылек

И полетел, оправясь от испуга,
Вчерашние цветы искать по лугу.

Он облетал его за кругом круг,
Не узнавая оголенный луг,

Потом внезапно скрылся вдалеке,
И я почти забыл о мотыльке.

Я сено ворошил. Но вдруг привлек
Опять мое вниманье мотылек.

Он над ручьем порхал, где у воды
Я разглядел чудесные цветы.

Цветочный островок с его красой
Был почему-то пощажен косой,

Хотя цветы, по-видимому, спас
Косарь не для кого-нибудь из нас.

Он просто пожалел их от души,
Так они утром были хороши.

Но, что бы ни подумал он при этом,
Они остались дружеским приветом,

И я услышал пенье птиц в лесу,
И рядом его звонкую косу,

И не один я был в глуши лесной,
А друг работал сообща со мной,

С которым вместе можно отдохнуть,
Поговорить в тени о чем-нибудь.

Я только что совсем его не знал,
Но он понятен мне и близок стал.

"Ведь всякий труд есть общая работа,
Пусть даже порознь делается что-то!"

Перевод Б. Хлебникова

С НАМИ ПАН

Вышел Пан из глухих лесов,
Сединою одетый мхов,
Страхолюден, космат, суров, -
Вышел старый полюбоваться
Миром, где лишь леса теснятся.

Вышел в вольную высоту.
Вышел, флейту поднес ко рту,
Края жалкую наготу,
Где нигде ни огня, ни крова,
Озирая во мгле багровой.

Мир по нраву ему - пустой,
Где лишь вепря свирепый вой
Кратким летом в траве густой,
Да мальчишки играют в прятки,
Знать не зная лесной загадки.

Всюду в мире - другой уклад.
Флейта пела на старый лад,
Ибо шуток младых дриад,
Плача сойки, тоски шакала,
Чтобы песню вести, - хватало.

Но меняются времена.
Отступается старина.
Вот и флейта - теперь она

С ветром яростью не поспорит,
Ветерка теперь не оборет.

Ведь языческий сгинул дух.
Новый мир к старым песням глух.
Пан пал наземь, и взор потух;
Смял последний цветок рукою...
Петь? О чем же? Здесь все чужое!

Перевод В. Топорова

СМЕХ ДЕМИУРГА

То было в густой первозданности леса.
Я знал, что не богом она создана.
Я шел по следам окаянного беса,
Выслеживал беса в лесу дотемна.
И вдруг я услышал - услышал такое,
Что долгие годы не знаю покоя.

Не спереди звук доносился, а сзади -
Утробное бульканье из-под древес.
Забывчив и заспан, в похабном наряде,
Со смехом из лужи своей вылез бес,
С век грязь он соскреб - и мгновенно я понял,
Что он меня вспомнил, заметил и пронял.

Вовек не забуду я этого смеха:
Ловец стал добычей - вот бесу потеха.
Я прянул - ему показать поскорей,
Мол, что-то ищу (не его!) меж ветвей,
А он меня принял за тень или эхо -
И пал я, пристыженный, возле корней.

Перевод В. Топорова

ЗАКРОЙ ОКНО

Закрой окно, чтоб онемела даль.
Деревья гнутся, не ропща, - а ты?
Не стало птиц, и если в том - печаль, -
В нем распознать сумей свои черты.

Весной болото снова зацветет,
Весной вернется птичья кутерьма.
Закрой окно, не слушай, как метет,
Чтоб лучше видеть, как грядет зима.

Перевод В. Топорова

В ЛИСТВЕННОМ ЛЕСУ

С тенистых крон летит листва!
Осенней выхвачена хваткой,
Спешит земную наготу
Облечь коричневой перчаткой.

И прежде чем вернется вверх
И мир одарит новой тенью.
Листва лежит мертвым-мертва
В тяжелом мраке погребенья.

Но не навеки этот мрак.
Цветы прорвут покров из листьев,
Себе - и им! - путь вверх расчистив.
В мирах - не знаю, в нашем - так!

Перевод В. Топорова

ПЕСНЯ В ЛИВЕНЬ

На небе кромешная туча враздрызг.
Пустой дорога стоит.
Лишь мечутся тысячи кварцевых брызг,
Стирая следы копыт.
Настолько влажны, что пчеле не нужны,
Цветы на обочине дня.
О, выйди на зов, ступая с холмов,
И в ливень люби меня!
Ведь неугомонные птицы поют
В объятых плачем лесах,
Ведь неугомонные эльфы снуют,
Веками снуют впотьмах.
Все пенье лесное под ливнем стеною
Поломано, как цветок.
О, выйди из чащи, укрыться манящей,
Туда, где бурлит поток!
Теряются наши слова на ветру,
А песням не внемлет лес,
И струи, которых вовек не утру,
Льются на нас с небес.
На запад пойдем - а что там найдем?
Потонем, поди, в пути.
На голой груди пусть пляшут дожди,
Пусть капли гремят в горсти!
Но ветер с востока ворвался сюда,
А море вернуться должно
Туда, где когда-то, бог знает, когда,
Безбрежно шумело оно.
С той давней поры не видали миры
Любви - вплоть до этого дня.
Пади же стремглав, меж молний и трав,
И в ливень люби меня!

Перевод В. Топоров

ОКТЯБРЬ

Денек октябрьский золотой,
Уже созрел твой листопад.
Подует завтра ветер злой,
И листья облетят.
Вороны каркают не в лад,
Но завтра разлетится стая.
Денек октябрьский золотой,
Продли часы, неслышно тая.
Пусть кажутся длинней они.
Плени обманчивой мечтой,
Как ты умеешь, увлекая.
Один листочек утром нам,
Другой же в полдень оброни,
Один вот здесь, другой вон там.
Да будет твой закат лучист,
Земля светлей, чем аметист.
Тишь какая!
Пусть дозревает виноград:
Хотя листву спалил мороз,
Плодам вреда он не принес -
И гроздья вдоль стены висят.

Перевод М. Зенкевича

РОПОТ

В лесах я бродил и в лугах, -
Была не преградой ограда, -
Всходил на вершину холма,
И в мире царила отрада.
Но вот я на землю сошел -
И всюду приметы распада.

На землю листва полегла.
Лишь та, на дубу, на вершине,
Трепещет до самой зимы, -
Но рухнет - и в горькой гордыне
Метаться по снегу пойдет,
Укрывшему падшую ныне.

Вповалку листва полегла.
Война ли прошла здешним краем?
Последний цветок облетел.
Мир словно бы необитаем.
И вскинется сердце искать,
Но где, но кого - не узнаем.

Но разве покорна душа
Измене, что в мире творится?
Но разве согласна она
В опавшие листья зарыться?
И лето пройдет, и любовь,
Но с этим вовек не смириться.

Перевод В. Топорова

ИЗ СБОРНИКА "К СЕВЕРУ ОТ БОСТОНА"

ПОЧИНКА СТЕНЫ

Есть нечто, что не любит стен в природе:
Оно под ними в стужу пучит землю,
Крошит на солнце верхний ряд камней
И пробивает в них такие бреши,
Что и вдвоем бок о бок там пройдешь.
Охотники - не так! Я их проломы
Заделывал не раз: на камне камня
Они не оставляют, чтобы выгнать
Забившегося кролика на псов.
А эти кто пробил? Ни сном ни духом...
Но каждою весной они зияют!
Соседа я зову из-за холма.
Выходим на межу и начинаем
Меж нами стену возводить опять.
Мы вдоль стены идем, блюдя межу,
И поднимаем камни, что упали.
А камни - то лепешки, то шары,
Такие, что лежат на честном слове:
"Лежи, покуда я не отвернусь!" -
Их заклинаю, ободрав ладони.
Ну вроде как игра "один в один".
Доходим мы до места, где как будто
Стены вообще не нужно никакой:
Он - весь сосна, а я - фруктовый сад.
"Ведь яблони есть шишки не полезут!" -
Я говорю, а он мне отвечает:
"Сосед хорош, когда забор хорош".

Весна меня толкает заронить
В его сознанье зернышко сомненья.
"Зачем забор? Быть может, от коров?
Но здесь же нет коров! Не лучше ль прежде,
Чем стену городить, уразуметь -
Что горожу, кому и от кого?
Какие причиняю неудобства?
Ведь нечто же не любит стен в природе
И рушит их..." Ему б сказать я мог,
Что это эльфы... Нет, совсем не эльфы!
Пусть поразмыслит... Он же две булыги
В руках сжимает, словно бы оружье -
Ни дать ни взять пещерный человек!
И чудится, что он идет во тьме -
Не то чтобы он шел в тени деревьев...
Не сомневаясь в мудрости отцов
И, стоя на своем, он повторяет:
"Сосед хорош, когда забор хорош".

Перевод С. Степанова

СМЕРТЬ РАБОТНИКА

Сидела Мэри, глядя на фитиль,
Уоррена ждала... Шаги услышав,
В переднюю на цыпочках прошла,
Спеша во тьме, чтоб прямо там, в дверях,
Предупредить его: "Вернулся Сайлас".
И вытесняя мужа из дверей,
Прикрыла их. "По доброму ты с ним".
Из рук его она взяла покупки
К положила прямо на крыльцо,
А мужа усадила на ступеньки.

"Что ж видел он от нас как не добро?
Но брать его назад я не намерен.
Предупреждал же в прошлый сенокос,
Что как уйдет, назад не будет ходу.
Какой в нем прок? Да кто его наймет?
Ведь он старик и ни на что не годен.
И как прикажешь спрашивать с него?
Уходит вечно в самую страду!
Он возомнил, что, заработав денег,
Которых хватит разве на табак,
Он никому и ничего не должен.

Ну разве можно так? А повременно,
Как ни крути, платить я не могу,
Другие могут? Пусть они и платят!
Едва ли Сайлас нынче стал другим -
Не верится мне что-то. Вот увидишь,
Начнет у нас - наличными поманят,
И на сторону за гроши уйдет.
Да в сенокос! Да в самую запарку!
А тут зимой пожаловал... Хорош!"

"Да тише ты! Ему же слышно все".
"И пусть его! Ему не повредит!"

"Его сморило. Спит сейчас у печки.
От Роу я пришла. Гляжу, а он
К дверям конюшни прикорнул и дремлет.
Оборванный такой, ну прямо страх...
Не смейся! Я сперва и не признала.
И вообще, какой-то он другой.
Да сам увидишь".
"Где ж его носило?"

"Он не сказал. Его пустила в дом,

Согрела чай, табак ему достала, -
Откуда он, пыталась расспросить,
Да бестолку - об этом он ни слова".
"Тогда о чем? Хоть что-то он сказал?"

"Да так..."

"Выкладывай! Небось пришел
Опять копать дренажную канаву?"

"Уоррен!"
"Верно?! Я же просто так".

"Ну да, сказал. А что ему сказать?
Зазорно ли, что немощный старик
Пытается с достоинством держаться?
К тому же, если очень хочешь знать,
Собрался он расчистить верхний выгон.
Ты, верно, слышишь это не впервой?
Да слышал бы ты, как он запинался,
Как путал все! Понять я не могла,
Что он бормочет - просто бред какой-то!
Как будто разговаривал во сне.
О Гарольде там что-то... Помнишь парня,
Ты нанимал косить лет пять назад?
Он выучился, сам теперь учитель.
А Сайлас к нам просил его вернуть,
Он с ним хотел на пару поработать,
Вдвоем-то, мол, они тут о-го-го!
Он, видно, перепутал все на свете.
Мол, Гарольд парень, в общем, ничего,
Да умный слишком. Помнишь? - Весь июль
Проспорили они, - вот было крику!
С телеги Сайлас стог тогда метал,
А Гарольд подавал ему на вилах".

"Боялся я и близко подходить".

"Те дни его преследуют, как сон.
И представляешь, вот же допекло! -
Не нравились ему замашки парня.
И столько лет спустя все спорит с ним
И доводы все новые приводит.
Все так знакомо. Знаю по себе,
Как доводы приходят после спора.
Ему латынью парень досадил!
Спросил меня, как нравится мне Гарольд,
Который круглый год зубрит латынь,
Притом с охотой, - дурень да и только!
Мол, тот ему не верил нипочем,
Что сыщет он родник с прутом лещины,
Мол, в наших школах учат ерунде!
И все об этом... И еще о том,
Что в этот раз он Гарольдом займется
И выучит мальчишку ставить стог".

"Что он умеет, то уж он умеет.
Пристраивает каждую охапку,
И сам же про себя ведет им счет,
И теми же охапками потом
Берет их при разметке. Сайлас мастер!
Он, словно птичьи гнезда их снимает,
И сено он не топчет никогда,
А сам всегда становится повыше".

"Он думает, что Гарольда научит -
И будет в парне хоть какой-то толк.
Не век ему над книгой пропадать!
О ближнем он печется... Бедный Сайлас!
Ведь прожитым не может он гордиться,

И не на что надеяться ему -
Сегодня, как вчера, - одно и то же".

На западе ущербная луна
Утаскивала небо за холмы,
В подол небесный свет ловила Мэри
И, словно к арфе, руку протянула
К лучистым струнам, убранным росой
От мокрой клумбы и до самой крыши,
Беззвучную мелодию играя,
Которой мужа к доброте звала...
"Ведь он домой вернулся умирать.
На этот раз он не уйдет, не бойся".

"Домой? Ну-ну..."
"Куда ж как не домой?

Все дело в том, как это понимать.
В конце концов, ну что нам этот Сайлас?
Ну пес приблудный, - выбился из сил
И к нам пришел, в лесу отстав от своры".

"Дом там, где нас, когда бы ни пришли,
Не могут не принять".
"Скорее нечто,
Что всем не по заслугам нам дано".

Уоррен встал, прошелся два шага,
Какой-то прутик поднял, воротился,
Переломил его и бросил наземь.
"Похоже, ты считаешь, Сайлас прав,
Явившись к нам, а не к родному брату?
Ведь по прямой туда тринадцать миль,
А по проселку к нам никак не меньше,
Что ж не туда? Ведь брат его богат,

Большая шишка, банком заправляет".

"О брате он молчит".
"Но мы-то знаем".

"Мне кажется, что брат бы и помог,
И не дал бы пропасть ему, конечно,
И принял бы, и, может быть, с охотой...
И может быть, не так уж он и плох.
Но Сайласа-то как тебе не жаль!
Ведь если б он родством таким гордился
И помощи у брата мог искать,
Едва ли б он помалкивал о брате".

"А что меж ними?"
"Да известно что!
Ведь Сайлас это Сайлас! - Мы-то стерпим, -
А родственникам это острый нож!
Больнее не придумать оскорбленья,
Чем думать, что и сам не хуже их.
А он такой! И даром что бедняк,
А к брату не пойдет он унижаться".

"Не верится, что он кого задел".

"Задел мне сердце! Он на стуле спит -
И голова лежит на жесткой спинке...
А на диван никак не уложить!
Иди туда и помоги бедняге.
Уже я приготовила постель.
Ты диву дашься, как он измотался.
Какой уж там работник из него..."

"Ну, не работник! Поживем-увидим!"

"Какое там! Иди и посмотри.
Да только не забудь, что он пришел
Копать тебе дренажную канаву.
Он так решил. И не перечь ему!
Сейчас-то он молчит, а после скажет.
А я пока на тучке загадаю -
Закроет ли луну..."
Луну закрыло...

Их было трое на одной прямой:
Луна и тучка в серебре, и Мэри...
Ей показалось, что прошло мгновенье,
Вернулся муж, взял за руку и ждал...
"Что там?" - спросила.
"Умер", - он ответил.

Перевод С. Степанова

ГОРА

Гора; и город - как подмятый ею.
Я видел: здесь сужается обзор.
На небе - слева, там, где черным боком
Она врезалась в высь, - не стало звезд.
Была, казалось, рядом: как стена,
К которой меня ветром прижимало, -
И все ж, меж ней и городом, куда
Я шел, не столько путник, как скиталец,
Поля были, река и вновь поля.
Река об эту пору измельчала,
Едва-едва шипела на камнях,
Но было видно, какова в разливе:
Пласты земли как снятые ножом,
В траве песок и бревна бурелома.

Я, реку перейдя, пошел вокруг
Горы - и натолкнулся на процессию:
Волы, телега с грузом, человек.
Неспешный путь легко прервать вопросом.

- Что это там за город?
- Люненбург.

Выходит, я ошибся: за мостом
Тот город был, где я обосновался,
А этот - под горой, в ее тени.
- Деревня ваша далеко отсюда? -

- Деревни нет, лишь фермы здесь и там.
Нас шестьдесят всего голосовало
В последний раз. И то живем впритык -
Все место занимает эта штука! -
Махнул стрекалом в сторону горы.
От места, где мы встали, начинался
Альпийский луг, лесок темнел за ним,
Затем - вершины леса покрупнее
И скалы, очертания которых
Терялись меж ветвями. И обрыв
Над лугом.
- Это, вроде бы, тропинка.
Отсюда можно выйти на вершину?
Нет, не сегодня: я сейчас домой,
Но как-нибудь в другой раз непременно. -

- Отсюда не советую. Здесь нет
Надежного пути, но те, что были
Там, наверху, шли, кажется, от Лэддов.
До них пять миль, но вы найдете сразу:
Там корчевали прошлою зимой.
Я проводил бы, но не по дороге. -

- А сами вы там не были?
- Я был
На склонах. На охоте, на рыбалке.
Там есть ручей и водится форель.
Ручей бежит с вершины. Но не в этом
Его загадка: он, уж вы поверьте,
Холоден летом и горяч зимой.
Зимой занятно на него взглянуть:
Весь пышет паром, как воловья морда,
А уж кусты стоят по берегам
Под снегом толщиной не меньше дюйма.
А чуть засветит солнце - красота! -

- С такой горы полсвета разглядишь.
Конечно, если нет деревьев сверху -
На самом пике... - В пелене листвы
Я наблюдал гранитные террасы
На свете и в тени; приступки, где,
Взбираясь, можно отдохнуть; ущелья
На сотню футов - сядешь, глянешь вниз:
Здесь папоротники, а дальше - бездна.

- Не знаю про деревья. Но родник
Там есть. В самом верху. Что твой фонтан
Он хлещет. -
- Да, но если на вершине,
То вы его не видели.
- Не видел.
Но нет сомненья в том, что он там есть.
Не на вершине, может, где-то возле.
Но если сходишь сверху, то вода
Недалеко, а главное, что сверху
Не замечаешь, долго ли ты шел,
Тем более что вверх взбираться дольше.
Я как-то восходителя просил

Мне рассказать о том, что он увидит.

- И что он?
- Он сказал мне, что в Ирландии
Гора есть с озерцом совсем вверху.
- При чем тут озерцо? А что родник? -

- До родника он так и не добрался.
Вот почему я вас отговорил
Идти отсюда. Он пошел отсюда.
Давным-давно сам собирался я
Пойти взглянуть - да, знаете, в предгорьях
Горы хватает нам и без того.
И как пойти? В пастушеской одежде,
С пастушескою крепкой хворостиной,
Пригодной только пригонять коров?
С ружьишком, вроде как бы на медведя?
А в гору лезть лишь для того, чтоб лезть?..

- Лезть, чтобы лезть, - я не полез бы. Надо,
Чтобы сначала захотелось влезть. -
- Ее никак не звать. Зовем - Горою. -
- А Гору можно обойти кругом? -

- Пойдя кругом, придете в Люненбург.
На большее рассчитывать не стоит.
Из города всегда идешь к Горе,
А от Горы всегда приходишь в город.
Немногие домишки здесь и там,
Как валуны, свалившиеся сверху,
Чуть ближе к ней - но это, вправду, все. -

- Холоден летом и горяч зимой? -
- Мне кажется, он просто одинаков.
Зимой и летом. Но зимой теплей,

А летом холоднее остального.
Все дело, как на это посмотреть. -
- Давно вы здесь живете?
- Да с тех пор,
Когда Гора была не больше... - Дальше
Я не расслышал. Он своих волов
Тронул слегка стрекалом, и причмокнул,
И путь продолжил, что был прерван мной.

Перевод В. Топорова

ДОМАШНЕЕ КЛАДБИЩЕ

На лестнице увидел он ее,
Она глядела вниз, его не видя,
И смутный страх сквозил в ее глазах.
Шагнула было вниз, переиграла,
И снова этот взгляд. И начал он,
К ней поднимаясь: "Что оттуда, сверху,
Тебе открылось - я обязан знать!"
Она в ответ отпрянула, поникла,
И мраком страх сменился на лице.
Он начал вновь: "Так что ж тебе открылось" -
И поравнялся с нею. "Отвечай!
Немедленно! Прошу тебя, родная".
Но не дождался помощи. Жена
Стояла вся напрягшись и молчала,
Уверенная: ничего, слепец,
Он не увидит. Он и впрямь не видел
Сначала, а увидев, завздыхал.

"Ну что", - спросила.
"Только то, что вижу".
"Не верю, что ты видишь что-нибудь".

"Странней всего, что не увидел сразу
И вообще отсюда не видал.
Не замечал, поскольку примелькалось.
Все кладбище семейное - в окне,
Да и само - размером с нашу спальню.
Три каменных надгробья и одно
Из мрамора. Приземистые камни
Блестят на солнце. Вряд ли ты глядишь
На них, но я, конечно, понимаю:
Могила сына"...
"Нет, - в слезах, - не смей!"

Из-под его скользнувшая руки,
Лежащей на перилах, вниз метнулась
И снизу вверх взглянула на него
С таким презреньем, что, и сам забывшись,
Воскликнул: "Что же, мне о нем нельзя?"

"Тебе - нельзя! Где шляпа? К черту шляпу!
Пойду пройдусь. Мне надо подышать.
Об этом вообще нельзя мужчинам".

"Но, Эми! Не сбегай хоть в этот раз.
Послушай-ка, я приставать не стану. -
Зажал он подбородок в кулаках. -
Но кое-что спросить хочу, родная".
"Ты не сумеешь".
"Помоги суметь".

В ответ она схватилась за задвижку.

"Ты разозлишься, что я ни скажу.
Я разучился говорить с тобою,
Но подскажи, но намекни мне как.
Согласен - а на что, - и сам не знаю.

Я как мужчина с женщиной готов
На крупные уступки. Хоть на сделку:
Ни слова, если хочешь, ни о чем,
Что было бы тебе невыносимо.
Хотя не может быть подобных тайн
У любящих. Нелюбящие могут
Жить в полутьме, а любящие - нет".
Задвижку отодвинула. "Не надо.
Не уходи, не уноси беду
Другим - хоть в этот раз. Я твой мужчина.
Пусти меня в свою печаль. Пойми:
И у меня терпенье на пределе.
Меня убьет разлука. Дай мне шанс.
Хотя ты все же чуть пережимаешь.
Да, горе, да, огромная беда
Смерть первенца, - но быть столь безутешной
Весь век в счастливом браке по любви?
Ты думаешь, он этого хотел бы?"
"Твои издевки?"
"Что ты, никаких!
Скорее злость. Спущусь к тебе, пожалуй.
О Боже, что за женщина! И я
Не смею говорить о мертвом сыне".

"Не смеешь, раз не знаешь даже как.
Бесчувственность твоя... Его могилку
Ты выкопал недрогнувшей рукой.
Я за тобою из окна следила -
Из этого окна! Как ты махал
Лопатой, перебрасывая гравий
Туда-сюда, туда-сюда, туда-
Сюда... Кто это? Я его не знаю,
Я думала, по лестнице снуя
Прочь от окошка и к окошку снова,
А ты копал, копал... Потом вошел,

На кухне зазвучал твой хриплый голос,
И я, сама не знаю, почему,
Пошла туда и на тебя взглянула.
А ты сидел с землей на башмаках,
С землей со свежевскопанной могилы
Ребенка твоего - и рассуждал
О чепухе какой-то. И лопату
К стене приставил. Именно! К стене!"

"Я слушаю тебя - и душит смех.
О Господи, я проклят, трижды проклят!"
"Твои слова я помню наизусть.
- Дождливый день и три туманных утра -
И весь в труху березовый забор. -
Нашел о чем грустить в такую пору:
Березовый забор!.. А почему
Завешены все окна? Чей здесь гробик?
Об этом ты как будто знать-не-знал.
Откуда в людях равнодушье к смерти?
Ближайшие друзья - и те скорей
Изображают горе, не горюя,
Чуть заболев, останешься один
И встретишься со смертью одиноко,
Потом они на кладбище придут,
Но прежде чем засыпят прах землею,
Вновь обратятся к собственным делам,
Потянутся к живым, вернутся к жизни,
А мир жесток. Я б не грустила так,
Будь в силах изменить хотя бы малость,
Но я не в силах. Нет, и нет, и нет!"

"Что ж, высказалась - вот и полегчало.
И некуда, и незачем идти.
И дверь закрой. И дома можно плакать.
Послушай, Эми! Кто-то там идет!"

"Ты думаешь, я высказалась? Ты же...
Да как же я... Хочу отсюда прочь!"
"Но если ты"... А дверь-то нараспашку.
"Куда ты собралась? Сперва ответь!
Верну тебя силком. Верну, поверь мне!"

Перевод В. Топорова

ПОСЛЕ СБОРА ЯБЛОК

Все с лесенки на небо вверх смотри -
Я выбился из сил,
Еще до верху бочку не набил,
Еще там яблока два или три
Сидят на ветке, как щегол иль зяблик,
Но я уже устал от сбора яблок.
Настоян этой ночью зимний сон,
То запах яблок: им я усыплен.
Я не могу забыть тот миг загадки,
Увиденный сквозь льдистое стекло, -
С воды его я утром взял из кадки,
В нем все лучилось, искрилось, цвело.
Оно растаяло и разломилось,
Но все ж на миг
Передо мною сон возник,
И я постиг,
Каким видением душа томилась.
Все яблоки, огромны и круглы,
Мерцали вкруг меня
Румянцем розовым из мглы,
И ныла голень и ступня
От лестничных ступенек, перекладин.
Вдруг лестницу я резко пошатнул

И услыхал из погреба глубоко
Подземный гул,
Шум яблочного яркого потока.
Да, был я слишком жаден,
И оказался свыше сил
Тот урожай, что сам же я просил.
Пришлось, наверно, яблок тысяч десять,
Как драгоценные, потрогать, взвесить,
А те,
Что осыпались щедро,
С пятном, с уколами от жнива,
Забродят в бочках в темноте,
Как сусло сидра.
И я томлюсь лениво
Какою-то истомою дремотной.
Один сурок,
Коль не уснул, узнать бы мне помог,
То спячка зимняя и сон животный,
Иль человеческий то сон.

Перевод М. Зенкевича

СТРАХ

Свет фонаря из глубины сарая
В проеме двери выхватил двоих
И разметал их тени по фасаду
Усадьбы с темных окон чередой.
Копыто резко стукнуло о доску,
Двуколка, за которою они
Стояли, шевельнулась. Он схватился
За колесо, она сказала: "Стой!
Я видела... Как белая лепешка,
Оно белело там, в кустах у въезда,

Когда двуколка сдвинулась, - лицо!
Ты тоже видел?"
"Я не видел. Это - лицо?"
"Лицо!"
"Почудилось тебе!"

"Джоэль, пойду взгляну. Как в дом войти,
Когда такое чудится за дверью?
Закроем дверь и ставни - ну и что?
Мне каждый раз, когда нас долго нету,
Тревожно возвращаться в темноту.
Все кажется, что скрип ключа спугнул
Кого-то, затаившегося в доме,
И он шмыгнул через другую дверь.
А если я права и кто-нибудь...
Пусти меня!"

"Какой-нибудь прохожий".

"Какие здесь прохожие, Джоэль!
Забыл, где мы живем. И непонятно,
Отсюда он идет или сюда.
Один, пешком, во тьме, глубокой ночью,
А главное, зачем он там, в кустах?"

"Еще не ночь, хотя уже стемнело.
Но ты сказала, думаю, не все.
А он похож..."
"Похож иль не похож,
А только, не узнав, не успокоюсь.
Дай мне фонарь..."
"Зачем тебе фонарь?"

Толкнув его плечом, фонарь схватила.

"Тебе идти не надо. Я сама.
Раз так у нас пошло, то я в ответе,
Мне и решать... Да он бы не посмел...
Молчи! Он оступился. Слушай, слушай!
Он к нам идет. Пожалуйста, уйди.
Теперь шаги пропали... Уходи же!"

"Да быть не может, чтобы это он..."

"Нет, это он! Или кого-то нанял,
И надо окончательно решить,
Пока ему от нас не отвертеться.
Промедлим - а потом ищи-свищи,
И затаится, и начнет шпионить,
Пока с ума от страха не сойду.
А я сойду. Пусти меня, Джоэль!"

"Он о тебе давно забыл и думать".

"Ну да, забыл! Ох, как он не забыл...
Хотя, конечно, с самого начала...
Но все равно, Джоэль, я ни за что...
Я обещаю! Главное, спокойней..."

"Пойти-то лучше не тебе, а мне.
Вот только с фонарем неладно вышло:
Мы на виду, он в полной темноте.
А если ему надо убедиться,
То что же - убедился и уйдет".

Он отпустил ее, она шагнула,
И он, за нею вслед, шагнул в траву.
"Чего тебе?" - окликнула потемки.
Она глядела по-над фонарем,
Его руками прижимая к юбке.

"Ты убедилась - никого".
"Он здесь! -
Чего тебе?" - Но дрожи не сдержала,
Когда из тьмы послышался ответ.

"Да ничего", - издалека, негромко.

Она схватила за руку Джоэля.
Фонарь чадил, кружилась голова.

"Что ты затеял здесь глубокой ночью?"

"Да ничего"; молчанье; что тут скажешь.

И голос вновь: "Ты, кажется, дрожишь.
Я видел: ты в сердцах хлестнула лошадь.
Я подойду и встану на свету,
А ты посмотришь".

"Да. - Джоэль, уйди!"

Шаги все ближе, а она стояла,
Но тело в темноту рвалось само.

"Ну, погляди".

Глядела и глядела...

"Ты приглядись - со мною здесь малыш.
Разбойник бы не взял дитя с собою".

"Малыш? В такое время? Но зачем?"

"А что?.. Прогулка в неурочный час -

Такая, чтоб запомнилась надолго.
Верно, сынок?"

"Как будто больше негде погулять.
А здесь гулять..."

"Дорога как дорога.
Да мы неподалеку и живем".

"Но если так, Джоэль, ты не подумай -
И ты не думай тоже... - Понимаешь,
Нам надо жить с оглядкой. Осторожно. -
Здесь богом позабытые места. -
А ты, Джоэль..." Но в темноту глядела.

Враскачку все длинней светил фонарь,
Земли коснулся, дрогнул и погаснул.

Перевод В. Топорова

ДРОВА

В ненастный день, бродя по мерзлой топи,
Я вдруг подумал: "Не пора ль домой?
Нет, я пройдусь еще, а там посмотрим".
Был крепок наст, и только кое-где
Нога проваливалась. А в глазах
Рябило от деревьев тонких, стройных
И столь похожих, что по ним никак
Не назовешь и не приметишь место,
Чтобы сказать: ну, я наверняка
Стою вот здесь, но уж никак не там.
Я просто знал, что был вдали от дома.
Передо мною вспархивала птичка,

Опасливо все время оставляя
Меж нами дерево, а то и два.
Она мне голоса не подавала,
Но было ясно: глупой показалось,
Что будто бы я гнался за пером -
Тем, белым, из ее хвоста. Она
Все принимала на свой счет, хотя
Порхни в сторонку - и конец обману.
И там были дрова, из-за которых
Я позабыл ее, позволив страхам
Угнать ее подальше от меня,
И даже не сказал ей до свиданья.
И вот она мелькнула за дровами -
И нет ее. Лежал рядами клен,
Нарубленный, расколотый и ровный -
Четыре на четыре и на восемь.
И больше ни поленницы вокруг.
И не вились следы саней по снегу.
Рубили здесь не в нынешнем году.
Да и не в прошлом и не в позапрошлом.
Пожухла древесина, и кора
Растрескалась, скрутилась и отстала.
Осела кладка. Цепкий ломонос
Уже схватил поленья, как вязанку.
И слева их держало деревцо.
А справа кол и ветхая подпорка,
Готовые упасть. И я подумал,
Что только тот, кто вечно видит в жизни
Все новые и новые задачи,
Мог так забыть свой труд, труд топора,
И бросить здесь, от очага вдали,
Дрова, чуть согревающие топь
Бездымным догоранием распада.

Перевод А. Сергеева

ИЗ СБОРНИКА "МЕЖДУ ГОРАМИ"

НЕИЗБРАННАЯ ДОРОГА

Опушка - и развилка двух дорог.
Я выбирал с великой неохотой,
Но выбрать сразу две никак не мог
И просеку, которой пренебрег,
Глазами пробежал до поворота.

Вторая - та, которую избрал, -
Нетоптаной травою привлекала:
Примять ее - цель выше всех похвал,
Хоть тех, кто здесь когда-то путь пытал,
Она сама изрядно потоптала.

И обе выстилали шаг листвой -
И выбор, всю печаль его, смягчали.
Неизбранная, час пробьет и твой!
Но, помня, как извилист путь любой,
Я на развилку, знал, вернусь едва ли.

И если станет жить невмоготу,
Я вспомню давний выбор поневоле:
Развилка двух дорог - я выбрал ту,
Где путников обходишь за версту.
Все остальное не играет роли.

Перевод В. Топорова

СТАРИК ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Тьма на него таращилась угрюмо
Сквозь звезды изморози на стекле -
Примета нежилых, холодных комнат.
Кто там стоял снаружи - разглядеть
Мешала лампа возле глаз. Припомнить,
Что привело его сюда, в потемки
Скрипучей комнаты, - мешала старость.
Он долго думал, стоя среди бочек.
Потом, нарочно тяжело ступая,
Чтоб напугать подвал на всякий случай,
Он вышел на крыльцо - и напугал
Глухую полночь: ей привычны были
И сучьев треск, и громкий скрип деревьев,
Но не полена стук по гулким доскам.
...Он светом был для одного себя,
Когда сидел, перебирая в мыслях
Бог знает что, - и меркнул тихий свет.
Он поручил луне - усталой, дряхлой,
А все же подходящей, как никто,
Для этого задания - стеречь
Сосульки вдоль стены, сугроб на крыше;
И задремал. Полено, ворохнувшись
В печи, его встревожило: он вздрогнул
И тяжело вздохнул, но не проснулся.
Старик не может отвечать один
За все: и дом, и ферму, и округу.
Но если больше некому, - вот так
Он стережет их долгой зимней ночью.

Перевод Г. Кружкова

ГНЕЗДО НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Ты был горазд на всякие забавы.
Поэтому, увидя на лугу,
Где сохли свежескошенные травы,
Как ты, присев на корточки, играл
Былинками и в землю их втыкал, -
Я сразу раскусил твою затею
И подбежал, решив, что помогу
Тебе сажать, что так и я сумею.
Но оказалось - все наоборот
И не в самих былинках было дело,
Хотя ты и держал в руке пучки
Метлицы и увядшей кашки белой.
Гнездо с птенцами - вот что было там!
Оно каким-то чудом уцелело
Под взмахами стальной косы - и вот
Лежало так беспомощно открыто
Чужим глазам и солнечным лучам.
Птенцы, пища, тянули шеи к нам,
А ты, чтоб окружить их дом защитой,
Прилаживал травинки, стебельки,
Сооружал заслон для маскировки.
И я спросил: что, если птица-мать
Совсем не станет к детям прилетать,
Пугаясь непривычной обстановки?
Быть может, чем маячить над гнездом,
Вообще не стоило совать к ним носа?
Но мы не стали времени терять
На разрешенье этого вопроса.
Риск был, но мы от риска не ушли,
Хотя и знали: может выйти хуже.
Мы гнездышко укрыли, как смогли,
Решив: потом проверим! Почему же
Я не припомню этого "потом"? -

А ты? - Увлекшись новыми делами,
Мы, верно, так и не пришли узнать,
Что стало после с этими птенцами
И научились ли они летать.

Перевод Г. Кружкова

ПОТЕМНЕВШЕГО СНЕГА ЛОСКУТ

Потемневшего снега лоскут
У стены, за углом, -
Как обрывок газеты, к земле
Пригвожденный дождем.

Серой копотью весь испещрен,
Словно шрифтом слепым...
Устаревшие новости дня,
Что развеялся в дым.

Перевод Г. Кружкова

ТЕЛЕФОН

"Я очень далеко забрел, гуляя,
Сегодня днем,
Вокруг
Стояла тишина такая...
Я наклонился над цветком,
И вдруг
Услышал голос твой, и ты сказала -
Нет, я ослышаться не мог,
Ты говорила с этого цветка

На подоконнике, ты прошептала...
Ты помнишь ли свои слова?"
"Нет, это ты их повтори сперва".

"Найдя цветок,
Стряхнув с него жука
И осторожно взяв за стебелек,
Я уловил какой-то тихий звук,
Как будто шепот "приходи" -
Нет, погоди,
Не спорь, - ведь я расслышал хорошо!"
"Я так могла подумать, но не вслух".
"Я и пришел".

Перевод Г. Кружкова

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мы и не знали, что навстречу шли
Вдоль изгороди луга: я спускался
С холма и, как обычно, замечтался,
Когда заметил вдруг тебя. В пыли,
Пересеченной нашими следами
(Мой след огромен против твоего!),
Изобразилась, как на диаграмме,
Дробь - меньше двух, но больше одного.
И точкой отделил твой зонтик строгий
Десятые от целого. В итоге
Ты, кажется, забавное нашла...
Минута разговора протекла.
И ты пошла вперед по той дороге,
Где я прошел, а я - где ты прошла.

Перевод Г. Кружкова

ЛЯГУШАЧИЙ РУЧЕЙ

Примолк к июлю горный наш ручей,
Что по весне бурлил и клокотал,
Теперь иссох он, меж камней пропал.
И жаб древесных нет среди ветвей,
И бубенцами больше не звенят
Оравы бойких, звонких лягушат.
Как полноводен был ручей и чист,
Когда над ним раскрылся первый лист.
Когда ж листва на землю упадет -
Струю лишь памятливый взор найдет.
Не о таких ручьях поэт поет.
Ручей хоть на себя и не похож,
Но по милу он нам всегда хорош.
Невидящим у нас ответ один:
Любимое мы любим без причин.

Перевод И. Кашкина

ЖЕЛТОГОЛОВАЯ СЛАВКА

Ее, наверное, слыхал любой
В лесу, примолкшем к середине лета;
Она поет о том, что песня спета,
Что лето по сравнению с весной
Куда скучней, что листья постарели,
Что прежних красок на лужайках нет
И что давно на землю облетели
Цвет грушевый и яблоневый цвет;
Она твердит, что осень на пороге,
Что все запорошила пыль с дороги;
Примкнуть к терпенью смолкших голосов

То ли не может, то ли не желает
И спрашивает, даром что без слов:
Как быть, когда все в мире убывает?

Перевод Г. Кружкова

ПЛЕННАЯ И СВОБОДНАЯ

Любовь Земле принадлежит,
Привычен ей объятий плен,
Уютно под защитой стен.
А Мысль оград и уз бежит,
На крыльях дерзостных парит.

В снегу, в песках, в глуши лесной
Проложены Любви следы,
Ей не в обузу все труды.
Но Мысль, избрав удел иной,
С ног отряхает прах земной.

На Сириусе золотом
Она, умчав, проводит ночь;
А на заре стремится прочь -
Сквозь пламень звездный напролом,
Дымя обугленным крылом.

Но, говорят, раба Земли -
Любовь - таит в себе самой
Все то, чего, враждуя с тьмой,
Взыскует Мысль, бродя вдали
В межгалактической пыли.

Перевод Г. Кружкова

БЕРЕЗЫ

Когда гляжу, как согнуты березы,
Как сгорблены их бедные стволы,
Виной тому всегда ищу мальчишку,
Хоть виноваты тут мороз и дождь.
Березы вы, наверное, видали
Морозным утром в корке ледяной.
Чуть ветерок стволы их растолкает -
Растрескается тонкая глазурь
И вспыхивают радужные блики!
Под ярким солнцем на звенящий наст
Ссыпаются хрустальные скорлупки:
Такая груда битого стекла,
Что кажется упал небесный купол!
Слабеют с каждым разом их стволы,
Чтобы однажды сгорбиться навеки
И не поднять склоненной головы.
С листвою, волочащейся по травам,
Они всегда напоминают мне
Девчонок, что, привстав на четвереньки,
Просушивают волосы свои.
Едва винить я принялся мальчишку,
Как Истина вмешалась и давай
Твердить свое: мальчишка невиновен!
А все ж - мальчишка! Тот, что пас коров,
Что никогда не слышал о бейсболе
И сам себе выдумывает игры -
Чтоб круглый год играть и одному.
С усердием отцовские березы
Он объезжал, сгибая им стволы
И косности природной их лишая,
Покуда не согнул все до одной.
Естественно, до тонкостей он знал,
Как следует взбираться на березу,

Чтоб раньше срока вниз не полететь:
Карабкался на самую макушку
И равновесье шаткое держал.
Так наливают рюмку до краев,
А если постараются - и с верхом.
И наконец обрушивался вниз,
Пускаясь в путь от неба до земли!
Я тоже так вот объезжал березы...
Как хочется вернуться к этим играм!
Особенно когда мне тяжело,
И жизнь напоминает мрачный лес,
Где щеки залепляет паутина
И от хлестнувшей ветки невзначай
Слезится глаз и ноет беспрестанно.
На время бы покинуть эту землю
И, возвратившись, сызнова начать...
Но чтоб судьба на слове не ловила,
Поскольку половины не желаю.
О нет! Земля прекрасна для любви -
И лучше место сыщется едва ли!
Как хорошо по белому стволу
Карабкаться до самого до неба,
Покуда ствол не дрогнет под тобой
И вновь тебя на землю не вернет!
Занятно уходить и возвращаться -
Такая безобидная игра.

Перевод С. Степанова

ПОБЕСЕДОВАТЬ С ДРУГОМ

Если друг, проезжая, окликнет меня,
У ограды придерживая коня, -
Я не стану стоять как вкопанный,

Озираясь на свой участок невскопанный,
И кричать "В чем дело?" издалека,
Вроде как оправдываясь недосугом.
Нет, воткну я мотыгу в землю торчком -
Ничего, пускай отдохнет пока! -
И пойду через борозды прямиком
Побеседовать с другом.

Перевод Г. Кружкова

КОРОВА В ЯБЛОЧНЫЙ СЕЗОН

Что за наитье на нее находит?
Весь день корова наша колобродит
И никаких оград не признает.
Единожды вкусив запретный плод,
Увядший луг она презрела гордо.
Пьянящим соком вымазана морда.
Лишь падалица сладкая одна
Ей в мире вожделенна и важна.
Ее из сада с бранью выгоняют;
Она мычаньем к небесам взывает,
И молоко в сосцах перегорает.

Перевод Г. Кружкова

В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПРИЦЕЛА

В разгаре боя, метя в чью-то грудь,
Шальная пуля низом просвистела
Вблизи гнезда - и сбить цветок успела,
И с паутины жемчуг отряхнуть.

Но перепелка, подождав чуть-чуть,
Опять к птенцам писклявым прилетела,
И бабочка, помедля, вновь присела
На сломанный цветок передохнуть.
С утра, когда в траве зажглась роса,
Повис в бурьяне, вроде колеса,
Сверкающий каркас полупрозрачный.
От выстрела его качнуло вдруг.
Схватить добычу выскочил паук,
Но, не найдя, ретировался мрачно.

Перевод Г. Кружкова

ДЕВОЧКИН ОГОРОД

У нашей соседки в деревне
Есть любимый рассказ:
Про то, как она девчонкой жила
На ферме - и как-то раз

Решила сама посадить огород
И сама собрать урожай.
Она об этом сказала отцу,
И тот ответил: "Сажай".

Прикинув, какой ей участок дать,
Он вспомнил про угол сада,
Где раньше стоял ремонтный сарай,
И заключил: "То, что надо".

"Вот тебе ферма. Места тут -
Как раз для одной девчонки.
Глядишь, и научишься кой-чему,
И поднакопишь силенки".

"Конечно, - предупредил отец, -
Для плуга здесь тесновато".
Поэтому весь свой огород
Она вскопала лопатой, -

О чем не жалеет и до сих пор;
Возила навоз (а что же!)
На землю свою, - но едва вдали
Показывался прохожий,

Бросала тачку на полпути
И малодушно бежала...
Она выпрашивала семена
И чего только не сажала:

Грядку редиса, грядку бобов,
Свеклу, салат и картошку,
Горох, кукурузу, тыкву, морковь -
В общем, всего понемножку.

И даже плодовые деревца
Пыталась растить на грядке.
Пожалуй, что яблоня у стены -
Еще той самой посадки.

И пестрый же это был урожай -
Такого не видел свет:
Немножко того, немножко сего -
Ну в точности винегрет!

Зато теперь, лишь свернет разговор
На брюкву или овес,
Она оживляется и говорит:
"Ну, ясно - что за вопрос!

Вот когда у меня ферма была..."
Не то чтобы учит всех! -
Но лишний раз повторить рассказ
Не почитает за грех.

Перевод Г. Кружкова

ЦВЕТЫ ЗА ОКНОМ
(Из разговоров с детьми)

Когда мы на ночь дверь запрем
И наглухо закроем шторы,
Цветы мы не пускаем в дом:
Они - снаружи, за окном,
Где в темноте скребутся воры
И ветер свищет за углом.
Но нет, никто их не обидит
Средь ночи: мир не так жесток!
И если сломанный цветок
Нашли мы утром за порогом, -
Наверное, не кто иной,
Как я, в потемках поздних сидя
Под восходящею луной,
С ним заигрался ненароком...

Перевод Г. Кружкова

ПРИВЕТ ОТ ЗЯБЛИКА
(Из разговоров с детьми)

Нынче, выйдя из дома,
От вороны знакомой

Я услышал: "Урра!
Я ищу вас с утра.
Как дела? Вы не в лес ли?
А здорова ли Лесли?
Зяблик-друг,
Улетая на юг,
Ей просил передать,
Что не мог больше ждать.
Ночью звездной
Дунул ветер морозный,
Зяблик так расчихался -
Даже хвост растрепался!
И когда улетал,
Лесли он передал,
Чтоб она не скучала,
Теплый шарф надевала
И каталась с горы
У барсучьей норы.
И добавил, что, если
Будет умницей Лесли,
Он опять через год
Прилетит и споет".

Перевод Г. Кружкова

СНЕГ

Втроем они стояли, внемля ветру,
Который бился и ломился в дом,
Глотая и выплевывая снеги, -
Супруги Коль, спросонья кое-как
Одеты, М_и_зерв в шубе не по росту.
Он первым начал. Указав назад,
Через плечо, своею трубкой, начал:

"Вы видите, как пляшет он на крыше,
Сворачиваясь в свиток к небесам.
Вмещающий все имена на свете. -
Я позвоню жене сказать, что я
У вас, недалеко, да и поеду.
Я дам два-три звонка, чтоб, если ей
Заснуть случилось, и не просыпаться..."
Он позвонил, прислушался, сказал:
"Как, ты не спишь? Летт, я у Колей. Буду
Попозже. Я звоню тебе сказать
Спокойной ночи. До утра, родная.
Я знаю, Летт, я знаю. Ну и что?
Раз надо, значит надо. Все не так уж
И скверно. Дай мне час. Ха-ха! Зачем
Мне три! Да, три, но это было в гору -
И под гору теперь. Нет-нет, не дрыхнут -
А слушают, да как еще! Они
Сейчас в пристройке. Славное семейство.
Конечно же приеду. Я звоню
Не для того, чтоб слушать увещанья".
Чего-то ждал - но тщетно - он в ответ,
Промолвил наконец: "Спокойной ночи"
И трубку (та молчала) опустил.
Они втроем стояли у стола
В каком-то замешательстве, и вот он
Сказал: "Взгляну, как лошади".
"Взгляните", -
Сказали Коли разом. Миссис Коль
Добавила: "Ведь это очень важно.
А ты останься, Фред. Вы, братец Мизерв,
И сами разберетесь, как пройти
В конюшню".
"Как пройти, сам разберусь я.
В конюшне не сплошаю. Если я
Там позабуду, где я, то воспомню,

Кто я на самом деле. Я люблю
Играть..."
"Им дайте корм и возвращайтесь!
Фред, ты решил его прогнать?"
"А ты?
Оставить?"

"Я его назвала братцем.
Но почему?"

"По мне, так в самый раз.
Так все его в округе называют,
Как будто он и не христианин".

"Ну, "братец" это все ж по-христиански.
Он не заметил, правда? Ладно, я
Сказала так не по любви великой.
Миляга знает. Мне мерзка и мысль
О нем самом, о дюжине детишек
Мал-мала меньше, о его друзьях,
О всей их жалкой секте. Фред, однако
Уже двенадцать, правда ведь? А он
Здесь полчаса. И, по его словам,
Он выехал из лавки ровно в девять.
Четыре мили в три часа. Ну как?
По миле в час почти что. Не иначе,
Он словно бы не ехал, а стоял.
На что он только время проворонил?
И до дому три мили!"
"Пусть ночует.
Скажи ему, Елена. Растолкуй,
Такой вот человечек все болтает,
Но глух к тому, что говорят ему, -
Как пень, как камень. Но тебя, пожалуй,
Послушается он в конце концов".

"Чего он ищет ночью вроде этой?
Куда он ездит?"

"Поучать людей".

"В такую ночь!"

"Он ростом невелик,
Он глуповат, но, видно, крепкий парень".

"И крепким табаком пропах".

"Он сдюжит".

"Легко сказать. Три мили - и вокруг
Ни огонька, лишь вьюга да потемки.
Пожалуй, позвоню его жене".

"Не суетись. Пусть сам и позвонит.
Посмотрим, вспомнит или же не вспомнит.
А, впрочем, он не трус - или, верней,
Он не считает это испытаньем".

"Он не уедет!"

"Ночь, и время спать".

"Вот только б в это Господа не впутал!"

"Он Господа оставит про запас".

"Уверен ты? А он, поди, намерен
Явить нам чудо - или же себе".

"Он про себя, должно быть, полагает,
Что Бог ему на помощь поспешит,
А если нет - он, значит, недостоин".

"А если нет - замерзнет он в пути.
Замерзнет и умрет".

"Какая жалость!
Хоть на него, конечно, наплевать,
Раз он в припадке чванства жизнь кидает
На чашку благочестья. Что за вздор!
Ведь вечно людям врут весы такие".

"Вздор мелешь ты! Чай, страшно за него?"

"За недомерка ты!"

"А ты?"

"А мне
Противно, что он делает, противно,
Что ты за то, что делает он!"

"Так!
Но врешь. Тебе забава-то по нраву.
Вы, женщины, кривляетесь всегда,
Чтоб укротить мужчин. Вы довели нас
До слабости такой, что мы спешим
Разнять едва начавшуюся драку,
А не болеть за добрых драчунов.
По мне, так пусть он отморозит ухо,
А то и оба. Впрочем, как велишь,
Валяй спасай его. - Входи же, Мизерв.
Садись же. Как лошадки? Хороши?"

"В порядке".

"Значит, можно ехать? Вот
Моя жена считает, что не стоит".

"Пожалуйста! Я очень вас прошу!
Прошу вас, мистер Мизерв! Ради вашей
Жены! Что вам советует она?"

А тот, как бы не слушая, глядел
На лампу или что-то с нею рядом.
И руку (ту, что белым пауком
Пласталась на колене) от колена
Не оторвав, он указал перстом:
"Вот лист в открытой книге! Шевельнется
Он, думал я, ведь он стоит стоймя,
Стремясь упасть вперед или назад,
Здесь, на столе, с тех пор как я вернулся.
Я загадал: коль упадет вперед,
То дружеским объятый нетерпеньем,
Вам поспешив дорогу указать
К тому, что вам покуда неизвестно,
А коль назад - то движимый тоской
О том, что вы прошли мимо чего-то,
Не углядев в нем Блага. Ничего,
Ведь людям уготовано такое
Не раз, не два - я не скажу вам, сколько, -
Но нечто, вдруг открывшееся нам,
Порою открывается не сразу, -
И лжет молва о том, что только раз
Бывает это, - или б мы пропали.
Вся наша жизнь покоится на том,
Что все к нам возвращается - и просит
Ответить. Если надо, тыщу раз!
А этот лист... Без ветра он ни с места.

Но, и под ветром шевельнувшись, он
Шевелится не из-за ветра. Только
Сам по себе, а ветер ни при чем.
Подобное нарушить равновесье
Не в силах он. Не в силах выдуть он
Дым, черный чад из вашей лампы - или
Дыру в собачьей шкуре протереть.
Ваш терпеливо созданный наперсток
Тепла и света вопреки всему
Неистовству и мраку зимней бури
Сберег здесь для троих - для пса, для лампы
И для листа - незыблемый покой,
Хоть вам покой, пожалуй, и неведом.
А все же вы даруете его.
Не можно дать того, чем не владеешь? -
Ложь из разряда истин прописных,
Которые все лгут... Я опущу
Лист. Не ложится. Может, вы? Ну ладно".

"Эй, Мизерв, я тебя не тороплю,
Но если надо ехать... Остаешься?
Смотри, я эту ставню подыму,
Как занавес над вьюгой. Ну и пьеска!
Взгляни, какой мороз и как метет.
Спроси Елену, как дела со ртутью
В термометре".

"Все выглядит сейчас,
Как будто нечто мертвенное наземь
Упало и смежило веки, чтоб
Не видеть, как спешат друг к другу люди,
Как важно это... Словно спать легло
По дурости, по недопониманью -
Иль выю бесконечную свою
Здесь, о стекло ударившись, свернуло".

"Но, братец Мизерв, небылью ночной
Себя вы напугаете скорее,
Чем нас. Ведь это вы в такую ночь
Намерены отсюда удалиться".

"Наговорится всласть - и ляжем спать".

"Покуда вы не опустили ставню!
Вы помните, здесь мальчик жил зимой
У Эйвори? Отправлен на поправку
После болезни? Как-то ясным днем,
Когда ночная буря миновала,
Он к нам зашел, а я тогда как раз
Обкладывал дом насыпью из снега,
Чтоб утеплить, - до окон и поверх.
Его порядок этот позабавил.
"Вот, - закричал он, - неплохая мысль.
Сугроб снаружи высотой в шесть футов,
А вам внутри покойно и тепло.
Вы греетесь зимой самой зимою!"
Так точно и сказал. Пошел домой
И Эйвори засыпал окна снегом.
Мы с вами не зайдем так далеко,
Но все-таки: намного ли нам хуже
Сидеть втроем в тепле из-за того,
Что там, снаружи, в океане снега
Погребена земля? Найти проход -
Туннель, дыру, но нет, туннель скорее -
Сквозь стужу удается нам всегда:
Путь вниз, насквозь, туда, где нечто брезжит
И брызжет, - будь сугроб, но верх его
Крошится ветром. Как все это славно!
Ну, а теперь прощайте".

"Мизерв, как?
Мы полагали, ты решил остаться.
Так здорово ты расписал уют
Втроем. Ты никуда не хочешь ехать".

"Не часто так: мороз и снегопад.
Ваш дом промерз до хрупкости - весь, кроме
Той комнаты, где мы сейчас. А ветер,
Хоть глуше он звучит, не стал слабей:
Вы просто глубже под покровом снега -
И звук стал тише. Боязливых бомб
Разрывы из трубы слышны, сквозь крышу.
Мне нравится все это здесь, внутри,
Сильнее, чем понравится снаружи,
Но отдохнули лошади, а вам
Пора в постель. Спокойном ночи, люди,
Простите, что от сна вас оторвал..."

"Вам повезло, что вы нас оторвали.
Вам повезло, что есть на полпути
Наш дом. Когда б вы были человеком,
Готовым женской просьбе уступить,
Вы бы остались здесь - ради своих же.
А впрочем, что твердить одно и то ж?
Вы сделали уже гораздо больше,
Чем смели полагать. Известно вам,
Чем путь домой грозит".

"Но наши вьюги
Кончаются, как правило, без жертв;
И хоть, понятно, было б мне милее
Быть зверем, мирно дремлющим в норе,
Чем тем, кто беззащитен на просторе,
Но вспомните о птицах - не в гнезде,
А на насесте. - Или я слабее?

Вода, что пьют они, замерзнет вмиг
В такую ночь. И все-таки назавтра
Они пойдут по веточкам порхать,
Махать крылами и кормить детишек,
Как будто бури не было совсем".

"Но ведь зачем, когда никто не хочет?
Супруга ваша - нет. Мы - нет. Вы - нет.
Тогда кого же ради отправляться?"

"Не женщинам об этом рассуждать.
В конце концов есть..." - И она позднее
Сказала Фреду, что ждала сейчас
Словечка "Бог". Но нет, он произнес:
"В конце концов есть буря - и она
Меня зовет, как позвала б война
Мужчину каждого..."

Ей бросив это,
Как милостыню, вышел он за дверь.
Коль проводить пошел его в конюшню,
А возвратясь, нашел свою жену
По-прежнему стоящей возле книги,
Но не читая.

"Ну, и как назвать
Такого человека?"

"Он, Елена,
Красноречив, а может, одержим".

"А на других плевать ему, не так ли?"

"Он как бы говорит с самим собой,
Не слыша нас. О нем за час узнали

Мы больше, чем за все разы, когда
Он мимо проходил. Сектант, а как же!
Ты знала, что его не удержать.
Нет, я не придираюсь. Он и слова
Не дал тебе сказать. И я так рад,
Что на ночь не остался он. Какой уж
Там сон - когда б остался!.. Пропадет...
Здесь без него, как в церкви опустелой".

"А что на этом выиграли мы?
Мы не уснем, покуда не узнаем".

"Ты, коль тебе угодно, а не мы.
Он знал, на что идет, и знал, что сдюжит -
Иль попытается... Ляг отдохни.
Он не вернется. Если ж позвонит,
То через час, не раньше".

"Ну и ладно.
Сидеть, переживая за него,
Бессмысленно, а главное, не в помощь".

☆ ☆ ☆

Коль ночью говорил до телефону.
Спросила из алькова миссис Коль:

"Она звонит иль ты ей?"

"Мне она.
Тебе, пожалуй, лучше бы одеться.
Заспались мы: уже четвертый час".

"Давно вы говорите? Мой халат...
Я у нее спрошу..."

"Она сказала,
Мол, нет его и правда ль он ушел".

"Бедняжка! два часа с тех пор минуло!"

"Лопатка есть при нем. Нет, он не сдастся!"

"Зачем его я только отпустила?"

"Не начинай опять. Ты не смогла
Его оставить - но уж расстаралась.
Вот разве что не показала, как
Противно было жалкое ломанье.
Его супруга не находит слов".

"Фред, ну зачем! Ведь я не виновата.
Зачем все по-другому представлять?
Скажи, она хоть словом показала
Свою обиду?"

"Я ей: "Он уехал".
Она "ну ладно" молвила в ответ,
Но это прозвучало как угроза.
И вдруг: "Да что ж вы, люди?""

"Что ж вы, люди?"
Я позвоню спросить, а что ж она.
Пока он здесь сидел, она молчала,
Их номер Два-Один? Черт, нет гудка.
Наверно, кто-то не повесил трубку.
И заедает. Это же она!
Ушла, не положив ее на место!"

"Ты говори: алло".

"Алло, алло".

"Что слышишь?"

"Слышу комнату пустую.
Ты знаешь - этот странный шум. Ах вот,
Часы пробили, слышу, и окошко
Скрипит. Но нет шагов. Сидит? Ушла?"

"Попробуй покричать".

"Кричать противно".

"Тогда алло".

"Алло, алло, алло...
Послушай, не ушла ль она из дому?"

"Почти не сомневаюсь: так и есть".

"Детей оставив?"

"Подожди немного.
По телефону услыхать нельзя,
Не брошены ли двери нараспашку,
Очаг задут и комната мертва".

"Одно из двух: она или уснула,
Или ушла".

"Что хуже? Не пойму.
Послушай, кто она? Ты с ней встречалась?
Не захотела с нами говорить!"

"Поди-ка, Фред, послушай, что я слышу".

"Часы как будто".

"Больше ничего?"

"Но не слова".

"Нет, не слова".

"Послушай!"

"А что это?"

"Что это? Детский плач!
Хоть далеко - но тут не ошибешься.
Какая мать оставила б дитя
Так плакать?"

"Но ведь это означает..."

"Вне всякого сомненья, лишь одно:
Она ушла. Но не могла ж она
Уйти!.." Вдвоем беспомощно сидели.
"Пока нам ничего не предпринять".

"Послушай, Фред, я не пущу! Не вздумай!"

"Помалкивай". Затренькал телефон.
Они засуетились. Фред взял трубку.

"Как, Мизерв, ты? И дома? А жена?
Как почему? Она не отвечала.
А!.. Вышла, говорит, его встречать. -
Мы очень рады. Брось об этом, парень.
К нам заходи, когда случится".

"Что ж,
Он снова с ней, хоть я не понимаю,
Зачем - такой - он нужен ей".

"Зачем?
Не для себя, так, может, для детишек".

"И все волненье из-за ничего!
Мы обмирали - братец забавлялся.
Зачем он к нам пришел? Поговорить?
О чем, позволь спросить? О снегопаде?
Решил привал устроить с кофейком
На полпути из города в пустыню?
Намерен поступать так каждый раз?"

"Я думал, что тебя сильней задело".

"Я думала, ты вовсе не задет".

"Конечно, он пришел бесцеремонно,
И нас заставил бодрствовать всю ночь,
И грубо пренебрег твоим советом -
Все так. И все ж давай его простим,
Мы в жизнь его на ночь одну попали.
Как думаешь, зайдет ли к нам еще?"

Перевод В. Топорова

ИЗ СБОРНИКА "НЬЮ-ГЕМПШИР"

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

Под вечер я добрался до лачуги
Из горбылей, оклеенных бумагой,
С одним окном, с одной худою дверью...
Единственное в этой части гор
Жилище, да и в том нет ни мужчин,
Ни женщин. (Да и, впрочем, непохоже,
Чтоб женщины когда-нибудь тут были -
Так что о них вздыхать?) Я в эту глушь
Пришел, чтобы переписать людей,
Но ни одной живой души не встретил
На сотню миль вокруг. И этот дом,
Куда я шел с какою-то надеждой
И за которым долго наблюдал,
Спускаясь по извилистой тропинке,
Был пуст. Я там не встретил никого,
Кто мог бы смело выйти мне навстречу,
Кому не страшен посторонний глаз.
Стоял сентябрь. Но как бы вы смогли
Сказать, какое было время года,
Когда от тех деревьев, что должны бы
Ронять листву, остались только пни,
Покрытые смолою сахаристой?
А на деревьях, что еще стояли,
Ни листьев не было, ни даже веток,
Секущих воздух осени со свистом.
Лишенный помощи деревьев ветер,

По-видимому, что-то сообщал
О времени - как года, так и дня -
Тем грохотом, с которым дверью хлопал.
Казалось, будто грубые мужчины
Входили, каждый резко двинув дверью,
И следующий вновь ее толкал.
Я насчитал девятерых из тех,
Кого я права не имел считать,
И сам переступил порог - десятым.
Где ужин мой? И где хозяйский ужин?
Нет лампы, что горела б над столом.
Печь холодна и завалилась набок,
И рухнула железная труба.
А люди, громко хлопавшие дверью,
Людьми для слуха были, не для глаза.
Они не упирались в стол локтями,
Они не спали на кривых полатях.
Нет ни людей, ни их костей - и все ж я,
Подумав о костях, вооружился
Изгвазданным смолою топорищем,
Которое валялось на полу.
Не кости лязгали, а стекла в раме.
Умолкла дверь, припертая ногой.
А я стоял и думал, что бы сделать
Для дома и для тех, кого здесь нет.
Покинутая ветхая лачуга
Меня наполнила не меньшей грустью,
Чем древние руины там, где Азия
От Африки Европу отделяет.
Мне ничего не оставалось, разве,
Установив, что дом необитаем,
Далеким скалам громко объявит:
"Дом пуст! И тот, кто прячется в молчанье,

Пусть возразит иль пусть навек молчит!"
Тоска считать людей в таких местах,
Где их число с годами убывает.
Невыносимо там, где их не стало.
Должно быть, я хочу, чтоб жизнь жила.

Перевод А. Сергеева

ЗВЕЗДОКОЛ

"На небо Орион влезает боком,
Закидывает ногу за ограду
Из гор и, подтянувшись на руках,
Глазеет, как я мучусь подле фермы,
Как бьюсь над тем, что сделать было б надо
При свете дня, что надо бы закончить
До заморозков. А холодный ветер
Швыряет волглую пригоршню листьев
На мой курящийся фонарь, смеясь
Над тем, как я веду свое хозяйство,
Над тем, что Орион меня настиг.
Скажите, разве человек не стоит
Того, чтобы природа с ним считалась?"
Так Брэд Мак-Лафлин безрассудно путал
Побасенки о звездах и хозяйство.
И вот он, разорившись до конца,
Спалил свой дом и, получив страховку,
Всю сумму заплатил за телескоп:
Он с самых детских лет мечтал побольше
Узнать о нашем месте во Вселенной.

"К чему тебе зловредная труба?" -
Я спрашивал задолго до покупки.
"Не говори так. Разве есть на свете
Хоть что-нибудь безвредней телескопа
В том смысле, что уж он-то быть не может
Орудием убийства? - отвечал он. -
Я ферму сбуду и куплю его".
А ферма-то была клочок земли,
Заваленный камнями. В том краю
Хозяева на фермах не менялись.
И дабы попусту не тратить годы
На то, чтоб покупателя найти,
Он сжег свой дом и, получив страховку,
Всю сумму выложил за телескоп.
Я слышал, он все время рассуждал:
"Мы ведь живем на свете, чтобы видеть,
И телескоп придуман для того,
Чтоб видеть далеко. В любой дыре
Хоть кто-то должен разбираться в звездах.
Пусть в Литлтоне это буду я".
Не диво, что, неся такую ересь,
Он вдруг решился и спалил свой дом.

Весь городок недобро ухмылялся:
"Пусть знает, что напал не на таковских!
Мы завтра на тебя найдем управу!"
Назавтра же мы стали размышлять,
Что ежели за всякую вину
Мы вдруг начнем друг с другом расправляться,
То не оставим ни души в округе.
Живя с людьми, умей прощать грехи.
Наш вор, тот, кто всегда у нас крадет,
Свободно ходит вместе с нами в церковь.

А что исчезнет - мы идем к нему,
И он нам тотчас возвращает все,
Что не успел проесть, сносить, продать.
И Брэда из-за телескопа нам
Не стоит допекать. Он не малыш,
Чтоб получать игрушки к рождеству -
Так вот он раздобыл себе игрушку,
В младенца столь нелепо обратись.
И как же он престранно напроказил!
Конечно, кое-кто жалел о доме,
Добротном старом деревянном доме.
Но сам-то дом не ощущает боли,
А коли ощущает - так пускай:
Он будет жертвой, старомодной жертвой,
Что взял огонь, а не аукцион!

Вот так единым махом (чиркнув спичкой)
Избавившись от дома и от фермы,
Брэд поступил на станцию кассиром,
Где если он не продавал билеты,
То пекся не о злаках, но о звездах
И зажигал ночами на путях
Зеленые и красные светила.

Еще бы - он же заплатил шесть сотен!
На новом месте времени хватало.
Он часто приглашал меня к себе
Полюбоваться в медную трубу
На то, как на другом ее конце
Подрагивает светлая звезда.
Я помню ночь: по небу мчались тучи,
Снежинки таяли, смерзаясь в льдинки,
И, снова тая, становились грязью.

А мы, нацелив в небо телескоп,
Расставив ноги, как его тренога,
Свои раздумья к звездам устремили.
Так мы с ним просидели до рассвета
И находили лучшие слова
Для выраженья лучших в жизни мыслей.
Тот телескоп прозвали Звездоколом
За то, что каждую звезду колол
На две, на три звезды - как шарик ртути,
Лежащий на ладони, можно пальцем
Разбить на два-три шарика поменьше.
Таков был Звездокол, и колка звезд,
Наверное, приносит людям пользу,
Хотя и меньшую, чем колка дров.
А мы смотрели и гадали: где мы?
Узнали ли мы лучше наше место?
И как соотнести ночное небо
И человека с тусклым фонарем?
И чем отлична эта ночь от прочих?

Перевод А. Сергеева

ТОЧИЛЬНЫЙ КРУГ

Хотя станок имел две пары ног,
Он сам прийти в движение не мог
Без помощи вот этой самой пары
Рук, запускавших круг. И он кружил.
Но несмотря на резвое круженье
И долгий путь в его воображенье,
Он оставался там же, где и был

Из года в год, под яблонею старой.
Точильный круг, терпевший передряги
Осеннего ненастья, и в мороз
Стыл во дворе, поскольку бедолаге,
Заснеженному до шкивов и вала,
Увы, в сарае места не нашлось.
(Там был верстак и тачка без колес.)
Станок изголодался по металлу,
Ему недоставало ржавой влаги.
И пусть его! Ведь голодать и стыть
Запрещено лишь в городе бродяге.
А, впрочем, почему это я вдруг
Подумал о станке? Неужто вспомнил,
Как во дворе работал жарким полднем,
И потому припомнил, может быть,
Как я крутил тогда точильный круг
И рядом кто-то был, точильный круг
Крутивший в этот день со мною вместе?

Итак, я начал круг вертеть, водою
Смочив его (а может быть, слезою?).
Круг резво побежал, и тот, другой,
Блестя очками и своей железкой,
Ее, что было сил, прижал рукой
К поверхности мелкозернистой. Резко
Точильный круг свой бег затормозил,
Как поезд возле самого вокзала,
И сразу же руке труднее стало...
Я думал почему-то в тот момент,
Каким был в старину мой инструмент?
От долгого сражения с металлом
Сточился круг и сделался овалом,
Который запинается слегка

И стукнуть норовит исподтишка,
Как будто бьет заклятого врага.
(Но я ему прощаю это. Так
С годами после позабытых драк
Легко бывает детский враг прощен.)
Кто более искусен? Может быть,
Не тот, кто изобрел круговращенье,
А тот, кто круг умел остановить!
Но должен ли свои секреты он
Навязывать другому поколенью?
Об этом и была моя печаль.

И вовсе не себя мне было жаль.
Хотя, конечно, что и говорить,
Получше есть занятья по жаре,
Чем размышлять о таинствах станка,
Отдавшись на съеденье мошкаре.
А двойника тем более не жаль.
Когда же круг едва не спрыгнул с вала,
Чтоб лезвием поранить двойника,
То выходка меня не напугала,
И я пустил станок еще сильней.
(Круг тормозил, конечно, мне назло.)
Подобная беда, когда ты к ней
Готов, и впрямь не слишком велика.
А все-таки мне было тяжело,
И досаждало более всего,
Что, наточивши лезвие клинка,
Теперь мы только портили его.
Поэтому, когда двойник поднял
Заточенное лезвие к очкам,
Приглядываться начал к острию
И недовольно пальцем трогать стал,

Признаюсь, я едва не закричал:
Довольно! погоди! подумай сам,
Насколько бы естественнее было
Доверить точку самому точилу.
А тем, что одобряет сам станок,
И я доволен был бы, видит бог.

Перевод Б. Хлебникова

ДИКИЙ ВИНОГРАД

С какого древа смокву не сорвать?
А виноград с березы разве можно?
Вот знанье винограда и берез.
Как девочка, что гроздью винограда
С березы сорвана, я б знать должна.
Про виноград, какого плод он древа.
Я родилась, наверное, как все,
И выросла девчонкой озорною,
От брата не желающей отстать.
Все это вышло как-то даже страшно,
Когда с гроздями я наверх взвилась.
За мной пошли, как шли за Эвридикой,
Целехонькой вернув из вышних мест.
И жизнь моя теперь как бы вторая -
Прожить ее могу я, как хочу.
Я праздную с тех пор два дня рожденья,
И знайте вы, двоих во мне узрев,
Что на пять лет одна меня моложе.
Брат на поляну в лес меня повел
К березе, что стояла одиноко

В своем зубчатом лиственном венце
И с тяжкой шевелюрой на затылке,
Увитой виноградною лозой.
Я виноград и год назад видала.
Одну лишь гроздь. А тут таких гроздей
С березы на меня глядело столько,
Что столько Лейф Счастливый {} не видал.*
Но большей частью грозди были выше
Моих воздетых рук, как и луна, -
К ним следовало по стволу забраться,
Что брат и сделал, сверху набросав
Гроздей мне, но бросал куда подальше,
Чтоб дольше я искала их в траве
И мог наесться он и сам от пуза.
Но было мало этого ему.
Желая, чтобы я сама кормилась,
Забравшись выше, он весь ствол пригнул
И дал мне в руки самую верхушку.
"Держи и ешь. Другую я согну.
Покуда без меня, держи покрепче".
Я дерево держала. Нет, я лгу.
Не я его, оно меня держало.
Минуты не прошло, оно меня
Вверх подняло, как удочка рыбешку.
Вот суть перемещенья моего.
Брат мне кричал: "Давай слезай оттуда!
Вот дурища! Давай скорей слезай!"
Но я своей какой-то детской хваткой,
Наследственной, с далеких тех времен,
Когда дикарка-мать дитя за ручки
Вывешивала властно на суку,
Чтоб вымыть, просушить - ну я не знаю,
Расскажет вам эволюционист! -

За жизнь свою держалась инстинктивно.
Мой брат пытался рассмешить меня:
"Эй! Что ты там висишь на винограде?
Сестра, не трусь, тебя он не сорвет,
Коль ты не рвешь его. Слезай, дуреха!"
Я жутко опасаюсь что-то рвать.
В ту пору философию подвеса
Постигла я всецело и вполне.
"Теперь ты знаешь, - брат меня утешил, -
Что лисий, то есть дикий виноград,
Бежав зубов лисицы, ощущает,
Поскольку на березе вырос он,
Где не пойдет искать его лисица,
А коль пойдет - так ей слабо достать.
Но мы с тобой пришли за виноградом,
Перед которым фора у тебя -
Цепляться у тебя на ствол побольше,
И потому трудней тебя сорвать".

За башмаками вниз упала шляпа,
Но я висела, голову задрав
И в солнечных лучах глаза зажурив,
Лишь слышала, как "Падай! - брат кричал. -
Невысоко тут, я тебя поймаю".
(Невысоко? Но это как кому...)
"Да падай! Иль стряхну тебя как грушу!"
В молчанье мрачном ниже я сползла,
Все жилы напряглись, как струны банджо.
"Ты страх как испугалась, я гляжу.
Держись покрепче, дай-ка мне подумать...
Нагну березу и тебя спущу!"
О спуске том поведаю я мало,
Но лишь достали ноги до земли,

И мир ко мне обратно воротился,
Я помню, как смотрела долго я
На исступленно скрюченные пальцы.
Брат пошутил: "Ты что, как пух на вес?
Вперед старайся быть потяжелее,
Чтоб на березе в небо не взлететь".

Едва ль моя сравнима легковесность
С девчоночьим невежеством моим.
Тогда мой брат был прав скорее прежде.
Я к знанью шаг не сделала тогда,
И я не научилась жить по мерке,
Равно как жить по сердцу, ибо нет
Нужды мне в том, равно как нет желанья,
Мне кажется. Никак не сердце ум.
Я проживу, как все живут на свете,
Жить напрягаясь тщетно по уму,
Заботы сну сбывая. Но нужды
Учиться жить по сердцу я не вижу.

Перевод С. Степанова

{ Начальник викингов, который открыл Америку и назвал её "Винланд".}*

ДВЕ ВЕДЬМЫ

I. ВЕДЬМА ИЗ КОЙСА

На ферме за горою, у вдовы
С сынишкой (суеверное семейство),
Заночевал я. Вот о чем шла речь.

ВДОВА:
Ведь здешний люд что думает про ведьм?
Махни рукой - и духи на подмогу;
Не вышло, так тебя же и сожгут.
Что понимали б! Это ж не иголку
Поди искать, а духов заклинать.

СЫНИШКА:
Вели мамаша, этот самый стол
Пойдет фырчать, лягаясь что твой ослик.

ВДОВА:
Ну и велю, а только для чего?
Чем стол трясти, я лучше расскажу вам,
Что мне Правитель Сиу объяснил.
Он говорит, у мертвецов есть души.
Как, говорю, они же сами - души?
А он меня из транса в тот же миг.
Вот и судите сами, есть иль нету
У них чего-то окромя души.

СЫНИШКА:
Смотри, не говори ему, мамаша,
Про наш чердак.

ВДОВА:
На чердаке скелет.

СЫНИШКА:
Но дверь туда заставлена кроватью
Мамашиной. Забита напрочь дверь.
Совсем не страшно. Ночью он стучится,
Мамаша слышит, глупый, и скребет

Ей в изголовье. Просится обратно
В подвал, откуда вылез он в тот раз.

ВДОВА:
А мы его не пустим! Мы не пустим!

СЫНИШКА:
Он вылез ночью сорок лет назад
И, белый, как составленные блюда,
На кухню из подвала зашагал,
Затем он с кухни перебрался в спальню,
Из спальни устремился на чердак,
Папаши и мамаши не смущаясь,
Папаша был вверху, внизу мамаша,
Я был дитя, не помню, где я был.

ВДОВА:
Единственное, чем пенял мне муж, -
Я засыпала раньше, чем ложилась.
Особенно зимой, когда постель
Была как лед и простыни как саван.
В ту ночь, когда скелет пошел гулять,
Один лег Тоффиль и меня оставил
С открытой дверью, чтобы я в постель
Перебралась, почувствовав морозец.
Когда я, понемногу приходя
В себя, разобралась, откуда иней,
Вдруг слышу: Тоффиль в спальне, наверху,
А думаю, что он внизу, в подвале.
Ведь там, в подвале, стукнула доска,
Которую туда мы положили,
Чтоб посуху ступать весной. И вот
Идет, я слышу, тяжко, шаг за шагом,

Наверх, как одноногий с костылем
Или с ребенком на руках... Не Тоффиль!..
А ежели не Тоффиль, кто ж тогда?
Двойная дверь-то на двойном запоре,
А уж вокруг сугробов намело.
В подвале-то опилки возле окон,
А уж вокруг сугробов намело!
То был скелет. Я знала - чей, не скрою.
За ручку двери ухватилась я,
Но он не чаял пересилить двери,
Беспомощно стоял он, где вошел.
И ждал, что, может, случай подвернется,
И тихий шорох бил его, как дрожь.
То был и не скелет, а просто кости.
Я б никогда не сделала того,
Что сделала, не будь во мне так сильно
Желанье посмотреть, чем скреплены.
Казалось мне, то был не человек,
А на полу держащаяся люстра.
И вдруг пред ним я распахнула дверь.
Он тут же зашатался от волненья
И чуть не рухнул наземь (язычок
Огня из верхней челюсти рванулся,
В глазницах черный дым затрепетал).
Ко мне шагнул он, распахнув объятья,
Точь-в-точь как раньше. Но на этот раз
Я руку отсекла ему ударом
И от удара рухнула сама.
Рука распалась, пальцы разлетелись
(Недавно где-то видела один,
Подай-ка мне шкатулку - уж не там ли?)...
Я, сидя на полу, вскричала: "Тоффиль,
Он про тебя идет!" Он мог пойти

В подвал иль в холл, но для разнообразья,
Конечно, выбрал холл - и для такой
На скору нитку сшитой образины
Пошел довольно резво, хоть теперь,
Как пьяные каракули, кренился -
Ведь у меня тяжелая рука...
По лестнице взобрался он наверх -
И в нашу спальню новую крадется.
И тут я наконец пришла в себя
И закричала что есть мочи: "Тоффиль,
Держи дверь в спальню!" - Холодно одной, -
Спросил он, - а вот я уже пригрелся, -
Я бросилась наверх, еще слаба,
И на ходу хватаясь за перила,
А наверху (внизу было темно)
Скелета не увидела. "Он рядом!
Он в нашей спальне, Тоффиль! - Кто? - Скелет! -
Какой скелет? - Тот самый, из подвала!"
На этом слове Тоффиль соскочил
С постели, голый, и ко мне прижался.
Тогда я свет решила погасить
И комнату на уровне коленей
Обшарить, чтобы кости изловить
И заломить их на пол. Но не вышло.
"Послушай, Тоффиль, он ведь ищет дверь.
Должно быть, из-за вьюги он припомнил
Бывалошную песенку свою -
Вперед и вброд, - что пел на автостраде.
Он ищет дверь, пойми, входную дверь,
Чтоб выйти. На чердак его заманим
Открытой дверью!" Согласился муж.
И впрямь, чуть дверь чердачную открыл он,
На лестнице послышались шаги.

Я слышала их, Тоффиль же не слышал.
"Готово! - Я прикрыла дверь собой. -
И живо гвозди!" Вмиг заколотили,
Заставили кроватью - и вот тут
Мы с опозданьем задались вопросом,
Что сложено у нас на чердаке.
Ну, к счастью, весь припас у нас в подвале,
И коль скелету глянется чердак,
Он может оставаться там. Однако ж
Порою там не можется ему,
Тогда стучит за дверью в изголовье
Кровати и башку свою скребет
Со звуком вроде скрипа старых ставней.
Ни слова я об этом никому
С тех пор как умер Тоффиль. Поклялась я
Его оттуда ввек не выпускать
И обходиться с ним ничуть не лучше,
Чем с мужем обошлась из-за него.

СЫНИШКА:
Идет молва, что гроб у вас в подвале.

ВДОВА:
Молва права: есть гроб у нас в подвале.

СЫНИШКА:
Есть гроб у нас, но мы не знаем чей.

ВДОВА:
Мы знаем, чей, сынишка. Что таиться.
Из-за меня убил его мой муж.
Убил, чтоб не убить кого другого.
Чтоб не убить меня. Он там зарыт.

Где согрешили, там и порешили.
Сынишка в курсе дела, но привык
Помалкивать до времени об этом.
Он смотрит с изумленьем на меня:
Мы с малым столько лет друг дружке лгали,
Чтоб тем ловчее посторонним лгать.
Но нет теперь причины все таить,
Да и была ль когда-нибудь, не знаю.
Будь Тоффиль жив, он сам бы вам не смог
Сказать, зачем кривили мы душою...
Она в шкатулке, вывернув ее
Себе в подол, не отыскала пальца.
Наутро имя "Тоффиль Лайвэй" я
Нашел и впрямь на ящике почтовом.

Перевод В. Топорова

II. НИЩЕНКА-ВЕДЬМА ИЗ ГРАФТОНА

Теперь, когда со мной разобрались,
Я объявлю хлопотунам злорадно:
Попали вы, приятели, впросак.
Я польщена: два городка стремятся
Спихнуть меня друг дружке, но никто
Не гонит вон - оттуда ли, отсюда, -
Чтоб не стряслось беды. Двойной бедой
Обычный люд всегда стращают ведьмы,
А я беду для них учетверю!
Они хотят: как скажем, так и будет,
А я скажу, что было все не так.
Они твердят, мол, запросто докажем,

Что Артур Эми проголосовал
За Жабу Рива на весенней сходке
В Уоррене, а я им круглый год
Одно и то же: муж мой Артур Эми
Не тот, кого винить в таких делах, -
Когда была в Уоррене та смута,
Пятнадцати не стукнуло ему.
И если незабвенный Артур Эми
И впрямь хоть пару раз голосовал,
То в городишке по названью Вентворс.
Голосовал - тянуть иль не тянуть
До нашей фермы просеку - и если
Тянуть, то кто заплатит за труды.
Их Артур Эми это Хемэн Лэпиш,
Они мне мужа спутали с отцом!
И если так законники решили,
То им придется все перерешить.
Уоррен или Вентворс - жить-то можно
И тут и там, но я с недавних пор
Предпочитаю Вентворс; если надо
Решить по справедливости, а все
Твердят, что лишь о ней-то и пекутся,
То справедливость мне нужна самой.
Я знаю: кой-кого бы разозлило
Ославленную ведьму приютить,
Но остальных пугают лишь расходы -
Та малость, что я стою. Взять бы в толк,
Что я как ведьма обойтись могу
Хотя бы молоком летучей мыши.
А интересно, станет ли сильней
Позиция моя, коль докажу им,
Что я и впрямь умею ворожить?
Конечно, Мэллис Хьюз надул всем в уши,

Что я его, седого старика,
Однажды ночью лихо оседлала,
Уездила до кожи и костей
И бросила нагим и бездыханным
У входа в таун-холл на стыд и срам
Любому грубияну в графстве Графтон.
Меня стыдили - бросила нагим
Седого старика. Но обошлось бы
Мне даже это, не начни он грызть
Столба у входа, не оставь на нем
Следы своих зубов. Хотя ущерба
Столбу он этим вовсе не нанес.
Он грыз и грыз и громко ржал при этом,
И вот какой-то умник подсказал:
Пошли посмотрим, что у Хьюза в стойле,
Не сгрыз ли ясли, - и, понятно, да,
Изгрыз он ножки у своей кровати
В труху. Да только, я вам доложу,
Хотя он тут же от всего отперся,
При чем тут ворожба? Ведь и лошак,
Жующий сено, не жует заборы,
Тем более - столбы, но все сошлись
На том, что Хьюза погубила ведьма.
Тогда мне было ровно двадцать лет,
А умником, испортившим все дело,
И оказался Артур Эми. Он
Тогда и стал ухаживать за мною.
В мужьях-то он держался молчуном,
Но я не сомневалась: слух о Хьюзе
Мой благоверный сам и распустил.
Я думала: ему скорей по вкусу
Держать меня за ведьму. Или вдруг
Переменился. Захотел исправить

Содеянное. Принялся внушать:
"Нет, с шабаша пока не возвращалась.
Верхом на помело - и след простыл.
Она такое чует - если ветер
Ей весточку принес". Еще любил
Он толковать, что я его заела.
Когда меня видали на метле
Над гребнем гор, в минуту возвращенья,
А люди это видели не раз,
От ближних ожидал он состраданья.
Да, Артур Эми кое-что узнал:
Вдали от дома, от хлебов домашних,
От запахов, привычных и плохих,
Семь лет в пустыне под дождем и снегом...
Но ворожила я ему лишь так,
Как женщина - мужчине, ворожила,
Чтобы его навеки удержать.
В горах деревья ниже, мох пышнее,
Я из-под снега ягоды рвала,
А он глядел, застыв у водопада.
Его учила кой-чему во тьме -
И он был рад, чему его учила.
И если видит он меня сейчас,
То издали не видит, кем я стала,
В каком теперь ничтожестве живу.
Когда б я знала с самого начала
И в полной силе, ждать чего в конце,
Наверное, мне воли не хватило б
Прожить так вольно, как я прожила.
Быть может, да, но кажется: едва ли.

Перевод В. Топорова

ЗАБРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

Надгробий мраморная речь
Зовет на кладбище глухое.
Живых влечет сюда былое,
А мертвых - нечем и завлечь.

На плитах письмена гласят:
"Отсюда нет пути назад.
Ты имена читаешь тут,
Твое назавтра здесь прочтут".

Но не лукавят ли стихи?
Именья здешние тихи.
Нигде усопших не видать.
Чего ж грозиться и пугать?

И разве не было б вернее
Прочесть на камне: "Смерть страшна,
И здесь покончили мы с нею!"
Зачем не лжете, письмена?

Перевод В. Топорова

СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ

Ворона в небо
С ветвей взлетела
И в хлопья снега
Меня одела.

И полегчало
Мне под лавиной -
Не все пропало,
А половина!

Перевод В. Топорова

ВСЕ ЗОЛОТОЕ ЗЫБКО

Новорожденный лист
Не зелен - золотист.
И первыми листами,
Как райскими цветами,
Природа тешит нас;
Но тешит только час.
Ведь, как зари улыбка,
Все золотое зыбко.

Перевод Г. Кружкова

УБЕЖАВШИЙ ЖЕРЕБЕНОК

Однажды, под реющим в воздухе первым снежком,
Нам встретился жеребенок на горном лугу.
"Ты чей?"
Малыш, привстав на дыбки, махал хвостом,
Поставив ногу на изгородь из камней.
Увидя нас, он заржал и пустился стрелой,
По мерзлой земле рассыпая маленький гром,
Смутно мелькнул вдали - и пропал через миг

В сумятице хлопьев, за снежною пеленой.
"Видно, он снега боится. Еще не привык
К зиме. Испугался метели - и наутек.
Если бы даже мать сказала ему:
Что ты! Это такая погода, сынок! -
Он бы и то вряд ли поверил ей.
Где его мать? Малышу нельзя одному".
Вот он опять возникает из серых теней,
Хвост задирая, скачет назад во весь дух,
Снова лезет на изгородь, перепуганный весь,
Встряхиваясь, будто шальных отгоняя мух.
"Кто бы его ни оставил так поздно здесь,
В час, когда есть у каждой твари живой
Крыша своя и кормушка, - нужно сказать,
Чтобы сходили за ним и привели домой".

Перевод Г. Кружкова

В СМЫСЛЕ ПЕНЬЯ

Пока мы не взялись за дело,
Дул ветер, как ему взбредет.
Что было силы и всецело,
В любом краю, из года в год.

А мы взялись за обученье:
Не так задул, не в тех местах,
И слишком шумно - в смысле пенья. -
А в смысле пенья надо так!

Ценя в примерах простоту,

Мы взяли воздуха за щеки
И выдули, погрев во рту,
Его по порциям и в сроки.

По порциям и в сроки. Впредь
Он знал, чего недоставало -
Губ, горла, пауз, - чтоб запеть...
И ветру стало ветра мало.

Перевод В. Топорова

НИ ДАЛЕКО, НИ ГЛУБОКО

Нрав у людей такой:
Им на песке не лень,
К берегу сев спиной,
В море глядеть весь день.
Парусной лодки крыло
Там оживляет вид,
Порою воды стекло
Чайку на миг отразит.

Берег хорош собой
И многообразней стократ,
Но бьет о песок прибой,
И люди в море глядят.
Не видят они далеко,
Не видят они глубоко,
Но хоть и бессилен взгляд,
Они все равно глядят.

Перевод А. Сергеева

ВРАСПЛОХ

И каждый раз, когда порой полночной,
В таинственный и тихий час урочный,
Снег шелестящий, белый снег с небес
Посыплется на голый, черный лес,

Я удивленно, робко озираюсь,
И возвожу глаза, и спотыкаюсь,
Застигнутый врасплох, - как человек,
Который разлучается навек

И со стезей своей, и с белым светом,
Томимый неисполненным обетом
И не свершив начатого труда, -
Как будто бы и не жил никогда.

Но прежний опыт говорит мне смело,
Что царство этой оторопи белой
Пройдет. Пусть, пелена за пеленой,
Скрывая груды опали лесной,

По пояс снега наметут метели, -
Тем звонче квакши запоют в апреле.
И я увижу, как сугроб седой
В овраги схлынет талою водой

И, яркой змейкой по кустам петляя,
Исчезнет. И придет пора иная.
О снеге вспомнишь лишь в березняке,
Да церковку заметя вдалеке.

Перевод Г. Кружкова

К ЗЕМЛЕ

Любви коснуться ртом
Казалось выше сил;
Мне воздух был щитом,
Я с ветром пил

Далекий аромат
Листвы, пыльцы и смол...
Какой там вертоград
В овраге цвел?

Кружилась голова,
Когда жасмин лесной
Кропил мне рукава
Росой ночной.

Я нежностью болел,
Я молод был, пока
Ожог на коже тлел
От лепестка.

Но поостыла кровь,
И притупилась боль;
И я пирую вновь,
Впивая соль

Давно просохших слез;
И горький вкус коры
Мне сладостнее роз
Иной поры.

Когда горит щека,
Исколота травой,
И затекла рука
Под головой,

Мне эта мука всласть,
Хочу к земле корней
Еще плотней припасть,
Еще больней.

Перевод Г. Кружкова

ПРОЩАЙ. ОСТАВАЙСЯ ХОЛОДНЫМ

Сгущается мгла. Расставаться пора.
Фруктовый мой сад, молодая кора,
Фруктовый мой сад под холмом на отшибе -
И снежные волны, и зимние зыби
Тебе предстоит без меня пережить.
О как бы хотел я тебя сторожить
От зайцев, оленей, мышей, куропаток -
От всех, кто до спящего дерева падок!
Но этой зимою ни птиц, ни зверье
От сада ружье не отгонит мое...
Я знаю: ты справишься. Хуже другое:
Порой разгорается солнце зимою,
И хоть ты недаром под северный склон
Посажен и тем от лучей защищен -
Не верь преждевременно теплому свету:
Земля не весною, а ложью согрета;
Растениям больше наносится зла

Не в сорок мороза, а в десять тепла.
Не будь же доверчив к обманам природным...
Но хватит! Прощай. Оставайся холодным!
А я уезжаю на целый сезон.
Вокруг меня будут береза да клен;
Они, по сравненью с тобой, грубоваты,
Им больше подходит топор - не лопата...
Душою, мой сад, я останусь с тобой,
И вместе с тобою в ночи ледяной
Я стану срастаться с земной глубиной,
Твою повторяя судьбу и дорогу.
Все прочее мы предоставили Богу.

Перевод Н. Голя

ДВОЕ ВИДЯТ ДВУХ

Влюбленность и забвенье завели их
Не слишком далеко, но высоко
На холм, поросший лесом. Вечерело.
Им было бы пора остановиться,
Подумать о пути назад, каков бы
Он ни был, этот путь - в камнях, в ухабах,
В размоинах, уже покрытых мраком.
И в этот миг поваленный забор
С колючей проволокой задержал их.
Они остановились. В их глазах
Еще горело некое стремленье,
Которое вело вперед, вперед,
И вот само споткнулось. Перед ними
Лежала ночь, и если бы с откоса

Скатился камешек, он бы скатился
Сам по себе, а не по чьей-то воле.
"Ну вот и все. Спокойной ночи, лес!"
Но нет, не все. На них глядела лань.
Она стояла прямо против них
И не боялась, видимо, приняв их,
Не двигавшихся, за высокий камень
С неясной трещиною посредине.
А камень, даже новый, ненадолго
Бывает интересен, и она
Вздохнула и ушла неторопливо.
"Ну вот и все". Но нет, опять не все.
Неясный звук заставил их остаться.
На них глядел олень. Он был под елкой
За изгородью - прямо против них.
Нет, это не вернувшаяся лань!
Сохатый, беспокойный, он смотрел
И всхрапывал широкими ноздрями,
Как будто спрашивая: "Отчего вы
Не шевельнетесь? Что, не в состоянье?
Вы, верно, только кажетесь живыми?!"
Он так смотрел, что им уже хотелось
Ему навстречу руку протянуть -
И погубить прекрасный миг. Олень
Ушел неторопливо вдоль ограды.
Два видели двоих, и двое двух.
"Ну, это все". Да, это было все.
Зато теперь они чего-то ждали,
Окутанные теплою волной.
Сама земля нежданной благодатью
Влюбленным говорила о любви.

Перевод А. Сергеева

ВСПОМИНАЯ ЗИМОЙ ПТИЦУ, ПЕВШУЮ НА ЗАКАТЕ

День угасал в морозном блеске.
Я шел домой - и в перелеске,
Где стыла голая ветла,
Почудился мне взмах крыла.

Как часто, проходя здесь летом,
Я замирал на месте этом:
Какой-то райский голосок
Звенел мне, нежен и высок.

А ныне все вокруг молчало,
Лишь ветром бурый лист качало.
Два раза обошел я куст,
Но был он безнадежно пуст.

С холма вдали искристо-синей
Я видел, как садился иней
На снег - но он старался зря,
Серебряное серебря.

По небу длинною грядою
Тянулось облако седое,
Пророча тьму и холода.
Мигнула и зажглась звезда.

Перевод Г. Кружкова

ОТТЕПЕЛЬ НА ХОЛМЕ

Неузнаваем снежный скат холма,
Когда миллионы серебристых змеек
Внезапно выскользнут из всех лазеек, -
Такая тут начнется кутерьма!
Нет, это выше моего ума -
Понять, как происходит это чудо;
Как будто солнце сдернуло с земли
Сопревший старый коврик - и оттуда
Сверкающие змейки поползли,
От света удирая врассыпную!
Но если б я решил переловить
Их мокрый выводок или схватить
За юркий хвостик ту или иную
И если б я полез напропалую
В их гущу, в суматоху ярких брызг -
Под дружный птичий гомон, смех и писк, -
Клянусь, все это было бы впустую!

Для этого нужна луна. Точней,
Морозящие чары полнолунья.
Ведь если солнце - главный чародей,
То и луна, конечно же, колдунья.
(И, кстати, заклинательница змей!)
В седьмом часу, когда она всходила,
Загадочно мерцая и блестя,
На склоне суета еще царила.
Но поглядел я три часа спустя:
Вся масса змеек на бегу застыла
В причудливом оцепененье поз,
Повисла перепутанным каскадом.

Луна сквозь ветви голые берез
Их обвораживала цепким взглядом.
Куда девалась быстрота и прыть!
Теперь они во власти чародейки.
Всю ночь она их будет сторожить -
На каждом кончике луча по змейке.
...Вот если бы и мне так ворожить!

Перевод Г. Кружкова

О ДЕРЕВЕ, УПАВШЕМ ПОПЕРЕК ДОРОГИ

(Пусть оно слышит!)

Ствол, рухнувший под натиском метели
На просеку, не то чтобы всерьез
Хотел нам преградить дорогу к цели,
Но лишь по-своему задать вопрос:

Куда вы так спешите спозаранок?
Ему, должно быть, нравится игра:
Заставить нас в сугроб сойти из санок,
Гадая, как тут быть без топора.

А, впрочем, знает он: помехи тщетны,
Мы не свернем - хотя бы нам пришлось,
Чтоб замысел осуществить заветный,
Руками ухватить земную ось

И, развернувшись, устремить планету
Вперед, к еще неведомому свету.

Перевод Г. Кружкова

ВСЯ ПЕВЧАЯ РАТЬ

Весною поваливший снегопад
Затею начал явно невпопад:
Согревшаяся почва поначалу
Лечь пеленою снегу не давала:

Чуть разрастется снежное пятно,
Посмотришь - вмиг растаяло оно,
И лишь в ночи земля мало-помалу
Под рыхлое укрылась покрывало.

Трава и сад признали белый цвет,
Дорога же упорствовала: нет.
С утра могли бы травы и побеги,
Как о надгробье, говорить о снеге,
А ветви сада были через край
Отягчены, как будто урожай
Склонил их долу силой неизбежной -
Но урожай морозный, зимний, снежный.

Дорога же чернела белым днем,
Теплом шагов питаясь, как огнем.
В наш край весною множество певцов
Слетается, летя со всех концов;

Остаться здесь, у нас, в конце концов
Решится мало кто: одни к Гудзону
продолжат путь, а те под перезвоны
на юг вернутся - таковы законы
малиновок, дроздов, скворцов, синиц...
Но поздний снег нарушил планы птиц.

Среди снежинок не летится птице,
На белом поле боязно садиться,
И лишь дорога, лишь она одна
Их не пугает - благо, что черна.
Ненастьем порожденная тревога
Сдружила всех, и стаи на дорогу

Слетелись разом, и по ней потек
Поющих птиц щебечущий поток.
Я шел вперед. Они передо мною
Спеша, теснились пестрою толпою

И звонко щебетали по пути,
В сторонку опасаясь отойти.
Но кое-кто в отчаянном запале
Взлететь решился; лучше б не взлетали!

Как будто оказавшись в тесном зале,
Едва крылами сделав взмах-другой,
Они садились вновь передо мной.
О это стадо, сжатое в загоне!

Кто б объяснил им: надо от погони
Не убегать, а путь избрать иной -
Спасаться у погони за спиной!
Послушное испуганное стадо...
И все-таки - спасибо снегопаду!
Никто иной, как он, сумел собрать
Всю певчую щебечущую рать,
И - пусть в тоске, в отчаянье, в печали -
Но песни жизни все-таки звучали!

Перевод Н. Голя

ИЗ СБОРНИКА "ЗАПАДНАЯ РЕКА"

ЛУЖИ

В лесу прогалы лужами блестят,
А рядышком подснежники дрожат,
У тех и этих век измерен днями:
Цветы сойдут, и блестки талых вод
До капли будут выпиты корнями,
Что возведут темно-зеленый свод.
В набухших почках зреет темень крон,
Неумолим круговорот времен,
Круг замкнут, но покой ему неведом,
Поэтому пускай помедлит лес
Над мокрым стебельком и светлым следом
От снега, что вчера растаял здесь.

Перевод Б. Хлебникова

МЕСЯЦ

Я месяц примеряю к небесам
Над крышею и серебристым вязом,
Как ты, наверно, к темным волосам
Заколку примеряла бы с алмазом.
Я примеряю месяц молодой
То просто так, то в паре со звездой.

Как славно ясный месяц примерять,

Бродить, глядеть и тешиться игрою,
Над рощей укреплять и вновь снимать,
И приносить к ночной воде с собою,
И в пруд бросать, чтоб месяц плыл, качаясь,
И чудеса на свете не кончались.

Перевод Б. Хлебникова

СВЕТЛЯЧКИ

У звезд, что так ясны и высоки,
Есть на земле живые двойники -
Садовые ночные светляки.
Но как бы ни прилежен свет их был,
Да краток век и маловато сил,
Чтоб вторить блеску вечному светил.

Перевод Б. Хлебникова

ОСОБЕННАЯ АТМОСФЕРА

(Надпись на садовой ограде)

На пустыре земля оголена.
А в двух шагах стоит обращена
К ветрам палящим старая стена.
За ней благоуханье и прохлада.

Так создает садовая ограда
Особенную атмосферу сада.

Перевод Б. Хлебникова

ПОСТОЯНСТВО

Да будет сердце постоянно,
Как будто берег океана,
Оставшийся самим собою
Средь вечных перемен прибоя.

Перевод Б. Хлебникова

МИМОЛЕТНОЕ

Как часто из вагонного окна
Я замечал цветы у полотна.

Я замечал, но поезд дальше мчал,
И я цветов почти не различал.

Я вспоминал цветы по именам,
Но был уверен, что остался там

Какой-то удивительный цветок,
Которого припомнить я не мог.

А вдруг цветы, увиденные мной,
Не видел никогда никто иной?

Прозрение лишь тем из нас дано,
Кому недолго видеть суждено.

Перевод Б. Хлебникова

СМИРЕНИЕ

Светило меркнет, близится тот миг,
Когда закат уйдет на дно залива,
Однако ни единый птичий крик
На это не посетует тоскливо,
И как всегда, так и на этот раз,
Безмолвная средь темного безмолвья,
Смежит пичуга веки тусклых глаз
Или, вдали от своего гнездовья
Застигнутая сумраком, она
На ветку прянет, тут же страх забудет
И лишь шепнет тихонько: "Спасена!
И сколько теперь мрака не прибудет,
День все равно наступит и рассудит,
Чему случиться завтра. Будь, что будет!"

Перевод Б. Хлебникова

ОДНАЖДЫ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Обрушивая воды, выл прибой,
За валом вал он приносил с собой,
Вода ревела, бедствия суля,
Каких еще не видела земля.

И тучи застилали небеса,
Свисая, будто космы на глаза.
Вселял надежду берег оттого,
Что подпирал крутой утес его,

А континент поддерживал утес,

Но мрак сгущался и угрозу нес.
Казалось, ночь грядет на сотни лет.
Готовым надо быть к напору бед,

Чтоб верх над нами не взяла вода,
Пред тем как свет погаснет навсегда.

Перевод Н. Лебедевой

ПИЧУГА

Решив прогнать пичугу прочь,
Чью песню было мне невмочь
Из окон слышать без конца,
Я припугнул ее с крыльца.
Все ж, видно, тут во мне вина -
Была та песня недурна.
И вообще закона нет
На песни налагать запрет.

Перевод С. Степанова

ДЕРЕВО В ОКНЕ

Взгляну на дерево в окно
И на ночь опущу фрамугу.
Но отделить нас друг от друга
Ей не дано.

Витая облаком чела
И лепеча о всяком вздоре,

Не ведают деревья горя,
Не помнят зла.

Ах, дерево, злых непогод
Я видел над тобой немало,
И ты свидетелем бывало
Моих невзгод.

Не зря судьба челом к челу
Свела два разные несчастья,
С порывом внешнего ненастья
Сличая внутреннюю мглу.

Перевод Б. Хлебникова

СОЛОМЕННАЯ КРЫША

Зимнею ночью, под ливнем, во тьме,
Злость и обида одни на уме,
Глаз не спускал я со света в окошке -
И не сходил с освещенной дорожки.
Свет был единственной связью для нас -
Но не приду я, пока не погас,
Но не погаснет, пока не приду я, -
Кто же кого обыграл подчистую,
Кто же не выдержит первым борьбу?
Мир был невидим, и в черном гробу,
Дождь замерзал на лету, и могилу
Буря ночная старательно рыла.
Вдруг под рукой, слышу, что-то трещит.
Птичий насест! И соломою крыт!
Хлопанье крыльев, возня... Оказалось,

На зиму несколько птиц задержалось.
Значит, смахнул рукавом ветхий кров,
Значит, закончил работу ветров,
Значит, я птиц распугал, все подворье
Разом порушив. И вмиг мое горе
Стало от этого горько вдвойне -
То, что порушил, не выправить мне:
Птицам теперь не прожить без насеста,
Я же лишил их последнего места,
Где - до рассвета, а то до весны -
Были хоть кое-как, но спасены
(Крылья зимою не больно важны).
Черное, хоть и случайное дело!
В мыслях о нем моя боль ослабела,
В мыслях о них - моя главная боль.
Ведь подсказала пернатая голь:
С нашего домика крышу сорвало,
Тысячелетье любви миновало,
Дождь, что когда-то шумел за окном,
Бродит по комнатам в доме пустом.

Перевод В. Топорова

ЗИМНИЕ КУЩИ

В ольховой роще посреди болот
Зимой, едва немного припечет
И зайцы на снегу замельтешат,
Не райский разве чудится уклад?

Снега не просто землю замели,
Но бытие приподняли с земли,

Пусть на ступень, а все же - к небесам,
И гроздья лета пламенеют там.

А яблоне не люб такой нанос:
Зверь-объедала словно бы подрос.
Он лакомится нежною корой:
Там пир его, докуда снег зимой.

Небесных кущ покой царит и в том,
Что птицам быть не хочется вдвоем -
Поодиночке, без былой возни,
Досматривают почки здесь они.

Мгновенно потемнели небеса.
В таком раю день длится два часа.
Свет только-только вспыхнул - и угас.
Достаточно ли этого для нас?

Перевод В. Топорова

ЗНАКОМСТВО С НОЧЬЮ

Ночь, я с тобой воистину знаком!
Я шел туда, где нету городов, -
Туда под дождь, обратно под дождем.

Вал городской, за ним - угрюмый ров.
Я мимо стража молча проходил,
Не зная, как сказать, кто я таков.

Я замирал, и шум шагов гасил,
И слышал слабый крик издалека

(Хоть там кричали, не жалея сил), -

Но не по мне звучала в нем тоска.
А наверху, в пространстве неземном,
Часы, что отмеряют нам века,

Внушали: Время - над добром и злом.
Ночь, я с тобой воистину знаком!

Перевод В. Топорова

ЗАПАДНАЯ РЕКА

"Где север, Фред?"

"Где север? Да вон там!
Река течет на запад".

"Значит, вот что,
Пусть она будет Западной рекой.
(Так до сих пор ее и называют.)
Течет на запад - вот ведь какова!
Все остальные норовят к востоку -
Там океан. Упрямится она,
Уверенная в собственном упрямстве,
Как я в тебе, а ты во мне. А мы -
А кто мы?.."

"Смельчаки?"

"В каком-то смысле.
Мы оба. Нет, мы трое. Мы с рекой.

Как мы с тобой повенчаны друг с другом,
Так с нею мы повенчаны. Давай
Построим мост через нее! Он будет
Рукою, обнимающей ее.
Смотри, она кивает нам волною!
Она нас слышит!"

"Как ты увлеклась.
Там камень, а поэтому и волны.
(Черным-черна, вода во весь опор
Там ударялась о подводный камень
И в белой пене пятилась назад,
Не обретая, но и не теряя,
Как будто белый птичий пух застлал -
А птица побывала в передряге -
Стремительную тьму речной воды
И черное пятно водоворота
И зарябил на дальнем берегу.)
Там камень, а поэтому и волны.
Так повелось с тех пор, как на земле
Есть реки. Нет, она нам не кивает".

"Кивает! Может, только мне одной. -
Кивает, призывает, зазывает".

"Тебе одной? Но, если ты права
И перед нами царство амазонок,
Мужчина вправе только проводить,
А дальше отправляйся в одиночку.
Река твоя, и кончен разговор".

"Нет, ты не договариваешь что-то".

"Что ж, возвращаясь к спорам о реке:
Смотри, как возвращается теченье
От камня... Ведь вода нас породила,
Вначале были воды, только воды.
И вот мы возвращаемся сюда -
К началу всех начал, к истоку жизни,
К реке, текущей вдаль и вечно вдаль.
Жизнь неподвижна, говорят одни,
Молниеносна, говорят другие,
А жизнь течет по руслу, как река,
Течет печально и неторопливо,
Чтоб пустоту наполнить пустотой.
Течет - и мимо нас, как эти воды,
А все-таки - над нами. И меж нас
Течет она в тоскливые мгновенья.
Над нами и меж нас она течет -
И вместе с нами... Время, сила, пламя,
Любовь и жизнь - и все, что есть, - все в ней.
И даже смерть, с ее вселенским ливнем
Небытия вне правил и преград,
Подвластна жизни, пусть и не покорна,
И возвращает все, что ни возьмет, -
В раскаянье или в благоговенье.
Жизнь вечно переполнена собой -
И, расточив последние запасы,
Тем самым жизнь чему-нибудь дает.
Часы приводим в действие мы жизнью,
А жизнь приводит в действие река,
А реку в действие приводит солнце,
И нечто есть, что движет и его, -
И все стремится к своему истоку:
Против теченья, что уносит нас
И хочет утянуть, плывем к истоку.

В природе подглядели это мы -
И переняли".

"Этими словами
Отмечен нынче день".

"Нет, он отмечен
Твоим открытьем: Западной рекой".

"Отмечен нынче день и тем, и этим".

Перевод В. Топорова

ДЮНЫ

Зеленой, мокрою
Бывает волнаморская.
Нобуройохрою Наднего
встает сухая.

Холмины длинные
Морские ветра нарыли -
Надгробья чинные
Всем тем, кого в бездне скрыли.

Их очертания
Меняются раз за разом, -
По злому манию, -
Так море мутит нам разум.

Оно заботится -
Как выманить нас из дома?

Оно охотится...
Охотимся на него мы!

Перевод В. Топорова

*CANIS MAJOR **

{ Большой пес (лат.).}*

Со блещущим оком
Созвездие Пса
К востоку свершает
Прыжок в небеса.

Сносимый на запад,
Глядишь на восток,
И все-то тебе
Не закончить прыжок.

Я дольняя псина -
Полаю с тобой,
Со Псиной Небесной,
Объятою тьмой.

Перевод С. Степанова

БЛАЖЕННАЯ НОША

Рыбак у цирюльника в кресле. Кругом
Разложены кисточка, бритва, гребенка.
Болтают по-свойски о том и о сем.
Сейчас на приколе стоит плоскодонка.

На якоре - словно ушла на покой.
Завалена по борт охапками лилий, -
Точь-в-точь ровно давеча - свежей треской,
Когда от Георговой банки отплыли.

И, судя по грузу, тот час недалек -
Дождаться бы только погоды хорошей, -
Когда плоскодонка, и в ней рыбачок,
Отправится вновь за блаженною ношей.

Перевод В. Топорова

СЧЕТ ЖИЗНИ

На полпути был родничок.
Вблизи валялся черепок,
Которым возчик черпал воду,
Пока его ждала подвода
И на хозяина уныло
Косилась старая кобыла.
А стоило когда-нибудь
Кобыле тяжело вздохнуть,
Как тот, который воду пил,
Ей непременно говорил:
"Смерть веку нашему ведет
По вздохам, дескать, свой подсчет,
И с новым вздохом каждый раз
Все ближе наш последний час".
Пусть поговорка и права,
Но я бы на ее слова,
Что всуе поминают смерть,

Такой бы наложил зарок,
Чтобы никто их больше впредь
Произнести уже не смог.
Да лучше пусть все сразу прахом
Идет, чем дни считать со страхом.

Перевод Б. Хлебникова

ПОСЛЕДНИЙ ПОКОС

По слухам, на Дальнем лугу
Не станут косить в этот год,
И, может быть, больше никто
Туда никогда не пойдет.
А значит, косы уже там
Не надо бояться цветам.
Бояться ж им надо, чтоб лес,
Заметив просвет, не полез
На бывший покос и его
Не занял. Иначе беда
Цветам угрожает. Они
Зачахнут в холодной тени.
А люди уже не страшны.
Они не вернутся сюда.
Пока же весь луг отдан вам,
Неистовым, диким цветам,
И я вас не по именам -
По сочным и ярким цветам
Запомню теперь навсегда.

Перевод Б. Хлебникова

РОДИНА

На склоне светлом и крутом
Отец себе поставил дом.
Забор вокруг соорудил,
Родник нашел и склон обжил.
Но главной из его затей
Явилась дюжина детей.
Горе была день изо дня
Забавна детская возня.
Гора сама была порой
Скорей ребенком, чем горой.
Теперь, наверное, она
Забыла наши имена.
И вырос темный лес взамен
Тех, кто сошел с ее колен.

Перевод Б. Хлебникова

ДВЕРЬ ВО ТЬМЕ

На ощупь я ночью по дому прошел,
Ловя, как слепой, еле слышные звуки,
Я шел осторожно, но, видимо, руки
Пошире, чем надо, при этом развел,
Не видя, что дверь приоткрыта, впотьмах,
И дверь между рук прямо в лоб мне - шарах! -
Да так, что едва устоял на ногах!
Должно быть, и правда привычная связь
Людей и вещей в наши дни пресеклась.

Перевод Б. Хлебникова

НОША

Пустяк порою выпадет из рук.
Нагнешься подобрать его, и вдруг
Нечаянно упавшему вослед
Вниз полетит еще один предмет,
И поползет тихонько ноша, вся
Из рук твоих рассыпаться грозя,
Поскольку она слишком тяжела
И слишком велика тебе была.
Тогда, прижав ее к своей груди,
Растерянно ты сядешь посреди
Своей дороги, чтоб потом опять
Все подобрать и заново поднять.

Перевод Б. Хлебникова

ЧТО СКАЗАЛИ МОИ ПЯТЬДЕСЯТ

Учитель мой был стар, а я был мал.
В холодной форме огненный металл
Затвердевал. Меня учил старик,
Чтоб у него я прошлое постиг.

Теперь я стар, зато учитель молод.
На переплавку слиток мой расколот.
Учусь у юных. Я теперь у них
Грядущего прилежный ученик.

Перевод Б. Хлебникова

МЕДВЕДЬ

Медведь облапил деревце, и грубо
Прижал к себе, и вишни, словно губы,
Как будто на прощанье целовал...
И ветви в небо отпустив, упал,
Спихнул валун из каменной ограды,
И покатившись вниз, на дно оврага,
Задел колючей проволокой бок,
Оставив на колючках шерсти клок.
Так, вольно двигаясь сквозь лес зеленый,
Медведь гуляет, клеткой не стесненный.
В просторном мире славно жить зверям -
Во всей Вселенной тесно мне и вам.
Мы как медведи в узкой клетке бродим,
Весь день в бессильной ярости проводим,
Не отдыхая, шаркая, стуча,
Зачем-то нерешительно мотая,
Башкою от плеча и до плеча...
Закрыв глаза и морду задирая,
Садимся на фундаментальный зад,
И в небо мутные глаза глядят.
То в звездах роемся, то в микромире,
Надеясь, что пространство станет шире.
Труд безнадежен, но зато упрям.
Ну как еще не надоело нам
В экстазе, вряд ли искреннем, качаться,
То с тем, то с этим греком соглашаться,
Когда нам начинает вдруг казаться,
Что в нем-то мы сумели разобраться...
И все равно, ты хоть броди, хоть стой -
Вид трогательный, жалкий и пустой.

Перевод Василия Бетаки

ЯЙЦО И ПАРОВОЗ

Он с ненавистью рельсу пнул. И вдруг
В ответ послышался далекий стук,
Как будто впрямь - по рельсам лишь ударь,
И оживет на них стальная тварь.
Ему хотелось выломать дубину,
Чтобы свалить железную махину
Иль рельсу выгнуть, чтобы под откос
Сам полетел проклятый паровоз.
Он захотел... да только поздно. Разом
Далекий стук колес сменился лязгом.
Пришлось посторониться. Слава богу,
Не то бы паром обварило ногу.
Громада налетела. В тот же миг
Хаос и грохот заглушили крик,
Проклятья бесполезные. Потом
Вновь воцарилась тишина кругом.
Бедняга же понурился в тоске
И разглядел внезапно на песке
След черепаший - точки и черта:
От ножек след и от ее хвоста.
Он поискал другие отпечатки
И обнаружил черепашью кладку.
Яйцо в гнезде, совсем как у пичуг,
Да не одно, а целых девять штук
Лежат, как девять маленьких торпед,
Для маскировки взяв песочный цвет.
"Теперь попробуй сунься! - крикнул он
Притихшей дали. -Я вооружен.
И новому железному маразму
В глаз запущу вот эту протоплазму!"

Перевод Б. Хлебникова

ИЗ СБОРНИКА "НЕОГЛЯДНАЯ ДАЛЬ"

ПЛОДЫ ГЕСПЕРИД

Ждал Мэттью Хейл, прививший черенок,
Пять долгих лет от яблоньки цветенья.
И вот дождался: за цветком - цветок;
Пыльцу разнес пчелиный хоботок,
Но оказались после опыленья
Три завязи живыми у растенья.

И яблоня оставшиеся три
Ввысь подняла под поцелуй зари,
Потом склонила в тихую прохладу...
Хейл подошел: "А все ли тут, как надо?"
Плодов же - только два, как ни смотри...
Ну, два, так два. К чему таить досаду!

С ним Мэттью младший у ветвей стоит
(Как яблоня - такой же пятилетний):
"Не трогай яблок, - старший говорит, -
Пусть зрелостью они нальются летней.
Я сорт назвал Плодами Гесперид,
Гераклов подвиг чествуя последний".

Спешил ли Хейл в коровник по утрам,
Или в свинарник шел задать кормежку,
Он по дороге подходил к ветвям
И проверял - как поживают там
Два шарика, растущих понемножку,

Питаясь через трубку-плодоножку.

Два яблока. Когда б еще одно...
Глядь - стало наливаться и оно.
Недаром, знать, название дано -
И никакой садовый паразит
Заразою теперь не поразит
Их, названных Плодами Гесперид!

Но приближался осени приход.
Она явилась, люто завывая,
И понял Хейл, что наступил черед,
Подарков от судьбы не ожидая,
Приняться за уборку урожая -
Не то он сам на землю опадет.

Увы! В саду, ветрами оголенном,
Не видит Хейл богатства своего:
Ни трех плодов, ни двух, ни одного!
А было воскресенье. В честь него
Был Хейл одет, как велено каноном
К церковным одеваться перезвонам.

От искреннего горя онемев,
Хейл шляпу снял и, став белее воска,
На шляпе, свой выплескивая гнев,
Сплясал - да так, что вовсе стала плоской,
Воскресного навек лишившись лоска, -
И огляделся, чуть поохладев:

А вдруг увидел кто дикарский пляс?
Писанье вспомнить, кажется, нетрудно.
Там сказано: одумайся, Ахаз,

Кумирам поклоняться - грех для нас!
И поклоненье яблоням подсудно -
Особенно когда оно прилюдно.

Бог видел все, но, сжалившись, помог,
Чтоб остальные пляску не видали,
И грех простил, и даже пары строк
О том не внес в священные скрижали,
А честный Хейл за это дал зарок
Быть сдержаннее в гневе и в печали.

Перевод Н. Голя

ВРЕМЯ ЛИВНЯ

Лей, ливень, не зная лени!
От ливня худшее горе -
Смещенье моих владений
С предгорья поближе к морю.

Нелепо пенять на воду,
Списывающую прытко
Часть нынешнего дохода
В счет будущего убытка.

Да нет, не ущерб, - а просто,
Когда отшумят осадки,
Вся тучная гниль компоста
Осядет в сухом остатке.

В сухом - и куда уж суше! -
Но место избрав иное:

Ведь море предстанет сушей,
А суша станет водою.

Всех дел-то - бреди по свету
В заботах о новой пашне;
Отыщешь ее - и эту
Поднимешь взамен вчерашней,

И лемех в разгаре дела
Столкнется, борозды роя,
С твоей же окаменелой,
Но годной еще сохою.

Жизнь множит повторы, множа
Извивы свои, изгибы,
И тут уж грустить негоже,
А должно сказать спасибо.

Перевод Н. Голя

ПРИДОРОЖНАЯ ЛАВКА

Развалюха с ларьком, пристроенным кое-как,
Зазывает зевак - а где тут найдешь зевак?
Автомобили несутся мимо, да так,
Что и не видят докучной мольбы бедолаг -
Не о хлебе - о мелочи, жалкой наличности,
Не имея которой в наличности
Обратятся в пустыню и город, и лес, и сад.
А машины несутся; никто и не скосит взгляд
На хибару, застывшую рядом с обочиной,
С жалкой вывеской - пыльной, смешной, скособоченной.

А здесь, между прочим, могли бы вам предложить
За бесценок что хочешь и место, где можно пожить,
При желанье развеяться, в маленькой деревеньке.
И если (это ворчливо) у вас есть деньги,
И вы не стремитесь растратить их не на то,
Так чего же несетесь, как будто вас гонит кто?..
А теперь о том, что не было сказано вслух:
Нам не надо сотни монет, нам хватит и двух,
Трех, десяти - и это поднимет наш дух,
Вселит надежду, откроет дорогу к счастью,
И нам станет житься не хуже киношных шлюх,
Чего до сих пор не давала партия власти.

Может, вправду стоит их всех свезти
В специальные села, где им везти
Станет больше; где зданья не так корявы;
Где налево - театр, магазин - направо?
Богатеи помогут им там во всем,
Окружая вместо тяжкой работы
Непрерывной заботой, давая льготы,
А они будут спать непробудным сном,
Хочешь - ночью, а хочешь - днем?

И все же - как жаль, как порой бесконечно жаль
Видеть крах их мечты, подростковую их печаль,
Ощущать их мольбы, безмолвные просьбы о помощи:
Неужели опять ни одна из машин
Не подарит им визг заторможенных шин,
Неужели не хочет шофер ни один
Ни о чем разузнать - хоть о ценах на овощи?

И все же свершилось: одна завернула во двор.
Решив развернуться. По газу - весь разговор!

А вот и другая: из этой спросили дорогу.
Из третьей - нельзя ли бензином разжиться немного?
Нет! (Это ворчливо). Сам, что ли, не видишь? И трогай!

Увы, в захолустье не скопишь - не те масштабы.
А что до поднятья духа, то верится слабо:
Стонут, пеняют, мечтают опять и опять...
Может, и вправду, чтоб эту тоску унять,
Всех их от боли избавить единым махом
Было б честнее? И вздрогнешь в ответ со страхом:
Что как другие решат, справедливость любя,
Махом единым от боли избавить тебя?

Перевод Н. Голя

БЮРОКРАТИЧНО

Мураш, обследуя стол,
На мертвую муху набрел.
В понятии муравьином
Она была исполином.
Но это его не касалось,
И он, задержавшись малость,
Опять заспешил куда-то.
Когда он встретит собрата,
Агента разведуправления,
Что ищет причинность явлений
И место их во вселенной.
О мухе он донесет.
Муравьи - занятный народ.
Увидя вдали от жилья
Убитого муравья,

Нисколько не опечалясь,
Они своему начальству
Спешно несут доклад,
Что погиб такой-то собрат.
А наверх, куда не добраться им,
Доклад идет по инстанциям.
И там объявляют скоренько:
"Кончина Джерри Мак-Кормика.
Почил беззаветный Джерри.
Скорбя о такой потере,
Почести в полной мере
Воздать фуражиру Джерри,
Не жалея казенных денег.
Доставить его в муравейник,
Бальзамировать прах крапивой,
Накрыть лепестком покрасивей -
Таково повеленье царицы".
Теперь пора появиться
Распорядителю черному,
Что для соблюденья декорума
Минуту над мертвым выстаивает,
Берет поперек живота его,
Еще минуту с ним мается
И, взвалив на себя, удаляется.
Толпа же не собирается:
Сие никого не касается.

Вот это весьма прилично
И дьявольски... бюрократично.

Перевод А. Сергеева

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

Мальчишка, щеголяя интеллектом,
Двух обезьянок удивить пытался
Блестящим зажигательным стеклом.
В чем суть его, они не понимали
И не могли бы никогда понять.
Как ты им объяснишь, что это линза
Для собиранья солнечных лучей?
И он им показал ее в работе.
Он сделал солнце точкой на носах
Обеих обезьян поочередно,
И в их глазах проснулось изумленье,
Которое морганьем не прогонишь.
Они стояли, обхватив решетку,
Встревоженные за свою судьбу.
Одна задумчиво коснулась носа
Рукой, как будто силясь что-то вспомнить,
А может, мыслями витая где-то
За миллионы лет от пониманья, -
Ей пальцы больно обожгло лучом.
Известное еще раз подтвердилось
Психологическим экспериментом,
Который исчерпался бы на этом,
Когда бы интеллект не проявлялся
Так долго и так близко от решетки.
Внезапный взмах руки, рывок - и лупа
Уже принадлежала обезьянкам.
Они поспешно отошли в глубь клетки
И занялись исследованьем лупы,
Не приближаясь, впрочем, к сути дела:
Кусали, ждали, что проступит сок,
И, оторвав оправу вместе с ручкой,

Оставили бесплодное занятье.
Зарыв стекло в соломенной подстилке,
Они, гонимые тюремной скукой,
К решетке по привычке подошли,
Самим себе ответив на вопрос:

Не важно, что мы знаем, что не знаем.
Пусть обезьянам непонятна лупа,
Пусть обезьянам солнце непонятно!
Находчивость важнее пониманья.

Перевод А. Сергеева

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В НЕБЕ

Туча сгущалась в ночи штормовой,
Свежестью вея и дождь предвещая.
Есть ли еще над моей головой
Тучей не скрытая мета ночная?

Редкие звезды - и двух не найти,
Чтоб о созвездье по ним догадаться,
Или одной, но надежной. Пути
Не разбирая, я стал продвигаться.

Где я на Небе? Но туча, молчи,
Не открывай мне, рассеясь, просвета.
Я безвозвратно потерян в ночи -
Дай претерпеть мне затерянность эту.

Перевод А. Шараповой

ПРОСТРАНСТВА

Снег с неба - с ночью наперегонки, -
И прошлое как поле у реки:
Как будто все схоронено под снегом,
Лишь кое-где желтеют колоски.

Леса вокруг не ведают утрат.
Животные и люди в норах спят.
За жизнь я зацепиться забываю,
Невольным одиночеством объят.

И это одиночество нейдет
На убыль, а скорей наоборот -
Так сумеречны белые просторы,
Что ничего не знаешь наперед.

Поэтому пугаете напрасно
Тем, что миры безмерны и безгласны
И небеса мертвы. Здесь, за дверьми,
Пространства столь же пусты и ужасны.

Перевод В. Топорова

СРАВНЕНИЕ ЛИСТЬЕВ С ЦВЕТАМИ

Пусть листья дерева добры,
И крепки ствол и слой коры,
Но если корень нездоров -
Не жди цветов, не жди плодов.

А я из тех, кому не надо

Цветов, плодов и ягод сада.
Кора тверда будь, листья гладки -
И значит, дерево в порядке.

Иной колосс лесной цветет
Так мелко, что тоска берет.
Зацвел мой папоротник поздно -
Ползет лишайник тенью грозной.

Цветы иль листья - что милей? -
Весь век пытал я у людей.
С ответом сам спешил помочь я:
Мол, днем цветы, а листья ночью.

Кора и листья, ствол. К нему
Спиною встань и слушай тьму.
Я рвал когда-то лепестки,
Но листья - знак моей тоски.

Перевод В. Топорова

СТУПАЯ ПО ЛИСТЬЯМ

Весь день по листьям я ступал - осенний, непогожий.
Бог знает, сколько их втоптал, вдавил в сырое ложе.
Усталость, ярость или страх вели меня, не знаю.
И прошлогодние сминал, топча, наверняка я.

Все лето были надо мной, манили вышиною.
А завершили путь земной под топчущей пятою.
Все лето в шелесте листвы угрозы трепетали.
И листья пали и меня, пример подав, позвали.

Шептались с беженкой-душой, как
с собственной сестрицей.
Касались век, касались губ, прося не загоститься.
Но, листопад, с тобой не в лад,
я не стремлюсь к побегу.
Снег наметет и в этот год - и я пойду по снегу.

Перевод В. Топорова

ГОРА И ДОЛ

Расщедрись, коротышка,
На добрый камнепад!
Последняя лавина
Была сто лет назад!

Низка твоя вершина,
Широк пологий дол.
И камешка не сбросишь,
Гора, себе в подол.

Но только скажешь это,
Как в крышу - страшный стук,
И в окнах нету стекол,
И всех объял испуг.

Но прежде, чем успели
Схватиться за ключи,
Ударили в округе
Холодные ключи.

И некому смеяться
Над старою горой. -
А ей не жаль вершины,
Чтоб дол расширить свой.

Перевод В. Топорова

ОН ЖЕ - С КАЖДОЮ СТОРОНОЙ

Горе знало: само виной.
Счастье мнило: во мне вопрос.
Он же - с каждою стороной
Соглашался, но не всерьез.

Ведь единственно виноват
В том, что волосы замело,
Нескончаемый снегопад. -
С юных дней так оно пошло.

Но не сразу же стал он сед!
В мрачной темени, в тишине,
Черной ночи кончался цвет,
Уступал снежной белизне...

Горе знало: само виной.
Счастье мнило: во мне вопрос.
Не они, о нет, - вороной
Взяли-выкрали цвет волос.

Перевод В. Топорова

ЛУННЫЙ ЦИРКУЛЬ

Была ночная морось; ливень сник,
Но должен был начаться через миг.
Луна, едва видна во мгле сырой,
Над конусообразною горой
Двойным лучом описывала круг,
Как циркулем. А та, из лунных рук
Выскальзывая, к ним тянулась все ж...
Так в две руки овал лица берешь...

Перевод В. Топорова

НИ В ДАЛЬ, НИ В ГЛУБЬ

Стоим по всей земле,
Повсюду и везде, -
Стоим спиной к земле,
Стоим лицом к воде.
Стоим, глядим туда,
Где не видать ни зги -
Лишь ближние суда
И чаячьи круги.
Здесь пена по камням,
А там по скалам бьет.
Стоим по берегам,
Глядим в бескрайность вод.
Нам в даль не заглянуть
И глуби не познать, -
Но с места не шагнуть
И глаз не оторвать.

Перевод В. Топорова

РАСЧЕТ

Я на цветке увидел паука.
Он мотылька, бугрист и тучен, мял.
Как шелковый лоскут, податлив, мал,
Тот умирал... И смерть (таясь пока)
Вошла уже и в чашечку цветка,
Который - как от порчи - увядал.
Паук, цветок - и смертный миг настал,
И тщетно бьются крылья мотылька.

Тогда к чему же белизна цветка
И синь его? К чему тогда крыло?
Раз высота для паука легка -
И мотылек пропал наверняка,
То на какой расчет пустилось Зло,
Коль есть расчет и там, где все мало.

Перевод В. Топорова

ПТИЦА, ПОЮЩАЯ ВО СНЕ

Вела малютка-птица при луне
Напев неугомонный в полусне.
То ль потому, что он не умолкал
И не с великой высоты звучал,
То ль потому, что тайна облекла
Звучание - и песня б замерла,
Чуть тень чужая в роще оказалась, -
Петь было не так страшно, как казалось,
А может быть, ей попросту везло.
...Нам с вами и на ум бы не пришло,

В цепи рождений и перерождений,
Быть птицей - и платить такою пеней;
Вести напев во сне - и тем скорей
Добычей стать безжалостных зверей.

Перевод В. Топорова

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Я вышел в чудовищный снегопад -
И тень предо мною ложится.
И к небу я поднял глаза, куда
С вопросом вечным глядим всегда -
Про все, что внизу творится.

Не я ли накликал такую тьму?
Но если во мне причина,
То тень моя, черная на снегу,
Отчетливо видная и в пургу, -
Всего лишь двойник мой длинный.

И снова я на небо поглядел -
И все там вдруг стало сине.
И хлопья снега меж ним и мной
Казались узорною пеленой,
И солнце жглось посредине.

Перевод В. Топорова

ТАМ СТРОГАЯ СТРАНА

У очага твердим о холоде снаружи.
Не рухнет ли наш дом под ветром ледяным,
Под выдохом сквозным? Дом дни знавал и хуже.
А дерево? Сейчас стоит оно нагим
И, может быть, вот-вот умрет от здешней стужи.
Здесь Север, говорим, здесь персик не жилец.
А все же что-то в нас - душа иль даже разум -
Противится любым пределам и отказам
И к полюсу ведет (и это не конец)
Надежды и дела. Нас учат, раз за разом
(А все урок не впрок во глубине сердец),
Что меж добром и злом нет четкого раздела, -
Там строгая страна, уклад которой свят...
Вот дерево в окне - спасенье не приспело;
И все-таки обман мы чувствуем, разлад,
Когда на наш росток и вьюга налетела -
Вдобавок к холодам... Стоит он, еле жив.
Померзнет? Выстоит? Ответ придет весною,
И если - гибель, то единственно виною
Наш беспредельный к беспредельности порыв.

Перевод В. Топорова

НА ДЛИННОМ ПОВОДКЕ

Кто-то из вас притерпелся к моим трудам,
А остальные казнить захотят едва ли, -
Ибо я делал не то, что возбранно вам,
Но и не то, чего вы от меня желали.

Да и за что меня было бы истязать -
Разве за то, что я вам предъявил улики -
Против человека, решившего убежать
Из городской и слывущей всевластной клики.

Смейтесь: я просрочил обещанный уход.
Связан я с вами, хотя не прибился к стаду.
Пониманию не обойтись без острот,
Но и мятежа мне приписывать не надо.

Всякий из вас властен вынести мне приговор -
Если природе поручит дела палачьи.
Я завещаю дыханье тебе, простор,
За все издержки плачу, потихоньку плача.

Перевод В. Топорова

МСТИТЕЛИ

О золоте вам рассказать?
В темнице держали царя.
Он золотом всю тюрьму
Заполнил до самых стропил,
Но все это было зря:
Свободы он не купил
Испанцы сказали ему,
Чтоб требовал он от жрецов
Еще и еще собрать
Из храмов, домов, дворцов...
Когда же, в конце концов,
Больше нечего было дать -
Царя испанцы судили

За то, что посмел воевать,
И веревкою удавили.

Но не все и не половинку,
И не треть, а ничтожную долю
Из несметных сокровищ инков
Врагам удалось получить.
Но не знали о том палачи.
Корчился царь от боли,
Но язвительно хохотал он,
И в хохоте этом звучала
Вся злость, вся ненависть ада:
"Пришельцам все еще мало?
Еще им золота надо?
Так пусть в их душах гнездится
Единственная страсть:
Пусть ради каждой крупицы
Каждый из них пропасть
Готов будет хоть в огне!"

И вот уж по всей стране,
Забыв о царе, все люди
Занялись безумной игрой:

Пусть же отныне будет
Все золото вновь под землей:
Исчезнет, врагам назло.
Там, откуда пришло.
(Перуанцы же меж собой
Хвастают до сих пор:
Каждый сосуд золотой,
Любая вещь золотая,
Чей отсвет в земле угас

Вызывает толки и спор
Даже пуговиц не забывая,
О прошлом ведут разговор,
И обрывки доходят до нас...)

Странная месть: ведь вот -
Себя ограбил народ.
Такого никто не знал,
С тех пор как дикий Вестгот
Светильники Рима забрал.

Один из вождей врагам
Под пыткой сказал, чуть живой:
"То, что так нужно вам,
Здесь, в озере под водой!"
Стали испанцы искать,
А заводь была глубока.
Ныряли опять и опять...
"Ныряйте, - сказал он, - пока
Вы все не останетесь там!"
Так он сказал врагам.
И вся толпа палачей
Алчно, жестоко, упрямо
Искала в домах и храмах,
Охотилась на людей...
Высунув языки,
Добрались аж до Бразилии.
Но дети ли, старики,
Молчали, как ни грозили им.
Побежденные кроткими стали,
Тайно радовались потере.
В злобной радости умирали.
Лишь один человек в стране

Знал о главном: что в глубине
В одной родовой пещере
Под мусором и золой
Под расколотыми костями
Жертвенных людей и зверей
Лежит золотой змеей
Цепь многотонная в яме.
Да, каждое звено
Сотни унций весит одно!
Ее-то враги и искали:
Зная, что между столбами
Перед дворцом, рядами,
Натянута, как струна,
Дворцовыми воротами
Когда-то служила она.
Исчезла цепь золотая.
Куда? Разве кто-нибудь знает?
Одни говорили - в море,
Другие, что где-то в горах,
А кто-то доказывал, споря,
Что видел, как мерно шагая,
Жрец солнца вел воинов смелых,
Уносивших цепь на плечах,
И звенья, в пыли сверкая,
По следу отряда ползли...
Но что нам до сказок за дело?
Ведь золото и в пыли,
И в грязной зловонной яме
Сверкает, как чистое пламя!

"Грабители алчные, вам
Проклятье на все времена!
Ненависть та страшна,

Которой известно, что же
Безумно нужно врагам;
Ценность оно, или нет,
Но надо его уничтожить,
Чтобы исчез и след!
Пусть же их убивает
Алчность неутоленная,
Мечта неосуществленная
Дыхание их прервет,
Погоня за призраком темным
С реальностью их столкнет!"

Перевод Василия Бетаки

ГОНЕЦ, ПРИНОСЯЩИЙ ГОРЕ

Гонец, приносящий горе,
В дороге, на полпути,
Вдруг вспомнил о том, что горе
Гонцу не корысть нести.
Пред ним две тропы лежали:
Одна во дворец вела,
Другая - в глухие горы,
Где мир застилает мгла.
И выбрал он ту, что в горы,
И он миновал Кашмир,
И он устремился дальше,
И прибыл в страну Памир.
И здесь, на лугу над бездной,
Он девицу повстречал -
И та повела с собою
(Не то б до сих пор бежал).

Она ему рассказала
Преданье своей родни:
Как в Персию из Китая
Царевну везли они.
И та родила младенца,
Спеша в страну жениха,
И пусть был отцом Всевышний,
И не было в том греха,
А все же они решили,
Что в Персии их не ждут,
И вряд ли в Китае примут,
И обосновались тут.
Царем их стал сын царевны;
Династия началась,
Божественное начало
Ее укрепило власть.
Впоследствии в Гималаях
Царю был воздвигнут храм.
Гонец, приносящий горе,
Решил здесь остаться сам.
Ведь судьбы их были схожи:
У горцев и у гонца
Угасло в пути желанье
Проделать путь до конца.
А что касается горя,
Не стоит таких хлопот -
Докладывать Валтасару
О том, что уже грядет.

Перевод В. Топорова

ИЗ СБОРНИКА "ДЕРЕВО-СВИДЕТЕЛЬ"

БУК

Средь леса, в настоящей глухомани,
Где, под прямым углом свернув к поляне,
Пунктир воображаемый прошел,
Над грудою камней игла стальная
Водружена, и бук, растущий с краю,
Глубокой раной, врезанною в ствол,
Отмечен тут, как Дерево-свидетель, -
Напоминать, докуда я владетель,
Где мне граница определена.
Так истина встает ориентиром
Над бездной хаоса, над целым миром
Сомнений, не исчерпанных до дна.

Перевод Г. Кружкова

ШЕЛКОВЫЙ ШАТЕР

Она казалась шелковым шатром
В полдневный час, укоротивший тени.
Шелк шелестел под легким ветерком,
Раскинутый без связок и креплений;
Шатер слегка дрожал, - дрожал дыша,
И шест - его центральная опора,
К созвездьям устремленная душа -
Держался на основе, о которой

Мы скажем: нити мысли и любви,
Связующие все со всем на свете,
Что только ни представь, ни назови...
И, если напряглись бы нити эти,
То, кажется, невидимая связь
Воочию в глазах отозвалась.

Перевод Н. Голя

ЧЕМ СЧАСТЬЕ КОРОЧЕ, ТЕМ ЯРЧЕ

То ветер штормовой
Гудит над головой,
То саваном туман
Ложится средь полян -
И так почти всегда.
Но отчего ж тогда
Душа моя светла
От яркого тепла?
Всего один из дней
На памяти моей
Был ясен и лучист,
И безраздельно чист.
Хватило одного -
Чудесного, того,
Когда пришел рассвет,
Нежней которых нет,
И наступил закат -
Еще нежней стократ.
Я видел в этот день
Всего одну лишь тень,
Но тень из двух теней:

Моя сплелась с твоей.
Там были лес и дом,
Там были мы вдвоем.

Перевод Н. Голя

ВОЙДИ!

Я с опушки дрозда услыхал -
Как он в роще там свищет!
Еще сумерки тут, а в лесу
Уж давно темнотища.

И не то чтобы песенку петь -
В этой сумрачной толще
Он и ветку сыскал бы едва
Для ночлега потолще.

Видно, красного солнца лучи,
Что скатилось за ели,
Песнью послезакатной в груди
У дрозда еще тлели.

За колонны стоячие тьмы
Стала песнь удаляться
И как будто войти позвала
В эту тьму и остаться.

Только нет! В эту тьму из-под звезд
Я шагнул бы едва ли,
Даже если б позвали меня.
Но меня не позвали.

Перевод С. Степанова

Я ЧТО УГОДНО ВРЕМЕНИ ОТДАМ

Для времени сравнять снега вершин
С равниною - не подвиг, а забава.
Столетья для него - что миг один.
Оно не тщится мимолетной славы,
Исполнясь созерцательных глубин.

Там, где земля стояла, как оплот,
Пошла волна плясать со смехом пенным.
А Время - ни всплакнет и ни вздохнет...
Такой подход к глобальным переменам
Мне, в целом, близок. Это мой подход.

Я что угодно времени отдам,
Дойдя до окончательной границы.
Пусть забирает ежедневный хлам,
Но собранное в жизни по крупице
Останется со мной и здесь и там.

Перевод Н. Голя

CARPE DIEM

На юных смотрит Старость -
А те идут в обнимку,
Не то домой, в деревню,
Не то резвиться в рощу,
Не то венчаться в церковь.
И Юности прошедшей
Желает Старость счастья:
"Желаю счастья, счастья,

Желаю вам не думать
О том, что все минует.
Хоть подобает старым
Осанистая поза
И трезвые советы,
Порой - и в виде песни,
Чтоб образумить юных
И указать пределы
Отмеренному счастью, -
Живем, мол, лишь сегодня, -
Но вовсе не сегодня
Живем: скорее - завтра,
А в еще большей мере -
Вчера... Живем сегодня
Сиюминутным чувством,
Сегодняшним смятеньем, -
Чтоб петь о них назавтра".

Перевод В. Топорова

ВЕТЕР И ДОЖДЬ

1

Листва летучая тогда
Провозвещала холода.
Осенний ветер обвывал
Лесов упадок и развал,
И с тихой песней в этот час
Навстречу Смерти я ступал.
В опавших листьях шаг мой вяз,
Но я по-прежнему спешил.

Я пел о смерти - и не знал,
Что умираем тыщу раз,
Покуда не грядет финал.
Понять бы сразу, что во всем,
О чем мы в юности поем,
Слышны пророчества могил!
Но разве было бы честней
Забыть ту половину дней,
Что злом была, а не добром?
Хоть все, о чем поем, юны -
И лишь предчувствия полны, -
Всегда сбывается потом.

2

Цветы в сухой долине
Противятся цвести -
И если подвернутся на пути
Растаявшей потоками лавине,
Чего-то нет по-прежнему в картине.
Должны б воспрянуть - но наоборот -
Поникли под стремительным напором
И стебли закрутил водоворот.
Когда б стал океан одною тучей,
И туча, проплывая по просторам,
Зависла над пустынею зыбучей
И на цветок единый пролилась
Сплошным потопом ливней разъяренных
(Под ливнями - кто вспомнит о бутонах?), -
Чем пуще ливень, тем прочнее связь
Цветка со мной, тем больше сходен случай.

Корням и листьям скоро хватит влаги,

Но, ливни, лейтесь, бойтесь о чело -
Чтобы ни капли не было во фляге.

Не все расскажешь, что произошло.

Дождь жжет снаружи, как вино - внутри.
На коже, дождь, как тайный зной, гори!
Я тот, кому под крышей не жилось,
Когда с небес лилось.

Но в сумерках - в угодную мне пору -
Бродил я с непокрытой головой.
Дождь был слезой, удочеренной мной,
И только ввысь стремились взоры.

Перевод В. Топорова

ЕДВА ЛИ НЕ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Во всей вселенной, думал, одинок,
Он говорил, взывал - а отвечал
Насмешливого эха голосок
С одетых лесом заозерных скал.
И стало как-то раз ему невмочь
И закричал на весь безлюдный свет,
Что не повтор - пусть и звучит точь-в-точь -
Словам любви потребен, а ответ.
И вот что в тот же миг произошло:
С далеких скал донесся резкий треск,
И что-то в воду пало тяжело,
И по воде прошел протяжный плеск.
Он расстоянье вымерил на глаз

И начал ждать, когда же приплывет
То, что не эхом было в этот раз.
Вихрь пены, водопад, водоворот
Мешал увидеть, кто в воде встает,
Уже почуяв дно внизу, - пока
Зверь не рванулся на берег, вперед,
Круша рогами ветки сушняка.

Перевод В. Топорова

ЖЕЛАНИЕ ВЕРНУТЬСЯ

Стало темно и пора повернуть домой.
Но никакого дома не видно нигде в метели.
Тьма вырастает навстречу ему ледяной стеной,
Перешибая дыханье, как жаркая тьма в постели.

Тяжкие руки снега опрокидывают его,
Утлое тело с размаху впечатав в наледь.
Но ни на шаг, вновь поднявшись, не сбиться
с пути своего
Он не намерен, идя наугад и на память.

Если и вправду он хочет дойти, то дойдет. -
Так, подменив по дороге начальную
цель предприятья,
Что и у самого входа с трудом только вспомнит,
где вход,
А те, что ждали, оставят такое занятье.

Перевод В. Топорова

КАК ТУЧКА

Зыбь отыскала мою тетрадь
И принялась, шелестя, листать.
"Где, - зашептала, - стихи о весне?"
Нет, отвечал я, весна не по мне.

Мне, отвечал я, безвестна весна.
Зыбь замолчала, презренья полна,
И ускользнула, как тучка, пока
Не овладела и ею тоска.

Перевод В. Топорова

ОТКРЫТИЕ МАДЕЙРСКИХ ОСТРОВОВ

Беглянку на борт ночью взяли!
Сама бежала - иль украли
Силком, а то - из-под венца, -
О том ни слуха, ни словца,
И прочерк в судовом журнале...
Корабль томился на причале,
Она, бессильной и слепой,
Томилась собственной судьбой,
Покинув прежнюю обитель.
И торопливый похититель
По доскам, сброшенным впотьмах,
Пронес добычу на руках.
То, как она к нему прижалась,
Скорее сговором казалось,
Чем похищением... Закон,
Семья, подруги, Альбион -

Остались позади! Темнело
Пред ней пространство без предела.

Путь каравеллы был непрям:
Ее крутило по волнам,
Несло, как щепку, в непогоду.
То зарывалась носом в воду,
А то ныряла вдруг кормой,
Пока пиратов сброд лихой
Не принимался вслух молиться,
Клянясь к паломникам прибиться.
Но прояснялись небеса,
И поднимались паруса,
И обещанья забывали,
Как будто ввек их не давали.

Такие бури не для дам -
И ждал бы даму стыд и срам
И смерть в утробе океана,
Но непреклонность капитана
Мешала козням матросни.
И вот прошли дурные дни,
И вышла вместе с ненаглядным;
Впились друг в дружку взором жадным,
Покачивают головой -
И дела нет ни до кого.
Он вопрошал: зачем бежали,
Но вопрошанья обижали,
Решал бы лучше за двоих.
Иль голос крови в нем затих?
Но он не знал, она не знала,
Не то бы, может, подсказала.
"Скажи мне". - "Сам скажи сначала".

Бывало, жалкой и несчастной
(С улыбкою, на все согласной)
Он оставлял ее одну
И капитану-хвастуну
Внимал - он от него зависел.
А тот, не помня мест и чисел,
Рассказывал, как вез рабов
И в их толпе - двоих влюбленных,
Не замечающих оков
И глаз сторонних... Вдруг - чума,
И тот, влюбленный без ума,
Был первым в списке зачумленных.
"Заразный - значит, за борт!" - Вот
Какой исход больного ждет. -
"Не то мы все тут околеем!"
Ну, а влюбленная? Она -
Пантера, львица, сатана -
Решила помешать злодеям.
Вдруг кто-то крикнул: "А раз так,
Не обвенчать ли бедолаг?
Ведь обезумела девица.
В воде хороним мы давно,
Но если вздумали жениться,
Пускай вдвоем идут на дно!
Пускай не свадьба, не поминки -
А кое-что посерединке.
К тому ж она наверняка
И заразилась от дружка!"
Лицом к лицу, с нагим нагую,
Пенькой скрутили их втугую. -
Насильно близость не мила
И рушит пары без числа,
Но эту - смерть не разлучила:

Впились друг в дружку что есть силы,
Никто кольца не разомкнул. -
И с палубы упали вместе -
Жених, прикрученный к невесте, -
Спеша на пиршество акул.

Когда, все новости в округе
Узнав, - воротишься к подруге,
Их пересказывая ей,
Опустишь вести посквернней.
"Что ты услышал от пирата?
Он хохотал как бесноватый.
Сам говорил, сам хохотал.
А ты терялся и молчал.
Наверно, пакостное что-то.
Не повторяй, раз неохота".
И вдруг он, осерчав на миг,
Все выложил ей напрямик.
"Нет! я не верю! я не верю!
Не может быть! Какие звери!"
Ни улететь, ни убежать...
Единственной самозащитой
Казалось - прекратить дышать.
Над нею, заживо убитой,
Душа, уже отделена,
Витала... Вот всему цена!

Страх и ему закрался в душу.
"Скорей нас высади на сушу, -
Он капитану говорил, -
Она совсем лишилась сил".
Пред ними остров без названья.

Во исполненье пожеланья
Высаживают их и ждут,
Не лучше ли ей станет тут, -
И прочь уходят пред рассветом.
Он ей не смел сказать об этом -
Ей, непонятно отчего,
Бежавшей даже от него.
Их жертвы, их любовь - все прахом.
И умерла, убита страхом.

Наедине с собою, он
Переплетенье двух имен
На камне высек - но закон
Едва ли счел бы это браком, -
Плющом увил его и маком,
Затем из бревен сделал плот
И выплыл в море, на восход, -
И, обойденный ураганом,
Все ж в плен попался мавританам.
Но мавритане в добрый час
Поверили в его рассказ
И, чтя британскую корону,
Домой вернули ветрогона.
На карту остров нанесли,
А ту лагуну нарекли,
Где умерла его подруга,
В честь - как всегда, все спутав, - друга.
На этом свете не поймешь,
Что лучше - правда или ложь.

Перевод В. Топорова

ЮНОМУ ЛЕСОРУБУ

(Беотийское)

Ты запросто топор отцовский взял
(А мог схватить ружье, была б охота);
Ты ель мою обрушил наповал,
И в перелеске завершив работу,
Теперь домой волочишь по проселку
Пахучую трепещущую елку...

Спасая эту, я бы одарил
Тебя другой, не менее зеленой.
Но знаю: ель, которую срубил,
Тебе куда милей любой дареной:
Она - твоя, а та была б ничьей
Подставкой для рождественских свечей.

Твой праздник против леса моего...
Пусть даже кто-то пал на поле боя,
Но здесь не зло с добром, а Рождество
Вступило в вечный спор с самим собою -
Вот так же управляет бог войны
Войсками той и этой стороны.

Ждут елку мишура и канитель.
Но пленница не вскрикнет, негодуя.
Небесных звезд моя лишилась ель -
Взамен же обретет звезду иную,
И пусть она, горя в твоем окне,
Звездою Вифлеемской светит мне.

Перевод Н. Голя

АКТУАЛЬНЫЙ УРОК

Пускай наш мир (не лучший из миров)
И вправду так уж мерзок и суров,
Как это слышно от высоколобых
(С почтеньем говорю о сих особах),
Его - и нас - проклясть я не готов.
Чтоб даром не мозолить ягодицы,
Уж лучше вспять перелистну страницы
И обращусь к певцам других эпох,
Чей век бесспорно был суров и плох,
И все же жизнь они воспринимали
Как данность, не заглядывая в дали,
И веку не ко времени придясь -
И потому не выйдя в ранг известный,
Свою Диону воспевали честно
И рифмами вычерчивали вязь
На варварской латыни: то есть связь
Тянули к нам, тащили тяжкий груз -
*И ver aspergit terrav floribus! **
{ Весна осыпает землю цветами (лат.).}*

Мой академик! Надо ли о том
Нам говорить, что не был ты шутом
Ни Карлу, ни кому-нибудь другому?
О да, ты был неравен сам себе -
Но был ли шанс иной в твоей судьбе?
Ты тлел в тумане царственного дома,
А вспыхнул бы - так и сгорел в борьбе.
Ты был, как говорится, не Вергилий.
Но ты-то был - Вергилий гнил в могиле.
Ответь, как педагогу педагог:
Ты мог судить свой век? Никак не мог -

Мы про свои века так мало знаем!
Но нынче много есть у нас писак,
Твердящих, будто знают что да как,
А мир неисправим и невменяем,
И потому проститься должен им
Невнятный слог - но мы не извиняем:
Он невменяем и неисправим.
Они вопят, что социальный строй
Им не подходит. Ну, а мы с тобой
Смогли бы статистическую жвачку
Сживать и съесть? Да мы бы впали в спячку!
От этой необъятной пустоты
Тебе и мне свело бы спазмом рты.

Никто не может дать оценку дням,
В которых сам живет. Придется нам
Гипотезу принять за постулат:
Мир нам враждебен. Принято, собрат.
Полезен диспут при таком подходе,
Когда тысячелетье на исходе.
Теперь должно быть нами решено,
Чей век гнусней, чей краше (пусть равно
Одно другому - иль, по крайней мере,
Тут важен лишь оценочный критерий).
Начни-ка ты... С Адамовых времен
Есть грязь повсюду - уж таков закон:
Грязны и перемирия и войны
(что nota bene на полях достойно),
А если речь о вере, - и она
Повсюду на костях утверждена...
Да, это верно. И добавь: поэт
То Арлекином, то Пьеро одет
И, как незрячий, мечется по сцене

(Что на полях достойно nota bene).
Опять согласен. Но отличье есть
Меж двух веков, сразившихся за честь
Дать худший образ на своем примере
(Или отличий нет, а есть критерий).
Так вот: наш мир пространством искажен -
Став беспредельным, стал ничтожным он,
Мы в бесконечность провалились скопом -
Микробы под ничейным микроскопом...
Где ж разница? Тут сходство наших дней:
Вы тоже были скопищем червей
И также содрогались мелкой дрожью,
Но микроскопом было око Божье.
Бог или бесконечность - речь вести
Тут должно лишь о том, как подойти
К интерпретации терминологий.
И схимника, и химика мрачат
Одни мученья: для чего зачат
И для чего его в земной дороге
Мучения преследуют столь многи?
На этом аргументе - пусть печальном -
Сошлись подход научный с клерикальным.

Твой Палатинский класс. Журнал придвинув,
Ты говоришь: "А не могли бы вы
Произнести латинское "увы"?"
Нет, это слово не для паладинов.
За парты сели истинные львы!
Пока ты учишь рыцарей склонять
Горациевы строгие глаголы,
Ученики не могут не склонять
Свой разум к теме хоть и невеселой,
Но христианской: всех гнетут грехи,

А смерть всегда, как ни крутите - вскоре...
Стихи молитвы - все-таки стихи:
*Что pater noster, что memento mori *.*
{ Помни о смерти (лат.).}*
Земная наша скорбная юдоль -
Не для спасенья в высшем смысле слова.
Ах, кабы под чиновничий контроль
Его поставить, заложить основу
Спасенья в государственном порядке -
Тогда бы сразу стало все в порядке!
Но эта цель (ее готов воспеть я) -
Для следующего тысячелетья.

Все это, в общем, мысли на предмет
Понятий общих, чуждые реалий.
Что человек? Ничто - или предмет
Господних умилений и печалей.
Философ шел путем универсалий
И абсолютных истин видел свет -
А в них, как годы жизни показали,
Ни истины, ни абсолюта нет.
У кролика в цилиндре свой секрет.

Да, век от века трудноотличим.
Как хочешь возрази словам моим -
Я буду прав: ловя тебя на слове,
Я, как ты видишь, сам себя ловлю.
Век с веком схож. Нигде ничто не внове.
Изволь сказать об этом королю.
Накал огня повсюду слишком мал.
Да, ты - аристократ, я - либерал
(Ты раньше слова этого не знал) -
А это значит, что, любви взыскуя,

Я принимаю сторону любую
В любых дебатах, и к твоей руке
Я прикасаюсь в нашем далеке
И говорю: "Твои стихи люблю я".

Средь них и "Эпитафию". Однажды
На кладбище зашел я просто так:
Из лейки поливал один чудак
Семейный холмик - словно там от жажды
Страдал какой-то родственный костяк.
Меня же больше волновали даты:
Рожден тогда-то - погребен тогда-то.
О Боже, как велик диапазон!
Тот прожил сотню лет без остановки,
Тот - три часа, не приподняв головки,
И все ушли в один и тот же сон.
Мы все чего-то ждем, хотим чего-то.
Прогресс, наука, равенство, работа
Нас занимают. Но одна черта
Меж датами двумя черту подводит
Под этим всем - и больше ни черта!
Так что же с нами всеми происходит?
Какая чушь! Бессмысленный распад!
Собой земную умножая массу,
Уходят в прах народности и расы,
И если кто-то плачет невпопад -
То я не плачу. Не изменишь плачем
Тот факт, что все мы ничего не значим,
Все постепенно отойдем во тьму,
Что страсть, надежда, слава и богатство
Уйдут гуськом в кладбищенское братство -
В компанию к таланту и уму.
Бог создал мир и, возлюбив его,

Себя благословляет самого.

Я помню, ты писал: "Memento mori"...
И я окончу путь в житейском море.
Когда же смерть повалит наповал,
Пусть люди выбьют на моем надгробье
Твоей могильной надписи подобье:
"Он с жизнью, как с любовницей, порвал".

Перевод Н. Голя

НЕОБЫЧНАЯ КРАПИНКА
(Микроскопическое)

Я б эту крапинку и не заметил,
Не будь бумажный лист так ярко светел;
Она ползла куда-то поперек
Еще местами не просохших строк.
Уж я перо занес без размышленья -
Пресечь загадочное шевеленье,
Но, приглядевшись, понял: предо мной -
Не просто крохотная шелушинка,
Колеблемая выдохом пушинка,
Нет, эта крапинка была живой!
Она помедлила настороженно,
Вильнула - и пустилась наутек;
На берегу чернильного затона
Понюхала - иль отпила глоток -
И опрометью бросилась обратно,
Дрожа от ужаса. Невероятно,
Но факт: ей не хотелось умирать,
Как всякому из мыслящих созданий;

Она бежала, падала, ползла
И, наконец, безвольно замерла
И съежилась, готовая принять
Любую участь от всесильной длани.
Я не могу (признаюсь честно в том)
Любить напропалую, без изъятий,
Как нынче модно, "наших меньших братьев".
Но эта кроха под моим пером! -
Рука не поднялась ее обидеть.
Да и за что бедняжку ненавидеть?
Я сам разумен и ценю весьма
Любое проявление ума.
О, я готов облобызать страницу,
Найдя на ней разумную крупицу!

Перевод Г. Кружкова

БЛУЖДАЮЩАЯ ГОРА

(Астрономическое)

Быть может, эту ночь проспали вы;
Но если бодрствовали (как волхвы),
То видели, наверно, ливень звездный -
Летящий блеск, таинственный и грозный?
То - Леониды, метеорный град;
Так небеса, разбушевавшись, мстят
Мятежникам, что свет свой сотворили,
Как вызов Ночи - темной древней силе.
Все эти вспышки - холостой салют,
Они лишь пеплом до земли дойдут -
Столь мелким, что и в утренней росинке
Не сыщешь ни единой порошинки.

И все же в этом знаменье сокрыт
Намек на то, что есть шальной болид,
Гора, что в нас пращою балеарской
Нацелена со злобою дикарской;
И эту гору беспощадный Мрак
От нас покуда прячет в Зодиак
И хладнокровно, как перед мишенью,
Лишь выжидает верного мгновенья,
Когда ее сподручней в нас метнуть -
Чтоб мы не увернулись как-нибудь.

Перевод Г. Кружкова

В СТИХОТВОРЕНИИ

Беспечно ходит речь, что ходит в строчку,
Банальной рифмой походя играет
И столь же верно ногу подбирает,
Сколь неизменно попадает в точку.

Перевод С. Степанова

БРАКОНЬЕРСТВО

Забора я не городил,
Угодье было эфемерным.
Но каждый, кто сюда входил,
Оказывался браконьером.

В моих лесах, в моих полях,
В моих запрудах промышляли

С беспечностью ночных гуляк -
И мне покоя не давали.

То рыли что-то под стеной,
То находили трилобиты -
И открывали то, что мной
Уже единожды открыто.

Я не жалею ничего
И не хочу впадать в серьезность,
Но беспризорность моего -
Не обязательно бесхозность.

И все ж любой, кто в дверь стучал,
На время выйдя из чащобы. -
Болтал о чем-то, что-то врал, -
И чье здесь все, мы знали оба.

Перевод В. Топорова

ИЗ СБОРНИКА "ТАВОЛГА"

ОТСТУПЛЕНИЕ НА ШАГ

Не только груды гравия
Тревога в путь отправила,
Но реки грязи, чавкая,
Сносили камни тяжкие,
Крошилось побережье
И гибло в тьме кромешной.
Трещали горы, сблизясь.
Я знал, в мои воззренья
Всеобщий вторгся кризис.
Но, отступив на шаг,
Я спасся от смятенья.
Пронесся мимо мрак.
Затихли дождь и ветер,
И снова полдень светел.

Перевод А. Сергеева

ПИСЬМО БЕЗ МАРКИ В НАШЕМ ДЕРЕВЕНСКОМ ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ

Вы встали - лаял пес в ночи.
Я видел огонек свечи.
Воров не бойтесь вы в запарке -
То вам свое письмо без марки
В почтовый ящик сунул я,

Забредший в здешние края.
Стоянка на лугу моя.
Там ваши елки невелики
Остры, как карточные пики.
Такая стройность в их рядах,
Как на аллеях в городах.
Но спать улегся я не в ельник,
А под разлапый можжевельник,
Который вместо одеял
И укрывал, и согревал.
Меж лап мои взирали очи
На звездный лик вселенской ночи,
И вот часа, наверно, в два
Какой-то камень, что трава
Скрывала прежде, в бок мне впился.
Но все же я не шевелился,
Боясь, чтоб прочь не утекло
Мое блаженное тепло.
И тут узрел я над собою,
Как яркой вспышкой световою
Слились внезапно две звезды,
Чертя по небу борозды.
И я, астролог ваш бродячий,
Подхваченный волной горячей
Движения небесных тел,
В себе такое же узрел:
Две мысли, что в мозгу засели,
Раздельно жившие доселе,
Тревожа подсознанья дно,
Соединились вдруг в одно,
И стало до смешного ясно
То, что так мучало ужасно.
Не гневайтесь, хозяин мой,

Мол, гость ваш занят похвальбой.
Возможно, вы тот знак видали,
В небесные вперяясь дали,
Хоть стекла грязные у вас.
На то у каждого свой глаз.
Вы сами тоже ведь с усами.
Бывало всякое и с вами
И всякое видали вы,
Не поднимая головы,
А в поле или средь травы,
В трудах от света и до света.
И я, учитывая это,
In forma pauperis - sic! -
Пишу вам, как писать привык.

Перевод С. Степанова

ПЕРВОБЫТНОМУ

Два факела над смертью ты зажег.
Один из них твой сын, другой - божок.
Не знаю, как назвать тебя, дружок.

Обоих экспедиция нашла -
Один на дне (река давно ушла),
Другой в пещере, где кругом зола.

Подобное свиданье двух эпох
Подобно нападению врасплох -
Во тьме внезапно вспыхнувший сполох.

Датировать легко по глубине,

Легко и ужасаться старине,
Хоть мы от зверств отнюдь не в стороне.

Божок разбит, сын горсткой стал костей, -
Она чуть позатейливей твоей, -
Не потому ли мы растим детей?

Как догадаться: оправдает стих
Отмеренное мне от сих до сих -
Или костей достаточно одних?

Перевод В. Топорова

ПЯТЬ НОКТЮРНОВ

1. НОЧНОЙ СВЕТ

Всю ночь у ложа своего
Она жгла лампу для того,
Чтоб, хоть при свете сон и плох,
Берег ее Всевышний Бог.
Она от тьмы спасалась так.
Но днем и ночью этот мрак
Со мной, и так темно в груди
Знать, что темнее - впереди.

2. СЛУЧИСЬ ЧТО-НИБУДЬ

В горах, где я знаю, дороги нет,
В месте немыслимом, под самой кручей,

Увидел я фар слепящий свет,
Что тьме кромешной как бы в ответ
Катился по склону звездой падучей.
Этот чуждый свет был изрядно далек,
Во мраке явленный мне воочью, -
Но понял я, что не так одинок,
Хоть тот человек мне б ничем не помог,
Случись что-нибудь со мной этой ночью.

3. БРАВАДА

На звезды я, гуляя, не взглянул,
Хоть звезды с неба падают, вестимо,
При всем при том - не всякая чтоб мимо.
Я рисковал, о да! - Но я рискнул.

4. ПРОВЕРЯЯ, ЧТО ИМЕННО СЛУЧИЛОСЬ

Не пыльная работа -
За звездами охота,
А если точней - наблюденье
И запись об их паденье.

Положим, одна упала,
Но просто отметить - мало.
Я должен сказать, однако,
Какого она Зодиака.

Спешка будет напрасной -
Ведь новость выйдет ужасной
О невосполнимом уроне
В Кресте или в Короне.

Чтоб определить потерю,
Я звезды по списку проверю,
И надобно время на это -
Подчас вожусь до рассвета.

5. ДОЛГОЙ НОЧЬЮ

На двоих построить нужно
Снежный домик в той земле,
Где трещат морозы дружно,
Где компасы на нуле.

Будем жить, стихи читая,
В свете плошки до поры,
Под Сиянье выползая
Друг за другом из норы.

Если духов эскимосы
Ублажат в урочный день,
Все решаются вопросы -
Будут рыба и тюлень.

И не надобно отваги,
Чтоб в затворничестве жить:
Нам, согретым пухом гаги,
Будет не о чем тужить.

Перевод С. Степанова

ПУТЬ

Дорога, на крутой подъем
Вбежав, оборвалась
Внезапно, будто в месте том
На небо вознеслась,

И дальний поворот исчез,
Пропал в зеленой мгле,
Там, где прирос корнями лес
Навек к родной земле.

Изобретен автомобиль,
К нему - особый сок,
Чтобы проехать сотни миль
И множество дорог.

Но есть ли вправду где-нибудь
Такая среди них,
Чтоб был высок, как небо, путь
И, как поляна, тих?

Перевод Б. Хлебникова

АСТРОМЕТАФИЗИЧЕСКОЕ

Я любил твои небеса,
О милосердный Боже,
Чистыми, как роса,
И черными - тоже.

Спотыкаться я был здоров,

Взором был под облаками,
А однажды свалился в ров
И ходил с костылями.

За любовь к твоим небесам,
Что довлеют, Семеро, аду,
Над которыми правишь ты сам,
Я желаю награду.

Но не надо мне обещать
Звездной судьбы во мраке,
Дескать, будет мир освещать
Мой скальп в Зодиаке.

Лишь на то надежда моя,
Что, Божьему верный глаголу,
Тобой буду послан я
Горе, а не долу.

Перевод С. Степанова

СКЕПТИЧЕСКОЕ

О, звезда, что, сетчатку мою раздражая,
Пару атомов черных калит добела,
Я не верю в тебя и тем паче не знаю,
И тем паче не верю в то, чем ты светла.

Я не верю, что ты засветилась последней,
В то, что рядом с последней так вспыхнула ты,
Что, взорвавшись, несешься со скоростью бредней,
В чем и скрыта причина твоей красноты.

Пусть конечна вселенная иль безгранична,
Но бывает такое, прошу вас учесть,
Я ее ощущаю и чувствую лично,
Как рубашку, в которой родился и есть.

Перевод С. Степанова

ВОСТОРЖЕННОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ

Я с жалобой отправился к врачу, -
Мол, было время, фермерским трудом
Любой мог жить, и не тужа притом,
А нынче мне уже не по плечу -
Науку я день изо дня учу,
Читая без конца за томом том,
И этим делом до того гнетом,
Что я с катушек запросто слечу.
Но врач ответил: "Это ерунда!
У наций с вами схожая беда.
Кипят в котле восторги и печали,
Покуда не вскипят - и вот тогда
Взрыв облегченья грянет! Иль не знали,
Что бомбу для того и создавали?"

Перевод С. Степанова

ИЗ СБОРНИКА "НА ВЫРУБКЕ"

ПЛОД МОЛОЧАЯ

Порхают бабочки над молочаем, -
Увы, мы никогда не замечаем,
Откуда появляются на свет
Те, у кого и ульев даже нет,
И молочай, цветя у самой двери,
Рождает мысль, что траты и потери
Всему вокруг присущи в равной мере.
Но вот цветок восходит, и о нем
Не говорить сегодня - петь начнем!
Какая тишь, сумятица какая! -
Бесчисленные крылышки, мелькая,
Спешат восполнить щедрой пестротой
Наряд цветка - до скупости простой.
По этой простоте издалека я
Медовый венчик узнаю тотчас,
Но этот мед обманчив: кто хоть раз,
Беспечно стебель надломив колючий,
Отпил из ранки млечный сок тягучий,
Тот знает: он губителен для нас,
Как опиум, он ум людской дурманит
И только бедных бабочек он манит,
Для них он опьяняюще медов,
И, не жалея гибельных трудов,
Они друг друга от травинки каждой
Отталкивать готовы без конца,
Охваченные сладострастной жаждой,
И с крыльев яркая летит пыльца,

И явственно потом висит над лугом
Цветочная дурманящая смесь.
Желанная для этих однодневок
Трава - кто вспомнил бы еще о ней? -
Нашла на триста шестьдесят пять дней
Один такой, что всех других пьяней:
Безумцы смертью здесь пренебрегали!

Бесславно многие окончат бой,
Цветистый след оставив за собой,
Лишенные доспехов и регалий,
Подобно тем из них, что, как назло,
Весь день напрасно бились о стекло.

Но трата, кажется, была основой
Здесь вволю разыгравшихся страстей,
Бесцельнее я не встречал затей.
На месте спелых гроздьев и кистей -
Невзрачный плод, таящий сон бредовый:
Коробочка с отростками когтей.
Антильского забавней попугая,
Загадку лишних трат оберегая,
Висит и смотрит вниз - сорвать и съесть?

Нет, верно, цель была совсем другая. -
Ученый муж, где бабочки, цветы,
В которых будущее видел ты? -
У молочая лучше бы спросили.
Впустую много тратится усилий,
И в этом смысл определенный есть.

Перевод Р. Дубровкина

ПОСЛЕДНЕЕ

На последнем пороге,
Не прощаясь, стою,
Я на этой дороге
Башмаков не собью.

Что ушел - не грустите,
Не моя тут вина,
Мне грехи отпустите
За стаканом вина.

Не от божьего гнева
Я спасаюсь, друзья,
Как Адам или Ева, -
Сам себе я судья.

Не из райского сада
Ухожу я во тьму.
Возвращать мне не надо
Ничего - никому.

Если нынче я вышел,
Не дождавшись утра,
Значит, песню я слышал:
"Мне в дорогу пора!"

Но вернусь я, поверьте,
Если что не по мне,
После жизни и смерти
Умудренный вдвойне.

Перевод Р. Дубровкина

БЕЗВОЗВРАТНО

Тем, кто когда-то жил
И кто дорогу эту
С годами проложил,
Бродя по белу свету,
Я верность берегу -
Пред ними я в долгу.

Они ушли вперед
Дорогою иною:
Коней не повернет
Никто теперь за мною,
Не оттеснит с пути,
Не крикнет: "Пропусти!"

И я один иду
По стершемуся следу,
С деревьями веду
Неслышную беседу:
"Листвой обожжены,
Дороги чуть видны".

А солнце все тусклей,
И скоро белым станет
Цветной покров полей,
Но лист резной проглянет
На тропках, под сквозной,
Шуршащей белизной.

От зимних холодов
Я закрываю двери,
Нет на снегу следов,

И лишь лесные звери -
Лиса и мышь - зимой
След продолжают мой.

Перевод Р. Дубровкина

ОН УСТРЕМЛЕН ВПЕРЕД

Он не беглец уклончивый, пугливый.
С оглядкой он не шел, не спотыкался.
Не позади опасность, а с ним рядом,
По обе стороны, и потому
Порой извилист путь его прямой.
Он устремлен вперед. Ведь он искатель.
Такого же искателя он ищет,
Который ищет вдалеке другого
И в нем себе подобного находит.
Вся жизнь его - искание исканий.
Он будущее видит в настоящем.
Он весь - цепь бесконечная стремлений.

Перевод М. Зенкевича

АВГУР

Страшна калифорнийская сиерра:
Ребенком как-то в горы я забрел,
И на меня набросился орел
Почти невероятного размера.

Но не схватил, - в чем тут вина моя?

Мне смысл подобных знамений неведом.
Отец сказал: не быть мне Ганимедом,
Мол, птицей царственной отвергнут я.

Признать, что мне не по плечу работа
Буфетчика! - я злюсь с тех самых пор,
Когда вокруг меня заводят спор,
Что я не подошел бы для чего-то.

Перевод Р. Дубровкина

ТЯГЛОВАЯ ЛОШАДЬ

Наш фонарь погас на ветру,
Ну а темень - ни зги в полушаге:
Сквозь зловещий бескрайний лес
Мы на шаткой плелись колымаге.

Вдруг какой-то возник человек
Меж деревьев и, глянув недобро,
Лошадь нашу схватил под уздцы
И железо вонзил ей под ребра.

Тяжко рухнул упряжный конь,
Глухо в землю вдавились колеса,
Ветер в чаще завыл, и ночь
Отозвалась хриплоголосо.

Мы безропотны - ты и я, -
Мы не скажем против ни слова,
Да и глупо не видеть вокруг
Ничего, кроме умысла злого.

Видно, так ему повелел
Некто высший, неумолимый,
Чтобы весь остаток пути
Непременно пешком прошли мы.

Перевод Р. Дубровкина

ОСЛОЖНЕНИЕ

Меня нисколько не тревожит,
Что до сих пор не уничтожит
Никто такую вещь, как Зло:
Что бы с Добром произошло,
Не будь на свете Зла? - едва ли
Они бы просуществовали,
Не различаясь меж собой,
И потому из нас любой,
Мозгами пораскинув, видит,
Что любит он, что ненавидит.
Возлюбим ближних, как себя,
Возненавидим их, любя,
Как и себя, - вот мудрость пифий,
Сокрытая в дельфийском мифе,
Но в том и трудность вся, пойми! -
С тех пор как стали мы людьми,
С тех пор как плод запретный съеден,
Мозги - наш бог. Так чем же вреден
(Вы спросите) желудок нам?
Готов признаться, что я сам,
Желудок путая нередко
С мозгами, был осмеян едко

И поваром, и мясником,
И книгой с толстым корешком,
Но не за счет мозгов, бывало,
Сходил за интеллектуала.

Перевод Р. Дубровкина

ПАРАЛЛЕЛИ

ПУТЬ К СЕБЕ

Я бы хотел, чтоб лиственная мгла
Не просто мраком для меня была,
Но чтобы мне лесное бытие
Явило в чащах таинство свое.

И если я уйду когда-нибудь,
То неприметной тропкой будет путь -
Не большаком, где тащится возок,
Пересыпая спицами песок.

А если бы пойти за мной решил
Однажды тот, кто дорог мне и мил,
Он увидал бы, отыскав мой след,
Что перемен во мне особых нет.

Лишь веровать еще сильнее стал
В то, что и раньше правдою считал.

Перевод Б. Хлебникова

ДОМ-ПРИЗРАК

В дому на отшибе живу много лет,
Хоть знаю, что дома давно уже нет, -
Лишь погреба стены печальной руиной
Зияют, заросшие дикой малиной,

И льется в провал его солнечный свет.

Минуя ограды запущенных лоз,
Надвинулся лес на бесхозный покос,
И яблони выросли в рощу густую,
Где дятел залетный бьет дробь холостую,
И старый колодец травою зарос.

Не странно ли жить мне вот так, одному,
В пропавшем, исчезнувшем этом дому,
Что встал у проселка средь этой пустыни,
Где жабе и лужи не сыщется ныне?
Взмывают летучие мыши во тьму;

Протяжно вопит козодой в тишине:
Я слышал, как он начинал в стороне,
Как будто творя над собою усилье,
Он хныкал, смолкал и отряхивал крылья,
Покуда решился все выплакать мне.

Звезда еле светит в потемках ночных.
Я вовсе не знаю соседей своих,
Давно уж со мной бессловесно живущих,
Чьи камни замшелые в никнущих кущах
Едва ли хоть строчкой напомнят о них.

Они исповедуют труд и печаль,
Хоть пара вон та молода, и так жаль,
Что песен они не поют даже летом,
Но коль разобраться как следует в этом,
Компанию лучше отыщешь едва ль.

Перевод С. Степанова

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Вслед за печалью я иду,
Она всему как будто рада,
Встречая долгий дождь в саду,
И выцветшую лебеду,
И легкий шелест листопада.
Она расскажет терпеливо,
Полоской берега ведя,
Как величаво-молчаливы
Осенне-серые заливы
Под серой дымкою дождя.
Все проще: выцвели кусты,
Земля поблекла, тучи злобны,
И ветер рвется с высоты, -
А доводы ее пусты
И лишь тоску нагнать способны.
Я знал осеннюю тревогу,
Люблю закат ноябрьских дней
И первый иней у порога -
Но красота ее, ей-богу,
Беднее, чем слова о ней.

Перевод А. Кутиковой

ПРОГУЛКА ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Простерлась по стерне роса
Белесой пеленой,
Из-под нее едва видна
Тропинка предо мной.

Я в сад войду и содрогнусь,
Настолько шелест крыл
Взлетевших надо мною птиц
В нем гулок и уныл.

И кажется - нельзя вздохнуть
В наставшей тишине,
Чтоб с ветки одинокий лист
Не пал под ноги мне.

Вновь для тебя в осенний сад
Зашел я по пути,
Чтобы букет последних астр
Отсюда принести.

Перевод Б. Хлебникова

ЗВЕЗДЫ

Неисчислимые огни,
Вы свет струите странный,
Когда во весь огромный рост
Идут на нас бураны.
Столетьями следите вы
За чередой людскою,
Что в снежной белизне бредет
К безбрежному покою.
Ни ненависти, ни любви
В пустых глазницах ночи,
Минервы мраморной укор:
Невидящие очи.

Перевод Р. Дубровкина

БАЛЛАДА О ГЕРАНИ И БУРАНЕ

Счастливой будет пусть любовь,
Но о любви иной
Моя баллада про герань
И вихрь ледяной.

Он в полдень увидал ее
В оттаявшем окне,
Где весело ручной щегол
Насвистывал над ней.

Однако, увидав герань,
Буран метнулся прочь
И снова прилетел к окну,
Когда настала ночь.

Он ведал все про снег и лед,
Студеный день и тьму,
А вот любовь была совсем
Неведома ему.

Буран кружил перед окном
И тяжело вздыхал,
Что дружно подтверждают все,
Кто в эту ночь не спал.

Он так томился, что герань
Почти уже была
Готова с ветром улететь
От света и тепла.

Но так и не смогла ему

Сказать ни "да" ни "нет"...
За сотни миль от тех окон
Буран встречал рассвет.

Перевод Б. Хлебникова

ВЕТРУ, НЕСУЩЕМУ ОТТЕПЕЛЬ

Юго-западный, грянь над нами
Птичьим пением и дождями,
Пробуди мечту у семян,
Преврати сугробы в туман,
Бурое отыщи под белым,
Но, что бы ночью ты ни делал,
Прогони с окна ледок,
Преврати окно в поток,
Вымой, выплави стекло ты
Из распятья переплета,
Полыхни в моей щели,
Пол стихами устели,
Раскачай картины сон,
Из страниц устрой трезвон,
А поэта - выстави вон!

Перевод А. Щербакова

НА БОЛОТЕ

В ту пору я был совсем молодым,
Наш дом обветшалый стоял у болота,
И бледной фатой вечереющий дым

Стелился во тьме по кочкам седым,
А топи все звали кого-то.
Какие растут на болотах цветы! -
У разных соцветий - разные лица,
И легко голоса различаешь ты,
Когда в твою комнату из темноты
Белесый туман струится.
Они проникают сквозь камыши,
Голоса туманные эти,
И шепчут в полночной гулкой тиши
О тысячах тайн одинокой души,
Пока наконец, на рассвете,
Последний цветок не остудит роса,
И они ускользают в тот мир непохожий,
Где птичьи рождаются голоса,
Где цветок нерожденный скрывают леса,
Где цветы и птицы - одно и то же.
С тех пор догадался я, почему
У цветка есть запах, у птицы - трели,
Нет, не зря в сыром, туманном дыму
Я подолгу вглядывался во тьму,
Где на певчем болоте огни горели.

Перевод Р. Дубровкина

БОЛЬ ВО СНЕ

Я удалился к темным деревам,
Чтобы молчать и петь, как их листы.
Однажды к лесу подошла и ты
(Таков был сон), но задержалась там,
У края, не решаясь по следам

Моим за мною в эту глушь войти,
Подумав про себя: "Меня найти
Он должен сам, как и оставил сам".

Я рядом был и пристально глядел
Из-за ветвей, что разделяли нас,
И тосковал, а все ж не захотел
Позвать тебя с собой и в этот раз,
Хоть вечно буду мучиться разлукой.
А твой приход стал вновь тому порукой.

Перевод Б. Хлебникова

С УДОБНОЙ ТОЧКИ

Уставший от деревьев и лесов,
Уйду к стадам в предгорье луговое,
Где свежий запах можжевельной хвои
Витает в дымке утренних часов.
Смотрю с крутого склона на дома,
Невидимый, лежу в траве пахучей,
А взгляд скользит по молчаливой круче
Кладбищенского дальнего холма.

В конце концов наскучат мне живые
И мертвые, - я отвернусь, и зной
Обдаст меня удушливой волной,
Дыханьем жгу соцветья полевые,
Приглядываюсь тихо к муравью
И запахи земные узнаю.

Перевод Р. Дубровкина

ЗА ВОДОЙ

Колодец во дворе иссяк,
И мы с ведром и котелком
Через поля пошли к ручью
Давно не хоженным путем.

Ноябрьский вечер был погож,
И скучным не казался путь -
Пройтись знакомою тропой
И в нашу рощу заглянуть.

Луна вставала впереди,
И мы помчались прямо к ней,
Туда, где осень нас ждала
Меж оголившихся ветвей.

Но, в лес вбежав, притихли вдруг
И спрятались в тени резной,
Как двое гномов озорных,
Затеявших игру с луной.

И руку задержав в руке,
Дыханье разом затая,
Мы замерли - и в тишине
Услышали напев ручья.

Прерывистый прозрачный звук:
Там, у лесного бочажка -
То плеск рассыпавшихся бус,
То серебристый звон клинка.

Перевод Г. Кружкова

ОТКРОВЕНИЕ

Мы любим скрытничать, хотя
Душе и боязно скрываться.
Так неотысканным дитя
Боится, спрятавшись, остаться.

Уж не от этого ль подчас
Почти что детского испуга
Неудержима тяга в нас
Секреты поверять друг другу?

И что-то грустное есть в том,
Что человек ли, бог ли, демон,
Укрывшись ото всех, потом
Сам и открыться должен - где он.

Перевод Б. Хлебникова

СМЕХ ДЕМИУРГА

Однотонно темнел вечереющий лес,
Я по следу бежал за неведомым духом,
Не был подлинным богом лесной этот бес,
Только вдруг уловил я внимательным слухом
То, чего так искал в вековой тишине:
Странный звук, он надолго запомнился мне.

Он раздался в кустах у меня за спиной,
Этот клекот глухой, этот хохот свистящий,
Равнодушный, ленивый, как будто сквозь сон, -
Злобный призрак, смеясь, показался из чащи,

Комья грязи отряхивая на ходу,
И я понял, что демон имеет в виду.

Так попасться! Каким же я был дураком!
Он запутал меня в этих тропках паучьих!
И тогда я нарочно замедлил шаги,
Словно что-то высматривал в сумрачных сучьях,
Но он скрылся в лесу, не взглянув на меня...
До утра просидел я у старого пня.

Перевод Р. Дубровкина

ОКНА ЗАКРОЙ

Окна закрой, пусть затихнут деревья,
Пусть беззвучно мечутся голые прутья.
Птицы умолкли, а если и свистнут, -
Перебьюсь как-нибудь я.

Теперь нескоро очнутся болота,
Нескоро явится первая птица.
Окна закрой - и не слушай ветер,
Лишь смотри, как ярится.

Перевод С. Степанова

В ЛИСТВЕННОЙ РОЩЕ

Опять у рощи листопад!
Ложатся листья без порядка,
И бурым слоем все подряд

Приемлет их земли перчатка.

И прежде чем подняться им
И кроною спасать от зноя,
Им должно стать ковром гнилым,
Им должно пасть до перегноя.

Им должно дать себя потом
Пронзить цветам в лесу раздетом.
Не знаю, как там в мире том,
Но так уж это в мире этом.

Перевод С. Степанова

РОПОТ

По топкому бездорожью
Я пробирался с трудом,
Я лез на холмы, чьи вершины
Тонули в тумане седом,

Я к дому пришел у дороги:
Был пуст и печален дом.
На ветках продрогшего дуба
Почти не осталось листвы,

Последние желтые листья
И те безвозвратно мертвы,
А вскоре по мерзлому снегу
Во тьме зашуршите и вы.

Сырой, полусгнившей листвою

Усыпан берег пруда,
Орешник в саду увядает,
И астры умрут в холода.

А сердце на поиски рвется,
Да только не знает куда.
Но разве плыть по теченью
Отважится человек?

Расчет отступивших без боя
Для нас малодушный побег, -
С любовью и солнцем последним
Кто смеет проститься навек?

Перевод Р. Дубровкина

ПОЧИНКА СТЕНЫ

Есть что-то, что не любит ограждений,
Что осыпью под ними землю пучит
И сверху сбрасывает валуны,
Лазейки пробивает для двоих.
А тут еще охотники вдобавок:
Ходи за ними следом и чини,
Они на камне камня не оставят,
Чтоб кролика несчастного спугнуть,
Поживу для собак. Лазейки, бреши,
Никто как будто их не пробивает,
Но мы всегда находим их весной.
Я известил соседа за холмом,
И, встретившись, пошли мы вдоль границы,
Чтоб каменной стеной замкнуться вновь,

И каждый шел по своему участку
И собственные камни подбирал -
То каравай, а то такой кругляш,
Что мы его заклятьем прикрепляли:
"Лежи вот здесь, пока мы не ушли".
Так обдирали мы о камни пальцы,
И каждый словно тешился игрой
На стороне своей. И вдруг мы вышли
Туда, где и ограда ни к чему:
Там - сосны, у меня же - сад плодовый,
Ведь яблони мои не станут лазить
К нему за шишками. А он в ответ:
"Сосед хорош, когда забор хороший".
Весна меня подбила заронить
Ему в мозги понятие другое:
"Но почему забор? Быть может, там,
Где есть коровы? Здесь же нет коров.
Ведь нужно знать, пред тем как ограждаться,
Что ограждается и почему,
Кому мы причиняем неприятность.
Есть что-то, что не любит ограждений
И рушит их". Чуть не сказал я "эльфы",
Хоть ни при чем они, - я ожидал,
Что скажет он. Но каждою рукою
По камню ухватив, вооружился
Он, как дикарь из каменного века,
И в сумрак двинулся, и мне казалось -
Мрак исходил не только от теней.
Пословицы отцов он не нарушит
И так привязан к ней, что повторил:
"Сосед хорош, когда забор хороший".

Перевод М. Зенкевича

СМЕРТЬ БАТРАКА

При свете лампы Мэри у стола
Ждала Уоррена. Шаги услыша,
Она на цыпочках сбежала вниз,
Чтоб в темноте его у двери встретить
И новость сообщить: "Вернулся Сайлас".
Потом, его наружу потянув,
Закрыла дверь. "Будь добр", - она сказала,
Взяла покупки у него из рук
И, на крыльцо сложив их, усадила
Его с собою рядом на ступеньки.

"А разве добрым не был я к нему?
Но не хочу, чтоб к нам он возвращался.
Иль не сказал ему я в сенокос,
Что, если он уйдет, пусть не приходит?
На что он годен? Кто его возьмет?
Ведь он немолод и плохой работник.
К тому ж он ненадежен и всегда
Как раз в страду горячую уходит.
Он думает, что если заработал
Немножечко, хотя бы на табак,
То больше нам ничем и не обязан.

"Отлично, - я сказал, - мне не по средствам
Помесячно работнику платить".
"Другие ж платят". - "И пускай их платят".
Не верю, чтоб исправиться он мог.
Начнет вот так, и что-то подмывает
Его уйти с карманными деньгами
В страду, когда рабочих рук нехватка.
Зимой же он приходит. Нет, довольно".

"Ш! - перебила Мэри. - Он услышит".

"Ну и пускай. Он должен это слышать".

"Он так измучен и заснул у печки.
Придя от Роу, я его нашла
Почти уснувшим у дверей сарая.
Вид у него такой ужасный, жалкий.
Не смейся. Я его едва узнала:
Так изменился он, уйдя от нас.
Сам посмотри".

"Откуда он пришел?"

"Он не сказал. Я в дом его втащила
И угощала чаем, табаком.
Расспрашивала о его скитаньях.
Но он в ответ лишь головой кивал".

"Что ж он сказал? Сказал он что-нибудь?"
"Немного".
"Ну а что? Признайся, Мэри,
Он говорил, что окопает луг?"

"Уоррен!"

"Да? Хотел я лишь узнать".

"Конечно, говорил. Ну что ж такого?
В вину ты не поставишь старику,
Что он свое достоинство спасает.
И если хочешь знать, он говорил,

Что пастбище расчистит наверху.
И это, кажется, ты слышал раньше?
Уоррен, если бы ты только знал,
Как он все путал. У меня в глазах
Вдруг потемнело, и мне показалось,
Что разговаривает он в бреду
О Вилсоне Гарольде, что работал
У нас тому назад четыре года, -
Теперь он в колледже своем учитель,
А Сайлас к нам хотел его вернуть,
Чтоб вместе с ним приняться за работу.
Вдвоем они наладят все на ферме.
Он говорил, все спутав и смешав,
Что Вилсон славный малый, но смешон
Своей ученостью. Ты помнишь, как
Они в июле в сильный зной трудились.
Как Сайлас сено складывал вверху,
Гарольд же снизу подавал на вилах".

"Да, подгонять их мне не приходилось".

"То время мучит Сайласа, как сон.
Не странно ли, как мелочи мы помним.
Гарольд его задел высокомерьем,
И Сайлас до сих пор для спора с ним
Упущенные доводы находит.
Я знаю по себе, как тяжело
Несказанный ответ потом придумать.
Запомнился ему Гарольд с латынью,
Он насмехался над его словами,
Что будто бы латынь ему мила
Не меньше скрипки - вот какая дичь!
Гарольд не верил, что он может воду

В земле найти с орешниковой веткой.
Так, значит, и не впрок пошло ученье.
Об этом Сайлас говорил. И очень
Жалел о том, что он не может снова
Учить его, как нужно сено класть".

"Да, Сайлас этим может похвалиться.
Он каждую копну кладет особо
И примечает, чтобы после взять,
А при разгрузке их легко находит
И сбрасывает. В этом он мастак.
Он их берет, как гнезда птиц больших,
И сам как будто не стоит на сене,
А вместе с вилами взмывает вверх".

"Он и Гарольда хочет обучить,
Чтоб тот на что-нибудь да пригодился,
А то мальчишка одурел от книг.
Бедняга Сайлас о других печется,
А сам - чем в прошлом может он гордиться,
А в будущем надеяться на что?
Как и сейчас, всегда одно и то же".

Осколок месяца скользнул на запад,
Стянув все небо за собой к холмам.
Свет пролился к ней нежно на колени.
Она простерла фартук и рукой
Коснулась, словно арфы, струн рассветных,
Сверкающих росой от гряд до крыши,
Как будто бы играя всю ту нежность,
Что вкруг него сгущалась рядом с ней.
"Он умирать пришел домой, Уоррен.
Не беспокойся, он не загостится".

"Домой?" - он усмехнулся.
"Да, домой.

Смотря как это слово понимать.
Конечно, он для нас не больше значит,
Чем гончая, которая пристала б
К нам из лесу, измучившись в гоньбе".

"Дом - значит место, где нас принимают,
Когда приходим мы".
"Я применила
Не так, как ты хотел бы, это слово".

Уоррен встал и, сделав два шага,
Поднял зачем-то прут и, возвратившись,
Переломил его в руках и бросил.
"Ты думаешь, что Сайласу мы ближе
Родного брата? Ведь тринадцать миль
От поворота до его дверей.
Сегодня Сайлас прошагал не меньше.
Что ж не к нему? Ведь брат его богач
И птица важная - директор банка".

"Он нам не говорил".

"Но мы ведь знаем".

"Я думаю, что брат ему поможет,
А если будет нужно, то возьмет
Его к себе и, может быть, охотно.
Возможно, он добрей, чем нам казался.
Так пожалей же Сайласа. Подумай:

Ведь если б он родней своей кичился
Иль помощи себе искал у брата,
То разве б он умалчивал о нем?"

"Не знаю, что меж ними".

"А я знаю.
Таков уж Сайлас - нам-то все равно,
Родные же таких, как он, не любят.
Дурного он не сделал ничего
И думает, что он ничем не хуже
Всех остальных. Хотя он и бедняк,
Не хочет перед братом унижаться".

"Не думаю, чтоб он кого обидел".

"Меня обидел он: мне больно видеть,
Как старой головой о стул он бьется.
На кресло перейти он не хотел.
Ступай же в дом скорей и помоги.
Постель ему я постелила на ночь.
Ты удивишься, как он надломился.
Ему уж не работать - это верно".

"Я не сказал бы так наверняка".
"Я не ошиблась. Ты увидишь сам.
Пожалуйста, не забывай, Уоррен,
Что он вернулся окопать наш луг.
Он все обдумал, ты над ним не смейся.
Возможно, он заговорит об этом.
А я на облачке том загадаю,
Коснется ль месяца иль нет".

Коснулось.
Их стало трое в тусклом хороводе:
Она, сквозное облачко и месяц.

Уоррен возвратился очень быстро.
Склонился молча и пожал ей руку.

"Что с ним, Уоррен?"
"Мертв", - ответил он.

Перевод М. Зенкевича

СТРАХ

Из глубины сарайчика фонарь
Высвечивал двоих в дверном проеме,
Отбрасывая их косые тени
На стены дома. В окнах все темно.
Переступала лошадь по настилу,
Покачивался тихо верх двуколки,
Подтягивал мужчина колесо,
А женщина вдруг вскрикнула: "Стой! Кто там?"
И шепотом: "Когда фонарь качнуло...
Я видела мелькнувшее лицо!
Да-да, вон там, в кустах, что у дороги!
И ты, конечно, видел?"
"Ничего.
Лицо?"
"Конечно?"
"Да не может быть!"
"Взгляну-ка, Джо. А то и в дом-то страшно.
Оставить это просто так нельзя.

Закрыты ставни, вроде все в порядке.
Замки висят... Привыкнуть не могу
Домой вот так в потемках возвращаться.
Прозвякал слишком громко ключ в замке,
И кто-то этим был предупрежден.
Хозяин в дверь, а он скорей в другую!
Пусти меня!"
"Да он убрался прочь!"
"Ты думаешь, что здесь проезжий двор! -
Забыл, где мы? Ну да, чего же проще?
Он просто здесь гуляет по ночам!
Он там, в кустах! Зачем он затаился?"
"Сейчас не так уж поздно, хоть темно.
Ты говоришь, а на уме другое.
А выглядел он как?"
"Ну как? Обычно.
Не выяснив, я не смогу заснуть.
Дай мне фонарь!"
"Фонарь тебе не нужен".
Фонарь она у мужа отняла.
"Уж я сама, и ты туда не суйся.
На этот раз пора его поймать!
Я пропишу ему! Какого черта?
Там что-то шевельнулось... Не шуми!
Уйди скорее, Джо! Да тише, тише!
Не слышу я совсем из-за тебя!"
"Не худо бы, чтоб я поверил в это".
"Там это, кто-то или их подручный!
И раз уж мы застукали его,
То самая пора его накрыть.
А как спугнем, так он повсюду будет -
В кустах и за деревьями, везде!
Я из дому и шагу не ступлю...

Нет, так я не оставлю! Джо, пусти!"
"Зачем так осторожничать ему?"
"Вот то-то и оно, что осторожен,
Но ты слыхал, как выдал он себя...
Ну-ну, не буду, Джо... Ну обещаю!
Что ссориться? Ты тоже не пойдешь".
"Я б справился и сам. Одно тут худо.
Он видит нас, а нам-то не видать.
Мы у него совсем как на ладони!
Чего ему высматривать у нас?
Все высмотреть и так вот просто скрыться?"
Мужчина ничего понять не мог,
Но за женой пошел через лужайку.
"Чего тебе?" - та крикнула во тьму.
Фонарь приподняла, к себе прижала,
Да так, что через юбку тело жгло.
"Тут ни души. Мерещится..."
"Он здесь!
Чего тебе?" - опять она спросила.
И тут - о ужас! - прозвучал ответ:
"Да ничего", - ответили с дороги.
На мужа та бессильно оперлась -
Паленой шерсти, видно, надышалась.
"Чего тебе у нас в такую темь?"
"Да ничего". - Казалось, это все...
Но снова голос: "Испугались, что ли?
Я видел, как вы лошадь торопили...
Сейчас я выйду прямо к вам, на свет -
Увидите".
"Ну ладно. Джо, назад!"
Шаги все ближе... Всю ее трясло,
Но ни на шаг она не отступила.
"Ну, видно?"

"Где?.." - Уставилась во тьму...
"Не видите вы, что ли? Я с ребенком.
Разбойники не шастают семьей!"
"Ночь на дворе. Ребенок-то зачем?"
"А мы гуляем тут... Ведь каждый мальчик
Хоть раз да должен ночью побродить.
Не так ли сын?"
"Не худо б вам найти
Другое место!"
"Вышло так, шоссе...
Мы две недели будем жить у Динов".
"И даже если так, - ты слышишь, Джо! -
Ты все ж не расслабляйся, Джо, ты понял?
И осторожность нам не помешает.
Здесь глушь, такая глушь, и никого..."
И все она таращилась во тьму...
Фонарь, качаясь, начал опускаться,
Земли коснулся, вспыхнул и потух.

Перевод С. Степанова

ДРУГАЯ ДОРОГА

В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.

Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженей, что ли, она была

И больше, казалось мне, заросла;
А, впрочем, заросшими были обе.

И обе манили, радуя глаз
Сухой желтизною листвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.

Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть -
И это решило все остальное.

Перевод Г. Кружкова

ЛЯГУШАЧИЙ РУЧЕЙ

В июне умолкает наш ручей.
Он то ли исчезает под землею
(И в темноту уводит за собою
Весь неуемный гомон майских дней,
Все, что звенело тут на всю округу,
Как призрачные бубенцы сквозь вьюгу) -
То ли уходит в пышный рост хвощей
И в кружевные кущи бальзаминов,
Что никнут, свой убор отцветший скинув.
Лишь русло остается, в летний зной
Покрытое слежавшейся листвой,
Случайный взгляд его найдет едва ли
В траве. И пусть он не похож сейчас

На те ручьи, что барды воспевали:
Любимое прекрасно без прикрас.

Перевод Г. Кружкова

БЕРЕЗЫ

Когда березы клонятся к земле
Среди других деревьев, темных, стройных,
Мне кажется, что их согнул мальчишка.
Но не мальчишка горбит их стволы,
А дождь зимой. Морозным ясным утром
Их веточки, покрытые глазурью,
Звенят под ветерком, и многоцветно
На них горит потрескавшийся лед.
К полудню солнце припекает их,
И вниз летят прозрачные скорлупки,
Что, разбивая наст, нагромождают
Такие горы битого стекла,
Как будто рухнул самый свод небесный.
Стволы под ношей ледяною никнут
И клонятся к земле. А раз согнувшись,
Березы никогда не распрямятся.
И много лет спустя мы набредаем
На их горбатые стволы с листвою,
Влачащейся безвольно по земле -
Как девушки, что, стоя на коленях,
Просушивают волосы на солнце...
Но я хотел сказать, - когда вмешалась
Сухая проза о дожде зимой, -
Что лучше бы березы гнул мальчишка,
Пастух, живущий слишком далеко

От города, чтобы играть в бейсбол.
Он сам себе выдумывает игры
И круглый год играет в них один.
Он обуздал отцовские березы,
На них раскачиваясь ежедневно,
И все они склонились перед ним.
Он овладел нелегкою наукой
На дерево взбираться до предела,
До самых верхних веток, сохраняя
Все время равновесие - вот так же
Мы наполняем кружку до краев
И даже с верхом. Он держался крепко
За тонкую вершинку и, рванувшись,
Описывал со свистом полукруг
И достигал земли благополучно.
Я в детстве сам катался на березах,
И я мечтаю снова покататься.
Когда я устаю от размышлений
И жизнь мне кажется дремучим лесом,
Где я иду с горящими щеками,
А все лицо покрыто паутиной
И плачет глаз, задетый острой веткой, -
Тогда мне хочется покинуть землю,
Чтоб, возвратившись, все начать сначала.
Пусть не поймет судьба меня превратно
И не исполнит только половину
Желания. Мне надо вновь на землю.
Земля - вот место для моей любви, -
Не знаю, где бы мне любилось лучше.
И я хочу взбираться на березу
По черным веткам белого ствола
Все выше к небу - до того предела,
Когда она меня опустит наземь.

Прекрасно уходить и возвращаться.
И вообще занятия бывают
Похуже, чем катанье на березах.

Перевод А. Сергеева

КОРОВА В ПОРУ СБОРА ЯБЛОК

Совсем уже с ума сошла корова -
Боднула стену и дыра готова!
Коровья морда в яблоках гнилых
И в сладкой каше - яблочной потравы
Достало ей, чтоб наплевать на травы.
До яблонь пограничных добралась
И падалиц червивых нажралась.
А выгнанная палкою в бока,
Она мычит, взирая в облака.
И съежились соски без молока.

Перевод С. Степанова

ПЕРЕПИСЬ

Был хмурый вечер, я пришел к лачуге
Из горбыля, покрытой сверху толем.
В одно оконце и с одною дверью,
Она была единственным жилищем
На всю эту безлюдную округу.
Но дом был пуст - ни женщин, ни мужчин,
(А, впрочем, женщин, это сразу видно,
Здесь сроду никогда и не бывало.)

Я шел сюда людей переписать,
А здесь на сотни миль ни человека,
И никого нет в доме, на который
Я несколько часов глядел с надеждой,
Хотя и небольшой, пока спускался
По узкой тропке с горного хребта,
Не встретив никого, кто бы решился
Зайти в эти безлюдные места.
Стояла осень, только догадаться
Об этом было трудно. Листопада
Здесь не бывает, ибо нет деревьев,
Лишь пни торчат - на них сквозь плотный слой
Смолы темнеют годовые кольца -
Да сухостой: ни листьев, чтоб опасть,
Ни веток, что стенали б об утрате.
Уж не затем ли, чтобы время года
И время дня без помощи деревьев
Считать, затеял ветер хлопать дверью?
(Как будто кто-то грубый, в дом войдя,
Захлопнет с силой дверь, за ним вослед
Придет другой, и снова дернет дверь,
И вновь ее захлопнет за собою.)
Я насчитал девятерых (хотя
В свой список занести их и не мог).
Десятым на порог вошел я сам.
Где ужин мой? Где ужин остальных?
Свет не горит. Стол не накрыт для гостя.
Печь холодна, к тому же без трубы
И на сторону сильно покосилась.
Мужчин же, дверью грохотавших, я,
Хоть ясно слышал, в доме не увидел.
Они не упирались в стол локтями,
Не спали на скамейках деревянных.

Все пусто. Ни жильцов, ни привидений.
И все же я на всякий случай с пола
Поднял обломок топорища, ибо
Мне вдруг почудилось скрипение костей.
(Скрипело приоткрытое окно.)
Придерживая дверь, чтоб не стучала,
Я начал думать, что же делать с домом,
С людьми, которых в доме больше нет.
Пришедший за один лишь год в упадок,
Меня печалил он ничуть не меньше
Руин из тех ветхозаветных мест,
Где азиатский клинышек мешает
Соприкоснуться Африке с Европой.
Хотелось крикнуть, пусть здесь даже эхо
От скал далеких мне не отзовется:
"Пустеет край. И если впрямь скорбит
О людях Пребывающий в молчанье,
Пусть не молчит иль будет нем вовек.
Я должен был сказать ему об этом".
Как грустно пересчитывать людей
В краю, где их становится все меньше,
Тем более - когда их вовсе нет.
Я так хочу, чтоб жизнь тут продолжалась.

Перевод Б. Хлебникова

НА ЗАБРОШЕННОМ КЛАДБИЩЕ

Тропинки заросли травой.
К могильным плитам иногда
Случайно забредет живой, -
Но мертвым нет пути сюда.

Стихи надгробные твердят:
"Ты, кто сегодня в этот сад
Забрел! Знай - годы пролетят, -
И ты могилой будешь взят".

Да, этот мрамор убежден
В необратимости времен,
Не оживет могильный прах, -
И человека мучит страх.

Но преступи веков запрет,
Камням бесчувственным скажи,
Что смерти в мире больше нет, -
Они поверят этой лжи.

Перевод Галины Усовой

ЧТОБ ВЫШЛА ПЕСНЯ

Был ветер не обучен пенью
И, необузданно горласт,
Ревел и выл, по настроенью,
И просто дул во что горазд.

Но человек сказал с досадой:
Ты дуешь грубо, наобум!
Послушай, лучше - вот как надо,
Чтоб вышла песня, а не шум.

Он сделал вдох - но не глубокий,
И воздух задержал чуть-чуть,
Потом, не надувая щеки,

Стал тихо, понемногу дуть.

И вместо воя, вместо рева -
Не дуновение, а дух -
Возникли музыка и слово.
И ветер обратился в слух.

Перевод Г. Кружкова

НЕЧТО ТАМ ЕСТЬ

Пусть смеются, когда, встав на колени,
Я заглядываю в колодцы, хоть, обманутый светом,
Никогда ничего не вижу, глубже воды,
Кроме собственного отраженья, - этакий бог
В летнем небе, увенчанный папоротником
и облаками.
Но однажды, вытянув над колодцем занемевшую шею,
Я заметил, или мне лишь помстилось, нечто
за отраженьем,
Белое нечто сквозь него смутно мелькнуло,
Из глубины нечто, лишь на миг - и исчезло.
Чистой слишком воде вода попеняла.
Капля упала с папоротника, стерла рябью,
Чем бы там оно ни было, то, что на дне,
Смыла, смела... Что ж там все же белело?
Истина? Камешек? Нечто там есть,
раз уж было.

Перевод С. Степанова

ДВОЕ НА ДВОЕ

Наверное, любовь и память вместе
Их привели сюда, на склон холма,
Под вечер, но сюда лишь - и не дальше.
Им было все равно пора домой.
Держа в уме обратную дорогу,
Не больно безопасную во тьме,
У рухнувшей стены, где меж камнями
Вилась колючей проволоки плеть,
Остановились, за стену бросая
Последний взгляд, как бы ища причин
Идти туда, куда идти не надо,
По тропке вверх, где камень в полутьме,
Коль двинется, то, верно, сам собою, -
Не под ботинком. "Что же, вот и все.
Спокойной ночи, лес!" Не все, однако.
На них смотрела из-за елки лань, -
Стена была как раз посередине,
Так что земля у каждого своя.
Усилье видеть то, что так застыло,
Как надвое расколотый валун,
Они в глазах у лани прочитали, -
Мол, эти двое не грозят бедой,
А стало быть, хоть дело тут не чисто,
Нет смысла и раздумывать о них.
Лань фыркнула и прочь пошла спокойно.
"Ну, это все. Чего еще просить?"
Не все, однако. Всхрап остановил их.
За той же елкой был теперь самец, -
Стена была как раз посередине,
Самец рогатый ноздри раздувал, -
Нет, то не лань вернулась из потемок!

Недоуменно он на них смотрел,
Как бы взыскуя: "Что вы тут застыли?
Прикидываться мертвым для чего?
Иль впрямь что вижу я совсем не живо?"
Они желали в этот миг одно -
Продлить знакомство и продлить беседу.
Но тут самец пошел спокойно прочь.
Так с каждой стороны их было двое.
"Ну вот и все!" И это было все.
Горячая волна их окатила,
Как если бы земля им невзначай
Знак подала своей любви ответной.

Перевод С. Степанова

НАША ПЕВЧЕСКАЯ МОЩЬ

В весенний день снежинки не могли
Коснуться теплой и сухой земли.
Их орды зря растрачивали прыть,
Чтоб местность увлажнить и остудить.
С землей не удавалось совладать -
Она их просто отсылала вспять.
Но после свежей ночи ей пришлось
Рядами рваных снеговых полос
Признаться, что зима опять пришла.
Одну дорогу стужа не взяла.
Наш край назавтра был как неживой:
Трава примята льдистою стопой,
Концами в землю, словно черенки,
Уткнулись мускулистые суки,
От урожая снежного склонясь,

Лишь на дороге властвовала грязь,
Распутица - что б там ни шло ей впрок,
Подземный огнь иль шаркание ног.

Весной мы слышим тысячи певцов,
Слетевшихся сюда со всех концов:
Щеглов, дроздов, малиновок, скворцов.
Одни из них на север улетят,
Другие тут же повернут назад,
А третьи здесь до осени гостят.
И вот что им принес уход весны:
Окрестные поля занесены,
Порхать все время недостанет сил,
Тяжелый снег деревья завалил -
Поди стряхни его со всех ветвей!
Лишь на дороге малость потеплей.
И, завязая в грязных колеях,
Ряды сроднившихся в несчастье птах
Мелькали бесконечной чередой,
Блестящие, как галька под водой.
Я шел. Они шарахались от ног
И щебетали, полные тревог,
Боясь, что их прогонит человек
С дороги теплой на холодный снег.
И кое-кто с тяжелым шумом крыл
Взлетал туда, где лес под снегом был
Таким непрочным сказочным дворцом,
Что рухнет, только тронь его крылом.
Взлетавшие садились предо мной,
Чтоб снова трепетать за свой покой
(А, я, гонитель, просто шел домой).
Их опыт до сих пор не научил,
Что стоит залететь погоне в тыл -

И ты недосягаем для врагов.
Итак, в весенний день, среди снегов
Я видел нашу певческую мощь,
Что, ковыляя мимо белых рощ,
Была готова, взмыв под облака,
Воспеть весь мир от корня до цветка.

Перевод А. Сергеева

ПИЧУГА

Унылый посвист в тишине
Весь день мешал работать мне,

И я, чтобы умолкнул он,
Спугнул пичугу от окон.

И устыдился: пусть убог
Был тот мотив и голосок,

Ни у кого, однако, нет
Прав налагать на них запрет.

Перевод Б. Хлебникова

КРЫША

Я ночью бродил под холодным дождем,
С досадою гладя на собственный дом,
Где свет, не погашенный в верхнем окне,
Никак не давал успокоиться мне.

Ведь свет этот значил, что там меня ждут
И он не потухнет, покуда я тут.
А я не вернусь, пока лампа горит.
Ну что ж, поглядим, кто кого победит,
Посмотрим, идти на попятный кому...
Весь мир погрузился в кромешную тьму,
И ветер был тяжек, как пласт земляной,
И дождь холоднее крупы ледяной.
Но странно: под стрехами крыши моей,
Что летом служила для птичьих семей
Приютом и школою летных наук,
Еще оставалось немало пичуг,
И я, зацепив за приземистый скат,
Спугнул их невольно и сам был не рад.
А птицы взлетали одна за другой
Во тьму, и меня обожгло их бедой.
Обида моя хоть была тяжела,
Да птичья беда тяжелее была:
Ведь им на ночлег не вернуться сюда,
Во мгле не найти обжитого гнезда,
Сухого дупла иль мышиной норы,
И греть будет птаху до самой зари
Лишь искра, что теплится слабо внутри.
Мне стало их жалко, и не оттого ль
В душе вдруг утихли обида и боль,
Я вспомнил, что кровля на доме моем
Потрепана ветром, побита дождем,
Подумал, что крыше починка нужна,
Поскольку совсем прохудилась она,
И капли, наверно, ползут по стене
В каморке, где лампа не гаснет в окне.

Перевод Б. Хлебникова

ЗИМНИЙ РАЙ

Ольшаник превратился в зимний сад,
Где дерева на солнцепеке спят.
Сюда сбежались зайцы, будто зная,
Что не бывает места ближе к раю.
И впрямь юдоль земную снежный слой
Приподнял над застывшею землей -
Вверх на ступеньку к синей вышине
И прошлогодней красной бузине.
Возвысил зверя снег, чтобы теперь
Отведал редких яств голодный зверь.
Верхушки яблонь заячий резец
Обвел подобьем годовых колец.
А птицам среди райской красоты
И вовсе не до брачной суеты.
Они спокойно изучают почки,
Гадая, где цветы, а где листочки.
Но в два часа померкнет рай земной.
Настолько мимолетна жизнь зимой,
Что и не знаешь, стоит ли она
Того, чтоб пробуждаться ото сна.

Перевод Б. Хлебникова

С НОЧЬЮ Я ЗНАКОМ

Да, с ночью я воистину знаком.
Я под дождем из города ушел,
Оставив позади последний дом.

Навстречу мне в потемках сторож брел.

Чтоб ничего не объяснять ему,
Я взгляд нарочно в сторону отвел.

Внезапно, сам не знаю почему,
Мне показалось, будто мне кричат
Из города. Я вслушался во тьму.

Но нет, никто не звал меня назад.
Зато вверху расплывчатым пятном
Небесный засветился циферблат -

Ни зол, ни добр в мерцании своем.
Да, с ночью я воистину знаком.

Перевод Б. Хлебникова

ЗАПАДНАЯ РЕКА

"Фред, где тут север?"
"Там, любовь моя!
Река течет на запад".

"Назовем
Ее за это Западной рекою.
(Она так и зовется до сих пор.)
Но почему она течет на запад?
Ведь здесь текут все реки на восток,
Там океан! Наверное, у нашей
Такой уж нрав - идти наперекор.
А, впрочем, мы и сами, Фред, такие...
Такие, ну..."

"Упрямые?"

"Пожалуй.
Теперь же нас, упрямых, станет трое,
Как будто с нею мы одна семья.
Когда-нибудь мы здесь построим мост,
Который будет реку обнимать
Своей рукой, как ты меня ночами...
Гляди, она махнула нам волной,
Чтобы сказать, что слышит нас".

"Да нет,
В том месте просто пенится бурун.
(Когда речная темная вода
Доходит до большого валуна,
То начинает пениться бурун;
Он кружится на месте, будто в воду
Упали выдранные птичьи перья;
Потом уносит темная струя
Их белый крап, чтобы вокруг ольхи
Затопленной обвить пуховым шарфом.)
Бурун же там, наверное, с тех пор,
Как с неба потекли на землю реки,
Так что, увы, волною нам не машут".

"Нет, машут. Не тебе, так, значит, мне,
И взмах, наверняка, был добрым знаком".

"Что ж, если ты сумела превратить
Окрестность эту в царство амазонок,
Чьи земли недоступны для мужчин,
Тогда считай, что и меня здесь нет.
Река твоя! Мне нечего сказать".

"Нет, говори! Ты что-то ведь придумал..."

"Мне в голову пришло, что человек
Произошел от пенистой волны,
Восставшей против общего потока,
Потом уж только от мохнатых предков.
Отсюда и упрямство человека,
Отсюда человеческая тяга
Извечная - к истоку всех начал.
Порою говорят, что бытие
Похоже на беспечный хоровод.
А бытие, как это ни прискорбно,
Уходит прочь безудержным потоком
И изливается в пустую бездну.
Сейчас оно течет в речной струе,
Иль в небесах, иль между нас, и этим
Нас разлучает в жуткую минуту.
Над нами, между нами или в нас...
Все преходяще: время, жизнь, любовь.
Материи и той не устоять
Перед всеобщим этим низверженьем
В смертельное зияние. Однако
В самом потоке есть противоток,
Возвратное движение к истоку.
Вот где сокрыта тайна наших тайн.
В потоке неизменно есть избыток,
Благодаря которому теченье
Как бы восходит над самим собой.
Уходит век - приходит век иной,
Заходит солнце - плещут родники
И снова посылают солнце в небо.
В любом потоке есть противоток,

Струящийся наперекор теченью,
И это дань истоку своему.
Вот от чего мы все произошли.
Вот - наша суть".

"Ты прав. И этот день
Да будет днем твоим".

"Нет, этот день
Да будет днем крещения реки".

"Да будет он днем нашего согласья".

Перевод Б. Хлебникова

ДЮНЫ

Морская волна зелена.
Но там, где стихает прибой,
Восходит иная волна
Песчаною желтой горой.

То море на сушу пошло
Дома засыпать у людей,
Которых оно не смогло
Оставить в пучине своей.

Но как ни коварно оно,
Однако и сам человек
Таков, что душой все равно
Ему не поддастся вовек.

Он морю пожертвует шлюп
И даже лачугу, бог с ней.
Чем меньше у сердца скорлуп,
Тем жить человеку вольней.

Перевод Б. Хлебникова

СОЗВЕЗДИЕ БОЛЬШОГО ПСА

Великий Сверхпес
Небесный зверюга
Из-за горизонта
Вскочил упруго,
Без отдыха он,
На задних лапах
Всю ночь пропляшет
Свой путь на Запад.
Пусть я - недопес,
Но сегодня мы
Будем лаять вместе
Сквозь толщу тьмы.

Перевод Василия Бетаки

МЕДВЕДЬ

Губами к листьям тянется медведица,
Как бы целуя молодое деревце,
Но гибкий ствол, пригнутый ею вниз,
Как хлыстик щелкнув, улетает ввысь.
Медведица уходит. Тяжкий вес

Ее походки содрогает лес.

За нею лишь пролом остался сзади
В ей помешавшей фермерской ограде
Да вырванный из бурой шерсти клок.
У зверя есть пространство, где б он мог
Считать себя свободным. Мне ж порой
Все мирозданье кажется тюрьмой,
И чувствую себя я, будто в клеть
Охотниками загнанный медведь.
Тоскливой безысходностью объят,
Он мечется по ней вперед-назад,
А клетка, издеваясь, тычет в лоб
Ему то микроскоп, то телескоп
(Хотя - как ни глупа любая лупа -
Их сочетанье в общем-то не глупо).
Устав, однако, от угрюмых дум,
Что поневоле удручают ум,
Медведь садится на пол мощным задом,
Осознавая, что, наверно, надо
Ему смириться с крайностью любой,
Поэтому лохматой головой,
Чтоб показать, что все на свете правы,
Согласно то налево, то направо
Кивает он, не подымая век,
Мол, безусловно, прав был древний грек,
А, впрочем, прав и споривший с ним грек,
И вообще прав каждый человек.
Что лежа в клети, что мечась по клети,
Нелеп и стоик, и перипатетик.

Перевод Б. Хлебникова

В ЗООПАРКЕ

Один самодовольный мальчуган
Двум обезьянкам как-то в зоопарке
Хвалился зажигательным стеклом.
Им сей предмет понятен был не больше,
Чем поясненья: это, дескать, линза
Для собиранья солнечных лучей.
А может, инструмент понятней в деле?
Мальчишка точкой солнечной прижег
Носы обеим. В их глазах застыло
Такое темное недоуменье,
Которого морганьем не сморгнешь.
Из рук не выпуская прутьев клетки,
Они встревоженно переглянулись.
Одна из обезьян коснулась носа,
Почти сообразив, что далека
На миллионы лет от пониманья.
А солнечная точка перешла
На обезьяний палец, чтобы опыт
Повторным подтвердить экспериментом.
Но в этот раз естествоиспытатель
Был слишком близок к своему объекту.
Вдруг - хвать! - и зажигательным стеклом
Теперь уже владеют обезьянки.
В глубь клетки убежав, они свои
Над лупой провели эксперименты,
Без должной, разумеется, методы:
Стекло кусали, пробуя на вкус,
Потом сломали ручку и оправу.
Когда же бесполезная возня
Прискучила, они зарыли лупу
В солому (вдруг опять придет охота

Немного поразвлечься) и вернулись
Назад спокойно, будто вопрошая:
Кто, собственно, берется утверждать,
Что важно понимать, а что неважно.
Пускай они не понимают лупы,
Пускай им даже солнце непонятно,
Важнее знать, зачем нужны предметы.

Перевод Б. Хлебникова

☆ ☆ ☆

Я целый день по листьям бродил, от осени я
устал, Сколькоузорнойпестройлиствызаденья
истоптал!
Может, стараясь вбить в землю страх,
топал я слишком гордо,
И так безнаказанно наступал на листья ушедшего
года.

Все прошлое лето были они где-то там, надо мной,
И мимо меня им пришлось пролететь,
чтоб кончить свой путь земной.
Все лето невнятный шелест угроз я слышал над
головой,
Они полегли - и казалось, что в смерть
хотят меня взять с собой.

С чем-то дрожащим в душе моей,
говоря будто лист с листом,
Стучались мне в веки, трогали губы, -

и все о том же, о том...
Нозачем ядолженсними уйти?
Нехочуяинемогу:
Вышеколени-ещехоть год удержаться бы
на снегу.

Перевод Василия Бетаки

НИ ДАЛЕКО, НИ ГЛУБОКО

Нрав у людей такой:
Им на песке не лень,
К берегу сев спиной,
В море глядеть весь день.

Парусной лодки крыло
Там оживляет вид,
Порою воды стекло
Чайку на миг отразит.

Берег хорош собой
И многообразней стократ,
Но бьет о песок прибой,
И люди в море глядят.

Не видят они далеко,
Не видят они глубоко,
Но хоть и бессилен взгляд,
Они все равно глядят.

Перевод А. Сергеева

ВЕСТНИК

Гонец с недоброю вестью,
Добравшись до полпути,
Смекнул: опасное дело -
Недобрую весть везти.

И вот, подскакав к развилке,
Откуда одна из дорог
Вела к престолу владыки,
Другая - за горный отрог,

Он выбрал дорогу в горы,
Пересек цветущий Кашмир,
Проехал рощи магнолий
И прибыл в страну Памир.

И там, в глубокой долине,
Он девушку повстречал.
Она привела его в дом свой,
В приют у подножья скал.

И рассказала легенду:
Как некогда караван
Китайскую вез принцессу
По этим горам в Иран.

На свадьбу с персидским принцем
Свита ее везла,
Но оказалось в дороге,
Что девушка - тяжела.

Такая вышла заминка,
Что ни вперед, ни назад,
И хоть ребенок, конечно,
Божественно был зачат,

Они порешили остаться -
Да так и живут с тех пор -
В Долине мохнатых яков,
В краю Поднебесных гор.

А сын, рожденный принцессой,
Царя получил права:
Никто не смел прекословить
Наследнику божества.

Вот так поселились люди
На диких склонах крутых.
И наш злополучный вестник
Решил остаться у них.

Не зря он избрал это племя,
Чтобы к нему примкнуть:
И у него был повод
Не продолжать свой путь.

А что до недоброй вести,
Погибельной для царя, -
Пускай на пир Валтасару
Ее принесет заря!

Перевод Г. Кружкова

ШЕЛКОВЫЙ ШАТЕР

Она - как в поле шелковый шатер,
Под ярким летним солнцем поутру,
Неудержимо рвущийся в простор
И вольно парусящий на ветру.
Но шест кедровый, острием своим
Сквозь купол устремленный к небесам,
Как ось души, стоит неколебим
Без помощи шнуров и кольев - сам.
Неощутимым напряженьем уз
Любви и долга к почве прикреплен,
Своей наилегчайшей из обуз
Почти совсем не замечает он;
И лишь когда натянется струна,
Осознает, что эта связь прочна.

Перевод Г. Кружкова

ЗОВ

Я вечером к лесу пришел.
Пел дрозд, и еще была
Опушка светла, но за ней
Уже воцарилась мгла.

В лесу стало так темно,
Что птице было пора
Устроиться на ночлег,
О песнях забыв до утра.

Однако закатный свет

Пред тем, как совсем угас,
Помедлил на миг, чтоб дрозд
Попеть мог в последний раз.

В вечерней песне его
Мне вдруг почудился зов,
Как будто к себе звала
Печальная мгла лесов.

Но я, дожидаясь звезд,
Решил, что, песней маня,
Не мне пел сегодня дрозд
И звал еще не меня.

Перевод Б. Хлебникова

И ЭТО - ВСЕ

Весь мир, казалось, вымер или спал;
Кричи иль не кричи - не добудиться.
Лишь из-за озера, с лесистых скал,
Взлетало эхо, как шальная птица.
Он требовал у ветра, у реки,
У валунов, столпившихся сурово,
Не отголоска собственной тоски,
А встречного участия живого.
Но тщетны были и мольба, и зов,
Когда внезапно там, на дальнем склоне,
Раздался торопливый треск кустов
И кто-то с ходу, словно от погони
Спасаясь, бросился с размаху вплавь -
И постепенно с плеском и сопеньем

Стал приближаться, оказавшись въявь
Не человеком, а большим оленем,
Что встал из озера, в ручьях воды,
Взошел на камни, мокрый и блестящий,
И, оставляя темные следы,
Вломился снова в лес - и скрылся в чаще.

Перевод Г. Кружкова

ВЕТЕР И ДОЖДЬ

1

Осенней позднею порой
Кружились листья надо мной,
И ветер в лютой круговерти
Пел о кончине летних дней,
А я в беспечности своей,
Припав к нему, подпел о смерти.
Когда бы знал я в годы те,
Как долго надо пробираться
Сквозь ветер по пути смертей,
Чтобы со своею повстречаться!
И кто б меня предупредил,
Что каждый, кто заговорил
Об этом - хочет ли, не хочет,
Смерть неизбежную пророчит
И всем, и, в том числе, себе...
Мы горя в юности не знаем,
Но если песни распеваем
О смерти - то не оставляем
Иного выбора судьбе.

2

Цветы сухих степей
Неприхотливы - им воды достанет,
Которая, сочась с горы, достанет
Едва до их ступней.
Что ж, так возможно выжить. Чтобы жить,
Не надо воду каплями цедить,
А следует омыть себя потоком,
Склонясь в поклоне низком и глубоком,
Чтоб распрямиться в полный рост потом.
Порою размышляю я о том,
Как разом вознести под свод небесный
Моря и океаны влаги пресной,
И опрокинуть прямо над цветком.
И пусть наислабейший лепесток
Случайно канет в гибельный поток -
Грустить об этой доле неуместно.

Не только корни пить хотят и рот -
Весь мир, все тело, атомы и поры.
Разверзтесь надо мною, хляби вод!

А прочее не стоит разговора.
Хмелящий ливень крепче, чем вино;
И таинство лучей дождю дано.
Лишь хлынет он, как я уже снаружи:
Там, где вода, и перезвон, и лужи.
Пусть сумерки - но это лучший час,
Поскольку ливень в это время начат
И, словно слезы, сыплется из глаз,
Которые давно уже не плачут.

Перевод Н. Голя

ВТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

К СЕБЕ

Я бы хотел, чтоб этот лес дремучий,
Невозмутимый, древний и могучий,
Не просто был личиной тьмы, но чащей,
В даль без конца и края уводящей.

Туда уйду я и в безбрежность кану,
Не опасаясь встретить ни поляны,
Ни большака, где возчик засыпает
И колесо песок пересыпает.

Но почему я должен возвращаться?
И почему бы им не попытаться
Догнать меня - тем, кто со мною дружен,
Кому, быть может, до сих пор я нужен?

Они увидят: я не изменился,
Лишь в прежней вере крепче утвердился.

Перевод Г. Кружкова

ПРИЗРАЧНЫЙ ДОМ

Этот дом простоял много лет.
Только дома давно уже нет.
А когда-нибудь даже руины
Зарастут одичавшей малиной,
И последний забудется след.

Через бреши прогнивших оград
Лес вернулся в запущенный сад,
Где тропинка к воде заросла.
А у груши теперь два ствола,
И по-старому - дятлы стучат.

Как печально, что умер наш дом,
Что не выбежать вновь босиком
На дорожную теплую пыль.
И взлетает во тьму нетопырь
Над невидимым чердаком.

Под-над гулкой речною водой
Начинает кричать козодой,
Но опять умолкает тотчас,
Не решаясь унылый рассказ
Продолжать пред ночной немотой.

Мало света у летних светил.
Всех, кто кров наш со мною делил,
Я забыл. Может, помнит о том
Камень, если еще подо мхом
Чьи-нибудь имена сохранил.

Среди призраков пара одна
Мне особенно ясно видна.
Меж безмолвной родни
Вечно рядом они,
Тени тихие, - он и она.

Перевод Б. Хлебникова

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Печаль моя, осенних дней
Со мною пасмурность деля,
Твердит, что ей всего милей
Унылый вид нагих ветвей
И тропка в мокрые поля.

Она мне говорит всерьез
О том, что радует ее,
Что шумных птиц спугнул мороз,
Что серебрит туманный ворс
Ее неброское шитье,

Что роща серая пуста,
Что небо клонится к стерне,
Что ей одной понятна та
Таинственная красота,
Которой-де не видно мне.

Давно я знаю наизусть
Упреки эти, что с того?
До первых снегопадов пусть
Мне их нашептывает грусть,
Усугубляя колдовство.

Перевод Б. Хлебникова

КЛАДБИЩЕ, ГДЕ БОЛЬШЕ НЕ ХОРОНЯТ

Живые часто бродят тут
Среди травы и старых плит;

Но мертвым вход давно закрыт -
Сюда их больше не везут.

"Сегодня, - с камня стих твердит, -
Твой взгляд по мне едва скользит.
Но завтра мертвый мрамор плит
Тебя навеки приютит".

Как мрамор в смерти убежден!
И лишь одним встревожен он:
Нет мертвых, хоть взывает стих.
Что так отпугивает их?

Но если б плитам мы сказали,
Что больше нас не проведешь,
Что умирать мы перестали -
Они поверили бы в ложь.

Перевод Г. Подольского

ЧТО-ТО БЫЛО

Я, наверно, смешон, когда, склонившись
Над колодцем, но не умея глубже
Заглянуть, - на поверхности блестящей
Сам себя созерцаю, словно образ
Божества, на лазурном фоне неба,
В обрамлении облаков и листьев.
Как-то раз, долго вглядываясь в воду,
Я заметил под отраженьем четким -
Сквозь него - что-то смутное, иное,
Что сверкнуло со дна мне - и пропало.

Влага влагу прозрачную смутила,
Капля сверху упала, и дрожащей
Рябью стерло и скрыло то, что было
В глубине. Что там, истина блеснула?
Или камешек белый? Что-то было.

Перевод Г. Кружкова

Содержание:

1. Роберт Фрост стр.3
2. Роберт Фрост. Биография стр.5
3. Стихотворения стр.11

3.1 Антология двух стихотворений стр.13

Огонь и лёд стр.13
1 стр.13
2 стр.13
3 стр.14
4 стр.14
5 стр.14
6 стр.15
7 стр.15
8 стр.16
9 стр.16
10 стр.16
11 стр.17
12 стр.17
13 стр.18
14 стр.18
15 стр.18
16 стр.19
17 стр.19

18 стр.20
19 стр.20

В лесу снежным вечером стр.20
Stopping by woods on a snowy evening стр.20
Остановка зимним вечером у леса стр.21
В снежный вечер дорогою мимо леса стр.22
Снежный вечер в лесу стр.23
Глядя на лес снежным вечером стр.23
Остановившись на опушке в снежных сумерках стр.24
Остановка на опушке леса зимним вечером стр.25
Остановившись в лесу снежным вечером стр.26
Зимним вечером у леса стр.26

3.2 Из сборника "Прощание с юностью" стр.28

Пастбище стр.28
Во глубь себя стр.28
Ноябрьская гостья стр.29
Любовь и загадка стр.30
Поздняя прогулка стр.31
Звёзды стр.31
В бурю стр.32
Ветер и цветок на окне стр.33
Оттепель стр.34
Вешняя молитва стр.34
Болото стр.35
Страдание во сне стр.36
В забвении стр.37
С удобной точки стр.37
По воду стр.37
Откровение стр.38
Цветочный островок стр.39

С нами пан стр.41
Смех демиурга стр.42
Закрой окно стр.43
В лиственном лесу стр.44
Песня в ливень стр.44
Октябрь стр.45
Ропот стр.45

3.3 Из сборника "К северу от Бостона" стр.47

Починка стены стр.47
Смерть работника стр.48
Гора стр.54
Домашнее кладбище стр.58
После сбора яблок стр.62
Страх стр.63
Дрова стр.67

3.4 Из сборника "Между горами" стр.69

Неизбранная дорога стр.69
Старик зимней ночью стр.70
Гнездо на скошенном лугу стр.71
Потемневшего снега лоскут стр.72
Телефон стр.72
Первая встреча стр.73
Лягушачий ручей стр.74
Желтоголовая славка стр.74
Пленная и свободная стр.75
Берёзы стр.76
Побеседовать с другом стр.77
Корова в яблочный сезон стр.78
В перекрестье прицела стр.78

Девочкин огород стр.79
Цветы за окном стр.81
Привет от зяблика стр.81
Снег стр.82
* * * стр.92

3.5 Из сборника "Нью-Гемпшир" стр.97

Перепись населения стр.97
Звездокол стр.99
Точильный круг стр.102
Дикий виноград стр.105
Две ведьмы стр.108
1.Ведьма из Койса стр.108
2.Нищенка - ведьма из Графтона стр.114
Заброшенное кладбище стр.118
Снежная пыль стр.118
Всё золотое зыбко стр.119
Убежавший жеребёнок стр.119
В смысле пенья стр.120
Ни далеко, ни глубоко стр.121
Врасплох стр.122
К земле стр.123
Прощай, оставайся холодным стр.124
Двое видят двух стр.125
Вспоминая зимой птицу, певшую на закате стр.127
Оттепель на холме стр.128
О дереве, упавшем поперёк дороги стр.129
Вся певчая рать стр.130

3.6 Из сборника "Западная река" стр.132

Лужи стр.132

Месяц *стр.132*
Светлячки *стр.133*
Особенная атмосфера *стр.133*
Постоянство *стр.134*
Мимолётное *стр.134*
Смирение *стр.135*
Однажды на берегу океана *стр.135*
Пичуга *стр.136*
Дерево в окне *стр.136*
Соломенная крыша *стр.137*
Зимние кущи *стр.138*
Знакомство с ночью *стр.139*
Западная река *стр.140*
Дюны *стр.143*
CANIS MAJOR (Большой пёс) *стр.144*
Блаженная ноша *стр.144*
Счёт жизни *стр.145*
Последний покос *стр.146*
Родина *стр.147*
Дверь во тьме *стр.147*
Ноша *стр.148*
Что сказали мои пятьдесят *стр.148*
Медведь *стр.149*
Яйцо и паровоз *стр.150*

3.7 Из сборника "Неоглядная даль" *стр.151*

Плоды гесперид *стр.151*
Время ливня *стр.153*
Придорожная лавка *стр.154*
Бюрократично *стр.156*
В зоологическом саду *стр.158*
Затерявшийся в небе *стр.159*

Пространства стр.160
Сравнение листьев с цветами стр.160
Ступая по листьям стр.161
Гора и дол стр.162
Он же - с каждою стороной стр.163
Лунный циркуль стр.164
Ни в даль, ни в глубь стр.164
Расчёт стр.165
Птица, поющая во сне стр.165
После снегопада стр.166
Там строгая страна стр.167
На длинном поводке стр.167
Мстители стр.168
Гонец, приносящий горе стр.172

3.8 Из сборника "Дерево-свидетель" стр.174

Бук стр.174
Шёлковый шатёр стр.174
Чем счастье короче, тем ярче стр.175
Войди! стр.176
Я что угодно времени отдам стр.177
Carpe diem стр.177
Ветер и дождь стр.178
1 стр.178
2 стр.179
Едва ли не всё остальное стр.180
Желание вернуться стр.181
Как тучка стр.182
Открытие Мадейрских островов стр.182
Юному лесорубу стр.187
Актуальный урок стр.188
Необычная крапинка стр.193

Блуждающая гора стр.194
В стихотворении стр.195
Браконьерство стр.195

3.9 Из сборника "Таволга" стр.197

Отступление на шаг стр.197
Письмо без марки в нашем деревенском
почтовом ящике стр.197
Первобытному стр.199
Пять ноктюрнов стр.200
Ночной свет - 1 стр.200
Случись что-нибудь- 2 стр.200
Бравада - 3 стр.201
Проверяя, что именно случилось - 4 стр.201
Долгой ночью - 5 стр.202
Путь стр.203
Астрометафизическое стр.203
Скептическое стр.204
Восторженное вознесение стр.205

3.10 Из сборника "На вырубке" стр.206

Плод молочая стр.206
Последнее стр.208
Безвозвратно стр.209
Он устремлён вперёд стр.210
Авгур стр.210
Тягловая лошадь стр.211
Осложнение стр.212

3.11 Параллели стр.214

Путь к себе стр.214
Дом-призрак стр.214
Ноябрьская гостья стр.216
Прогулка поздней осенью стр.216
Звёзды стр.217
Баллада о герани и Буране стр.218
Ветру, несущему оттепель стр.219
На болоте стр.219
Боль во сне стр.220
С удобной точки стр.221
За водой стр.222
Откровение стр.223
Смех демиурга стр.223
Окна закрой стр.224
В лиственной роще стр.224
Ропот стр.225
Починка стены стр.226
Смерть батрака стр.228
Страх стр.234
Другая дорога стр.237
Лягушачий ручей стр.238
Берёзы стр.239
Корова в пору сбора яблок стр.241
Перепись стр.241
На заброшенном кладбище стр.243
Чтоб вышла песня стр.244
Нечто там есть стр.245
Двое на двое стр.246
Наша певческая мощь стр.247
Пичуга стр.249
Крыша стр.249
Зимний рай стр.251
С ночью я знаком стр.251

Западная река стр.252
Дюны стр.255
Созвездие Большого Пса стр.256
Медведь стр.256
В зоопарке стр.258
* * * стр.259
Ни далеко, ни глубоко стр.260
Вестник стр.261
Шёлковый шатёр стр.263
Зов стр.263
И это - всё стр.264
Ветер и дождь стр.265
1 стр.265
2 стр.266

3.12 Вторые параллели стр.267

К себе стр.267
Призрачный дом стр.267
Ноябрьская гостья стр.269
Кладбище, где больше не хоронят стр.269
Что-то было стр.270

4. Содержание стр.272

Роберт Фрост
Роберт Фрост. Биография

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор: **Амидала**
Художественныйредактор: **Амидала**
Техническийредактор:**Asqwerty**
Ответственныйзавыпуск:**Asqwerty**
Оформление:**Амидала**

Утверждено к публикации:
13.01.2016 Формат документа:(А4)
27,9х21 Тираж:Без ограничений.

2015 год